

ПИОНЕР

ЯНВАРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1956 год

1

Многие явления природы можно изучать, лишь наблюдая их в разных местах одновременно. Поэтому учёные и решили провести с 1 июля 1957 года по 31 декабря 1958 года Международный геофизический год. Научные экспедиции тридцати стран в разных местах земли будут проводить географические и геофизические наблюдения. Вы знаете, что Советские научные экспедиции на дальноплавучем корабле «Обя» и «Лена» уже отправлены в Южный полюс, в берега Антарктиды.

Наши учёные выбрали для своих исследований самую труднодоступную часть материка. В 1958 году они создадут береговую обсерваторию «Амбары», а потом начнут разведочные полёты вглубь материка, где будут установлены ещё две станции — «Восток» и «Советский».

Не легко сделать модель движущегося тела. Работая на Днепропетровском заводе, пришлось потрудиться. Модель в пятьдесят раз меньше настоящей добычи, но она помогает предсказать себе работу движущегося тела. И не только предсказать, — вы можете и услышать в ней от самой модели! Да, да, модель сама «разговаривает» с собой! Внутри неё работают установленные микрофоны, на которых записана беседа о работе добычи.

Модель эта находится в Москве, на IV Всесоюзной выставке технического творчества учащихся трудовых резервов.

Знаете ли вы, что через несколько лет с карты Западной Сибири исчезнет озеро Байкал? Оно превратится в море. Байкальские моря советские люди создают для того, чтобы бесперебойно могли работать сооружения на Нартыше Усть-Каменгорская, Байкальская и другие электростанции Нартышского каскада. Усть-Каменгорская станция уже даёт ток. Сейчас полным ходом идёт строительство Байкальской ГЭС. Не рискуете вы видеть, как она будет выглядеть.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 1
ЯНВАРЬ
1956

В этом номере:

Федя Кандар.— Из повести Ф. Котлянской. Рисунки А. Горюхиной	2
Орланды в море. (Рассказы и детские поэзии).— В. Маяковский и А. Некрасов. Рисунки Е. Цей- лера	14
«Улетай, разговаривая с детьми».— Е. Шнейдер	16
Норолы и я. Дети без границ. Стихи о Луи.— Давид Родриг. Перевод Н. Ахима	19
Велик книга.— Ю. Новикова. Рисунки Л. Тараканова	20
Дети Пандор.— Е. Саркис	23
На берегу Сахаровского.— Рассказ Дании Леониды. Рисунки В. Цыганера	27
На заду.— Рассказ М. Захаров	33
Что случилось с Николенькой.— Рассказ Н. Котлянской. Рисунки Ф. Лемарка	34
Абсолютный чемпион.— Рассказ Н. Горбунова. Рисун- ки Е. Виноградова	38
Надежные друзья.— Н. Малиновская	43
Встретил дядю на Каву. (Из записок путешественни- ка).— Н. Галкина и М. Зинкевич. Перевод с английского С. Ротной	49
Народные таланты.— Рассказ А. Вред	56
Путухи.— Рассказ Ю. Соловьева. Рисунки Е. Цей- лера	62
Надвиг грозы	66
Почему я отстал	67
Друзья.— Игорь Н. Голосовский	69
В море плаю	73
Детские олимпийские игры.— Е. Кривоногов	76
В часы досуга	79

На обложке:
рисунки Ф. Гейбеля
«Неожиданные встречи»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

нашего корабля и общаешься со всеми. Но Крестьян за-
дал маме-то особый вопрос: откуда, а почему —
этого не мог понять ни я, ни, кажется, он сам.

— Как-то с ним подружился, — сообщил он мне на-
стоящим тоном.

— Подружился он тебе?

— Угу.

— Чем же?

— У него починка кораблей, — сказал Лера, по-
маленьку.

Я посмотрела зачем-то выдать своего удивления.
Почему у Фёды был действительно профессиональ-
ный, но отчётливый, дружелюбный, совсем ласка-
тельный, — не мне помешать казалось, что для дружбы
этого в общем маловато. Лера, видимо, держалась на
этот счёт своего особого мнения. Каждый день он
отвешивал в Крестьяну новые достоинства:

— Его учились рисовать в школе. Рисует — всё! За-
далось здорово рисует.

На тут обнаружилась неожиданная прелесть: Кре-
стьян не хотел дружить с Лерой. Он говорил на с
ним на отца-то, а Лера ему, видно, был и по-
лее близким человеком.

— Откуда! — сердито говорила Фёда, когда Лера
подходил к нему с полунахальным поведением: «Что
прикажешь?

Анатолий был гордым и самозабвенным — это все мы
знали прежде. И по этому знакомым бывшим и чело-
веческим он должен был казаться про себя, а ещё
вернее, по инстинкту: «Ну и чёрт с тобой!»

Но он не только не сказал этого, а ещё с боль-
шим уважением стал добавлять фёдовские достоинства.

Если он и обижался, то зачем этого не показывать.
Он не стеснялся, не отходил ни единым разном
словом, на упорно садился рядом с Фёдой готовить
ужин и отлучался по необходимости к нам в спальню, для
чего поворачивался кривизной к Мисюре.

Узнавша взрослые Фёда выполняла беспрекослов-
но, никогда не отказывалась, не спорил. Учила кораблю.
В общем, вешая немалое на Анатолия от дру-
гов. А всё-таки в готов был голову проломать: не-
что-то надменно в душе этого мальчишка, и грубо-
сть, не поддается надруганию.

Иблонька

— Постарайся, — сказала мне Гала ещё в начале
лета, — в данно холода, да никто не приехал...
А сейчас не поздно ли будет?

И замолчала. Я подождал на ней, выжидал. На
Гала это не похоже — начинать так осторожно, на-
деясь.

— Что поздно?

— Я, а холода бы... посадить деревья... иблонь.

— Так что ж тут такого?

— Ничего.

— Ну и сама на здоровье.

Через несколько дней я привёз на пыльном са-
молёте. Гала сама выехала кину, села с первой
иблонькой ротом. Я был встал её поздно, но она
мне остракила мою руку. Сунула Лера:

— Галочка Константиновна, дайте же...

Она так испугалась и это, Я молча смотрел, как
она была в две минуты приняла избитый кол, как
берёнку посадила деревцу, провела, не вышло
ли две слезы, — нет, всё правильно... Она сосредото-
ченно рыла, потом привадила иблоньку и
молча, чтобы ей не расслышался вопрос, а в всё
стала и смотрел с какими-то сочными чувствами. По-
том внезапно посмотрел на ребят — на много в этот

час вылезали рядом — и по плечу ухватилась такая
пожилая, что Гала на пороге сделала ещё один дер-
зок на нашем дворе, перед глазами, а в это же время
он вытрос дала складывает что-то своё, кому-то
особенно мило. И вдруг мать Фёды толкнула в
грудь. Конечно, это должно было принести мне оди-
ну! Но тут же сиди этого происшествия!

— Константиновна иблонь...

Это сказал не Мать, но Лера, а кто-то из детей,
которые недавно приехали из ребят.

Иблонька первая пришла. Гала берёнку ука-
зывала за око.

А потом случилось вот что.

Однажды Лера подумал сманить верёвку, который
иблонька была привадила и кильшу. Он осторожно,
берёнку разложил уша. Я увидел это в ремень, что
Лера выполняла просьбу Гала. Увидела, потому что
иблонька Гала ухватилась за свою пыльную са-
ма, не вылезала на шаг. Наконец Лера разгудал уша и
только пригласил сманить верёвку, как увидел
идущего мимо Крестьяна.

— М, Крестьян!

Тот даже не обернулся. Лера сказала это за руку.
Фёда, вдруг испугав, резко повернулся к Лере и
мне всея сел толкнул его. Анатолий отлетел прямо
на иблоньку, и она перепрыгнула поглотом.

— Не тряс! — крикнул я на бегу.

Иблонька пошла на тонкой кильше. Лера стоял
рядом, беспомощно развела руки, отлучаясь от-
своей килье его перепрыгнула иблонька, сманывая бля-
нкой. Осторожно влезла ещё работа, и в про-
гляд вылетела Лера, пока, как Анатолий, застынуло
напоказом.

— Лера! Бля!

Она пошла в дом.

Мать под нашим навесом для покаяния дождики
было делал одной минуты. Я присел на картине и
осторожно, стараясь не пошевелить полосу коры и
тонкие колючие деревца, ещё следовало обо-
ходиться, подлая верёвку, проткнул ей и вы-
лезая, вылезая кружкой стаю на море паравал в
лубы и, взяв на руки и запылавшей Лера был,
принесла плетью бить, тогда сманную руку.
Вокруг было тихо, так тихо, тихо и не слыши
плотью несколько десятка ребят.

— Ты девочка, срастётся! — раздался вдруг над
мной тихий голос Гала.

— Думай, срастётся! — ответил я, поднимая голову.
Голос её прозвучал резко, и лицо не выдало
ничего, только сведённые брови подрагивали.

— Галочка Константиновна! — крикнул и мой Лера.

Это в спешке, простите меня...

Лицо её было стало жалостливо и раскаянно.
Гала быстро привела ладони по его чёрным
изверженным волосам и ушла в дом. Мы молчали.
На в один, много вышло, при маме общительности
Лера сказала иблонь.

— С ума сошёл! — не выдержал наконец Геро-
нот. — А ты при чём?

Но Лера, видно, и не думал выговаривать Фёде:
он был скорее уверен, что сам не всё выложил.
— Ничего мне было спать, — горестно сказал он.

Стал слышны верёвку манти. Галочка Константинов-
на сказала, и так быстро, а мне захотелось как
лучше...

Я посмотрел на Крестьяна. Лицо его было в крас-
ных пятнах, глаза ниспадали смотрел худого похора
моей головы.

— Слушай, Крестьян, — звонким голосом начала
была Лера.

Но тут Фёда встревожился и своим голосом поби-
жал в дом вслед за Галой.

Мать шла у палаты и подошла к себе Катяма.

Одного его не оставили. Если Галя надо было отлучиться, её сменила Лада.

В балах салата и котлет Лада, видя, пристраивала себя без малого Никомом Никитичном. Она с величайшей аккуратностью отворачивала леварство, забавляла на листе температуру, много спрашивала:

— Уверь тебя ещё! Не сомневайся тебе!

Фада оказалась покладистым болельщиком, не выходя, не спрашивала, только отворачивалась от всякой еды и не в дело просил пить. К концу второго дня он вдруг спросил:

— Все выходящие?

Мы показали, что он не всё помнил, хотя пришел в сознание вскоре после того, как в правую его дышло.

— А в болельщика... прозвонил он с обложечником, услышал удивительный ответ.

Одного ночью он только стал дельтаться:

— Все выходящие! И Катюшу!

И мы перестали помнить, когда он бредет, а когда приходит в себя. Но ночью он часто звал мать и, слушаясь, кивал Галя.

— Мама!

На четвертый день температура упала. Фада не мог даже очнуться, бредя, оступаясь. Завтра его проведать, и увидать, что на шее его лежат следы. Я отел глаза, но он сказал, совсем незаметно:

— Я не знаю, это просто так.

— Это от слабости, от потери сил,— подхватила на помощь Лада.

Поре разрешалось заходить в больницу не больше чем на полчаса в день, но он старался в эти отведенные ему полчаса расспросить Фада обо всем, что происходило дома и в школе. Он говорил тихо, заботливо, без точки и запятой, но утешал выдохнуть всё.

— Хвати, хватит, у Фады была тебе температура поднималась,— сказала его Лада, и он пошуточно ушел, уже в дверях уткнувшись досадить своим занятиям.

Выходящая из больницы Катяма болельщиком всегда утешал на окончательную близкую глазу, на говоря, по аппетиту, наконец! К человеку возвращаются силы, можно жить, в его глазах уже нет усталости, разведаться и она Катяма была любопытнее по всему на свете.

Фада выходящая из больницы. Он лежал на спине дыша, глаза открыты прямо перед собой, словно сквозь стену, молчаливую, неподвижную, уходящую в себя.

Ночной разговор

Как-то вечером Галя сидела в больничном возле фановой палаты. Лада была занята, Фада спал, а Галя читала Ленинские письма. Потом подняла глаза и встретилась взглядом Фады.

— Ты не спишь? — удивилась она. — Конечно, сплю!

Он отрицательно качнул головой. Своим наступлением ничем не нарушенным тишиной. Шли минуты, Галя почувствовала, что мальчик спит, засыпает: он прикрыл глаза и не шевельнулся. И вдруг она услышала:

— Что я как хочу сказать, Галя, Константин...

И Фада заговорил. Он рассказывал о том, что случилось, потом всё болельщик и болельщик. Галя слушала, не прерывая. Она понимала: как же опасно для Фады болельщик, лучше ему убедиться в его правоте, дано болельщик на дню, выходящая до конца, Катяма болельщик на грех и на так.

Фада шёл с матерью и братишкой колодезнику от Потама. (Недалеко от Потама, — так он сказал на среду, а после долгого раздумья.) Отца не было, и Фада его не помнил. Мать работала на швейной фабрике.

— Вот так мы и жили. Очень даже хорошо жили...

Фада вдруг умолк. Галя не шевельнулась, но повторила его слово или взглядом. Он молчал долго, вдруг, глотая слезы и своему главному, и Галя не могла ему собраться с мыслями. Но он начал так долго, что Галя уже подумала, не ушел ли он. Подняла глаза и увидела, что Фада смотрит на неё широко раскрытыми блестящими глазами.

— Да,— тихо сказала она.

Однажды портрет фановой матери вывешивал в коридоре, под — там была Доска почёта, а на ней портреты удивленные. Фада очень любил ходить с братишкой в сад и видеть на мажине портрет. Но доре у них все ребята тоже знали про мажину доску и про портрет знали бы, даже если б Фада вчера про это не говорил. (Горазд мажинский, там всё про всё знает.) Но, конечно, и он говорил об этом, ему было приятно и ласково, что у него такая мама, и приятно было, когда она раз взяла его с собой на фабрику, видеть, как удивительно и ласково все там с ней разговаривают. И его там, встретили тоже ласково и приветливо, и мастер мажинского цеха всегда шутил с ним.

А потом Фада перешел в класс парикмахера заготовлен для стелажки. Дома, приговаривая уроки, он развешивал на стене лист ласковой курчавой бумажки, развешивая кисть, краску и приложив на доску. Всё это очень красиво. Бумажки получались красивыми, и краски пожелтели давно. Такого бумажки всё вертелось под рукой. Фада несколько раз велел ему уйти, а он не слушался. А потом как-то так перевернулся и перевернул пухляк с краской тушью на стелажку. Все фановые ребята были испуганы, тушь растеклась по всему листу, и ничего испортить было нельзя. Фада в бешенстве пошел на брату. В разгар потопления звали мать, отела братишка, дана Фада подхватила. (Она не могла не быть, а тут раздалась!), долго ругала его и под конец сказала, что он может не будить ходить в кино и обещать новых красок не получит.

На другой день ребята со доре показали его на новую картину. Фада отказался. Отказался и во второй раз и в третий. К нему пришло: почему! Он

— Если вы любите, Галина Константиновна, в от-
сказа тоже смотру.— Феда приподнялся на постели.

рассказал, как было дело, и тогда один из ребят вдруг вскринул:

— Ну, известно, не родная мать-то.

Феда снова уложил и молчал так долго, что снова Галя совсем была готова, что не дальше.

— Я ему не поверил!— вдруг быстро заговорил Феда.— Я ему... а это так случилось! Потом побоялся и его матери, спросил, а она не смотрит на меня и говорит: «Что ты слушаешь! Лжешь, врёт она. А сама на меня не смотрит... Галина Константиновна!— продолжал он с надрыком.— Стал я замечать. Раньше друил был, не видел, а теперь всё вижу: не так она со мной обращается. Егору и то и сё, а мне— вот, ёго и так и сё, а на меня даже не гля-
дит...

И что только может уберечь человеческая ревни-
вая память! Чего только не подумал Феда со дня дружи! И барыда мать, молвила Егору барыда, чем ему, и в день рождения подарил пухляку доросла, и никогда его не ругала.

— А мама чуть что— сразу ругает! И перед всеми и Егору подкалывает, укоряет, чего-нибудь ему так ска-
жет, а мне только: «Слы, Феда»...

— Да ведь он же маленький. С маленьким воз-
гда...

— Вот и она тоже всегда «Он маленький». Егорушка маленький...— горько сказал Феда.— А я большой, всё на меня. И трудёбный, и это признаю, и то сделал, и потому не убрал, зачем не подкал... Раньше не видел, а теперь всё-всё увидел. И зачем врала! Сама! «Никогда не врала, никогда не врала, если скажешь правду»— покаянно возмоздала... а сама...

— Да ты спроси у неё! Момент, неправду сказала тот маленький!

— Да что вы, Галина Константиновна! Разве я сло-
вои! Я тогда сразу всё понял. И не захотел больше

с ними жить. И пуской остаётся со своим Егоруш-
кой, и зачем я им нужен— не скаж, а она мне не
мать, зачем мне с такими жить!

Он ушёл, не оставил ни письма, ни привета. Ушёл
с тайным решением никогда не возвращаться.

— Но зачем-то возвращаться— не надо. Не давай
матери ей. Подмай, даже если не мать она тебе,
как она страдает, мучается, где ты. Ведь она любит
тебя.

— Ничего не любит. И если вы любите, Галина
Константиновна, в отсказа тоже смотру.— Феда при-
поднялся на постели.

Галя молча уложила его.

— На стену, на стену я ничего писать без твоего
разрешения, да ведь и не знаю, куда писать.

Опять помолчал.

— А можно, Феда, в рассказу Семёну Афанась-
евичу?

— Рассказывайте. Только, если он...

— Нет, нет, а всё ему объясню, без тебя вы ни-
чего делать не станете...

Снова помолчал.

— Ты знаешь, Феда, что Семён Афанасьевич
когда-то дружил ему человеку?

— Знаю.

— А знаешь, что он любит этого человека, как
родного отца?

— Знаю.

— Разве человек не может привязаться к чужому
ребёнку, как к своему?

— Наверно, может. Однако мне не надо. Я не
хочу.

— Ну, сль.

Он не спал ещё долго. Сперва ворочался с боку
на бок, потом лежал на спине, подложив руку под

говору. Наконец, снова повернувшись на бок, обнял руками подушку, заделаю ресно. Губы протряхивались, морщинки на губах и лбу мальчюшески еще расправлены. Гала вторично погладила на плечах у него одеяло и тихо вышла из комнаты.

Глубокий снег

Говорят, в жизни каждого человека наступает момент, когда кончается его детство, кончается сказочная беззаботность, и эту минуту он запоминает навсегда. Но в моменты не думал, что детство — пора беззаботности. Многие считают так: в детстве всё ясно и просто и всё небольшого размера — и деревья, и горы, и уличные лавочки, ланчоны, и верность, и гнев. Нет, не так это! В детстве всё настоящее, подлинное, в полную меру, и тут нет никаких чужих, искусственных радостей и горестей. Поэтому и не знаю, кладёт ли первое разочарование конец детству. Не знаю, не думаю. Но что первое разочарование оставило глубокий, первый след, который никогда не стёрется, — это в жизни папаши Павла разочарование горюче всех других в жизни, от него папаши таманет всё вокруг, оно долго мешает видеть ясно и судить справедливо — в этом я уверен, это я знаю и по себе.

Впервые в память в город, когда мне было двенадцать лет, я бегал на голубой, тонкий деревце, где сначала был пестушок у крыльца, а потом так верев у помойника.

В ту пору я ещё верил в бога, в главного, тайного высшего существа родителей. Я никогда не спрашивал, есть ли голубки, и голубки, и стал, где придётся. Я работал: таскал воду, рубил дрова, убирал двор, подмывал базарную площадь.

Самым, в очках ум, тонкий, безрадостный дядя, после недолгого голода, когда у меня совсем уж кончались в голове и зелёная в салат, я сканд на базаре кусок сала. Поступок этот не давал мне покоя и видел себя в аду, на совести, в вечном наказе. Я пошёл к своим друзьям и пошёл и начал и начал до того, что решил загладить свой преступление и стал помойником у слепого. Я в аду и в дождь мы бродили по неосвещённым дорожкам, по глупым и горючим. Слепой собрал множество, а я был его глазами, вернее, что бог видит нас это.

Слепой был непременно худой и не скрутился только на податливости, но и не был так же, как я. Я считал его святым, богом человеком и всё ему прощал. Мы были близко ему слепой говорил, что есть досыта — грех. Он рассказывал мне много святого и учил меня водворению, смиренному и скромности. Он говорил богатство и бедность — грех, пьянство — грех и другие слова голодаем не простятся. Речи его были монотонны, но всё, что он говорил, запомнилось мне и устроилось.

Одежды мы зарабатывали в деревне, в трактире. Среди ночи в просторной и обширной мой слепой был пьян. Он сидел в компании таких же пьяных бродяг с парочками от водки лицами, грязью ругаясь, смеясь, смеясь тем, как обманывал людей: они отдадут ему, большому старому, последние гроши, а у него в Поголе собственный дом!

Я пристал, стараясь спрятать сон. Да, это был он — мой слепой. На столе сало, колбаса, белый хлеб, сковорода с картошкой. Слепой утихивал богатую спортивную еду, запивал водкой и снова самыми простыми словами ласкал людей за их глупую доверчивость.

Я обнял от него в ту же ночь. Близко куда глаза глядят, и, конечно, было мне всё равно, что он мой становится, радио было жить, думать, смотреть на бе-

лый свет. Вот тогда-то и началось мое странствие: я бродил в чужих домах, голый, голый почти на все времена, сколько не было в уезде Палтавы. Детство не кончилось, оно осталось со мной, но разочарование в одном человеке надолго окрасило мне отношение к другим людям, долго мешало верить им и любить их.

Что же человек фидуса мать! Да, мать. Конечно, она или другая женщина дала Феде маму. А, как мне надо было узнать, что она за человек!

Почему-то, сослав на зная её, я был уверен, что Феда и её несправедливости, что, горестно верить ей, он забыл и покаялся ей подлинной обиды; но знаю, откуда взялось у меня такое убеждение. Гала не решилась говорить так: слишком жёстко была и её пылкой горечи и боя, произраставшей в ту ночь в расхождении Феда. А всё-таки... Шлово на два фидуса рубашки — почти единственные искусства, которые он принёс с собой, — она много могла рассказать... О жизни без детства. О необходимости до последнего беречь одежду. О любви, в мелочах, чтобы сын ходил не хуже других. О долгие часы после работы, когда глаза слезятся и усталость гонит в постель, а ты подбавляешь только соснов уюта в цвет с рубашкой, чтобы шлово не было лишним...

Может быть, всё и кончилось такой вот любовью одиноким! Нет, не похоже на то. Слова в пытке скармливать себе портрет неизвестного человека, но молчаливо представлял себе, как-то она, Феда, Феда часто говорил о жизни в своей прямой семье, в книги, которые он читал тогда, о прогулках в лес и на реку. Я узнал, что судьбами женщины мать хотела делить плуто.

— Это когда я ещё не умел читать. А потом я стал читать, а она слушала. Взор распух, а мама... — тут Феда замолчала и вздохнула, — что-нибудь знает или не знает, что как Галина Константиновна...

Но потом в деревне распространялось, потому что много начали рассказывать неправды о маме, горюче обвинением и укором. («Это Взор любил, что-то читал, а там не умел, вот она и говорила: почитай да почитай. А я в деревне не могу плуто читать. Каждый сын должен читать. И в лес когда ходили, обязательно собирали — там: как спелая ягода, так даян дадам Взорские, мы мальчюшечки...»)

Это было самое лучшее в его рассказе — не что бы то ни стало он старался всё перемешать и вварить. Вскоре слово, самый приятный поступок той, кого он старался сделать матерью, он забывал какой-нибудь малой, недостойной мыслью, во всем была пространные и несправедливости. Я видел: никто не удержит в памяти человека. Феда рассказывал о таких молчалив, а Гала всё-таки морально-смысловыми пустыми, что иногда казалась, он помнит всю свою двенадцатилетнюю жизнь, даже за днём, мекета за минуту. Он рассказывал не о том, что было, истинными чувствами, как будто на всё своё прошлое смотрел через окошко законченного стекла, но видел в нём не скорн светлого, хорошего.

Есть Феда и была убеждена, что без его надежды и не стану рассказывать его семье, и на этот раз не считал себе вправе само собой рассказывать обещание. Я просто обязан был сделать всё от нас зависящее, чтобы дать знать этой женщине что бы её одним: малышка моя и здорова. Родная она ему или не родная, а ум, конечно, не находил себе места. Разумеется, а также передала близу Палтавы есть шлово фидуса, — дело нехорошо. Я написал по неосведомлённости, адресам. Сообщая, что малышка Феда Взорские, давала мне, находилась у нас, но предупреждала, что плуто без его надежды, и проше по всем вопросам обращаться только ко мне.

— И снова пришла весна. Феда никогда болела на холодах и Галия в своем прошлом, но видно было: он помнит чужие, проведенные в теплоте болотники. Он обрывает и мой добрый мир, великолепные глаза. Он стал с мной так — вот, ласковый, даже верное слово. До купания в пруду-би он был весь ошеломленный, неистовый, непроницаемый, поставлен голыми в бок; только все уже было нежизнью. Его отпустила, ослабла какая-то мучительная тайная дружина внутри. И еще с другим человеком он стал вместе — Лоды.

— Она за мной ходила... сказал он мне-то Галия... Она хорошо за болотники ходит.

И Феда отвечала ему добродушным взглядом: мы любим людей, которым сделали хорошо. Феда теперь смотрела на Федю невинно как на свою собственность.

— Вспомни шарф... говорила она... повесил-ка на шее, а не отпусти шарф. Ты еще не вырос.

И Феда без особой возмущенности повесила шарф, и почувствовав неловко над шеей не выходящая феда болела и тревожа, с ней связанная, была еще ближе к ладони у шее.

Я все-таки попытался еще раз поговорить с Федой. Я только спросил:

— Как, Федю, не подумал еще?

И не дожидаясь он так свернула глазами в ответ, что я пропустил язык. Слова смотрели на меня глаза прекрасного Крестука — неистовство, атакующее; они обжигали шарфом, как стала на морозе. Они говорили не страшно, но смело! Это не твой, это мой, только мой!

У Гали было терпение, у меня его не было. Я не мог говорить с тем, кто делает нежность, вырастая из себя мальчишкой, горюет, нежится и не находит себе места. Я начал по всем адресам, поступал во все двери, а также мог, и отговорок становился: «Вот у нас нет».

Такой нет, такой нет... Где же она? Я не знал ей, но думал я ней часто. Я знал, что это такое, когда от тебя уходит человек, в которого ты ушел всю жизнь душой. Я понимал, какой мне было, когда из Березовки пошли ушли вечером с деревянными рыжками глазами, Митяя Король, Люболю Митяку и где-то добил, и обождал он нас, ходить по кругу, не-длинно. Но разве можно променять? Король в то-гда знал что-то для, а она Федю выжила, она его выжила. Какую же ей его потерял?

Но забыть мне всеобщий детский день. Все они мы расторгли, и всякая вернулась в дом со своим своим глумом, и законом, законом, смеянство. Деревня еще стояла соломой, но почти забыли и глумом вот-все променялись отрывом рыжками глазами.

Я подождал и обождал, поэтому прощали летом (маленькая Феда. Присел, осторожно присосунулся к губе, охваченному хрупкой, тонкой стал. Вечное же, слово по слову, отговорок стала становиться ребята: кто приехал с огорода, или переломанный алым землей, с лопатой в руке, кто... деревня в об-ветке ледяной, кто... закон ладил, страшно ушибан-но. Они только стали ладилутом и алым глазами в мой круг. Я договорился до познания — она сидела прощала, хорошо.

— Помню... — сказал я, впрочем, и тотчас повесил шарф... — Крестик, Клей... на шеей шарф...

Тут я не отговорок Федю голову и ушел Федю. Упорство расставил ноги, он стал отвечать всем и, на меня, следов за мной меня двинулся.

Феда пришла на третий полон...

Со всей осторожностью, на какому был способен, я начал снимать повязку. Рывком ушел, сбиваясь без памяти. Вспомнил разбитую бить, перекачивая все это на руки в руки. Вдруг около себя на том, что приговоренные про себя: «Так... так... сейчас... вот так...» — слово это и перекачивая разбитую руку кому-нибудь на ребят.

Вот бить повязку, аны дощечки. Так, так... осторожно. Отдалось одну дощечку, другую. Деревня стоит переломанно — правое, стрелное. Слово шло, только светлая повязка на море — вот и все, что напоминает в переломе. Сердце у меня так колотилось, будто перед мной сверкающая туча вы-оросенка. Милый Милый! Вдруг на стену на шеей шеей бить, дощечкой аны, напором собою каждую шеей аны, напором правдано, шугло-руженное аны...

И вдруг туча вырывается. «Ура!» — кричит Ка-лея и подбегает к ней. «Ура!» — во все море крик Лора. «Ура! Ура!» — кричит и звонит во все стороны. Один только Феда молчит. Губы крепко смыты и все-таки, море, дрожит, а глаза болтают, неподвижно, и так блестя, будто стоят в нем непрелестные слезы.

Вот у Лоды на руке лоды и толкает затерянную обложку. Калея уже повисла Гали, она тоже садится на морском рыжком со мной, затеряется лоды до слова, прощала ладилу по безразличному нежному шарфу — и вдруг улыбается самой своей светлой и доброй улыбкой.

До вечера у нас у всех нет другого разговора, на все лады мы перебираем, как это было:

— Нет, я не думаю, что красивее...

— И я. Душами где уж ты!

— Ведь на одной неточно аны! Со мной наполо-вину спомнил.

— Вот ведь что значит не потеряться! — философ-ствует Лора. — Бить бь когда махнул рукой, что бы сейчас было, а!

Один Феда молчит. Его терзают, подталкивают: — Раз! Раз! Да говори, чего ты!

Он шарит возмущенно тучами и все-таки молчит. Может быть, быстрее, чем всегда, бегает в этот день. Вот именно: во сегодня не ходит, а бегает, — бегает из столовой в спальню, из спальни на кухню, — куда и зачем бы не шло, да не ходит, а бегает.

Вечером мы играем в горах.

Мы бегом с Федой по всей дуге и спускаемся вниз, да, чем Калея улетает на ладилу.

— Слыш! Африканский! — говорит Феда, крепко сжимая мою руку. Давайте махнула мою маху. Давайте махнула, только поскорее!

«А я тебе про хорошее скажу...»

«Дорогая мама, здравствуй!»

Писал тебе твой сын Федор. Не сидишь на море, мама. Не так тебе душно Лыжа скажет, что ты мне не родная, а не захотел оставаться дома. Ты меня

просто, и ты на меня не сердись, потому что я не мог.

Я о тебе скучаю и по Бгору скучаю. Мальчик мне ты, и он быть должен, как у вас. Он уже, наверно, хорошо пошел. Мой адрес такой... Отвечай сразу.

Феда.

Глаз вернула этот листок, сирень и синея порывы-Тышадя—глаза ей сияли.

— Я знала! — повторила она. — Я знала, знала! И мы стали ждать ответа из маленького сабурского города П. Эвент, Пастаку он тогда выдумал, — и как это я, старый корабль, не догадался!

В эти дни Феда разговоривал без умолку, и мы шаг за шагом восстанавливали всю картину его странствий после того, как он ушел из дому. Он говорил, как говорил человек, долго против воли молвавший, — говорил, рассказывал и не мог надышаться этим счастьем: не тайть, не прощать, отыскать, увидеть отеческий взгляд, услышать отеческое слово, — счастье этого он был так долго лишился.

Я слушаю его с любопытством и трепетом. Маленькая, домашняя, совсем не знавший радости, он, опустившись один, постигая так, словно за его плечом был немалый опыт самостоятельной жизни. Он был сосредоточен, не делал ни одного лишнего, неважного шага, не сказал ни одного неосторожного слова, которое могло бы возмутить его домой. Он пересаживался с одного места на другое на другом, всё дальше отходя от дома, и знал билет на поезд дальнего следования только уже выходя из дуэтики из родного города. Да и там он устроился уютно, билет какого-то парня мог двадцать, больше, что самому ему не продадут без расписки, а лишнее спросил опять, не могли вернуть его домой.

Он не обращал на себя внимания. Мальчик как

мальчик, едет хорошо, за спиной только нарисованный водоворот махал. Всем, кто этим интересовался, он объяснял, что мать его умерла, а он едет к старшему брату на Украину.

— Почему на Украину, Феда?

— Слушай такой вышел...

Случай вышел уже в дороге, в вагоне. Феда лежал на верхней полке. В вагоне было темно, горела только маленькая тусклая лампочка, и полному же не мог разглядеть двоих, сидевших внизу. Но, хотя они говорили тихо, Феда всё слышал, и, когда разговоривал об этом разговоре, казалось, что каждое слово отпечаталось в памяти его сердца.

— Я сажу человека где-нибудь рядом, пусть хоть сто лет пройдет — по голосу. Такой голос — не слышишь, а заслушивался. Он говорит тому, ну, с которым сидит, «А, — говорит, — такого в жизни неведомо, что меня теперь не испугает». Я всё видел и слышал и тогда понял, и уж разговорив был, — спасибо, открыли. Мне, — говорит, — чтоб испугаться, уж не знаю, с кем встретиться надо. А другой — с которым он едет, — говорит: «Смерть на самом страшном, и самое страшное — подлость человеческого. А подлость человеческой в жизни столько, что не расписать». А тот, который говорил, говорит: «Подлости много, а хорошего ведь больше. Вот есть же такие люди: увидел подлость — и уж всех подряд подлыми считает, никого кроме не видит. Нет, ты мне про подлость не говори, а про мой случай тебе знай. А в тебе про хорошее скажи. Вот довелось мне маленького попутчика лет в тридцатьесть познакомиться. Застал он меня и еще одного — тому лет двадцать было. Молодой, приятный, ему бы жить да жить. Пришел в шубу. Далеко зимой было, на улице мороз, заморозки, и в ту пору топились, крылись маленьким, жаром. За столом сидят и начинают и говорят: «Я вам обещаю — отступу на четыре стороны, только вы мне всё как можно скажите. А вы же, такую картину устрою — не обрадуется». И тут дружок мой, ни слова не говоря, сунул руку в карман, достает горюшка углей, закидывает в горсть и, мучась не морщась в лицо, говорит: «Ну, как думаете, скажу я вам что-нибудь? Как, — говорит, — думаете: испугаете, а видел пытки? Так и не стала нас больше спрашивать, но чтобы затоптали в шку и лезли прямо на расстрел. Его, несчастного, меня расстрели — и обложь веревкой. Но, как вышло, вот он и — здоров, острый, живой. Девочка, которая расплачивалась день в шубе, и сшила. А ты говоришь, подлость. Давно ты мне историю про подлость, а в тебе лень — не про подлость. Чья вина-мать»

Потом замечали еще, в подошвах подошвы и спрашивали: «А как его звали, дружка вашего?» Он ехал, поднимая рукой по шее голову, «А, — говорит, — кто такой? Я ему объясняю: так, мой, и так, пар и брату, а как вашего дружка звали?

Потом замечали еще, в подошвах подошвы и спрашивали: «А как его звали, дружка вашего?» Он ехал, поднимая рукой по шее голову, «А, — говорит, — кто такой? Я ему объясняю: так, мой, и так, пар и брату, а как вашего дружка звали?

«А, — говорит, — такого в жизни неведомо, что меня теперь не испугает».

Он говорит: «Федор, Федор Крещук. А тебе зачем?» «Так. А где вы тогда были?» «А разве ты не говори маме не беспокоиться? Я и Уришана, мы оба с Федором из-под Киева».

Уриша в перекур, села с полком, а их уже нет. Я и решил: поеду на Украину, в Киев, и найду Крещука. Он Федор, и я Федор. А фамилию возьму его, стару Крещук, и тогда мама точно не ошибется...

Письма

— Сашен Афенасович! Письмой Наверно, про Федю...

У Лары от изнуренного перелетания дрожат руки, глаза так и сверлят шариковую пистолету бумажу самодельного конверта.

Верно, письмо из П., адресованное мое маме. Быстро открываю конверт, сестра не подлая — нет, фамилия такая, не Федина. И писал точно не своим примитива руки, почерк неразборчивый, буквы выглядят у людей, но члена берущихся за перо и чернила:

«Уважаемый товарищ учитель Карабашев! Сообщаю, что София Александровна Голубина нашла три письма уехала в сестра в город Псков. Она, как Федя ушла, поэтому сказала, а потом сказала: здесь больше оставаться нет мочи. Уехала в город Псков, сказала писать ей, если что. Она мне писала больше не поддается. Я ей сейчас свое письмо пишу и вам тоже пишу. Адрес в городе Пскове у Софии Александровны Голубиной».

Но мама, почтучу, на от этого письма панику не нас правдой. Я утверждал себя — почему бы? Ведь это так приятно: женщина неизвестно куда отправиться на правдивое место, где всё тактично ей о прощании, мальчики, она была одинока, вот и решила пережить в родной, в другом городе. Но правду панику не на прощание. Гала тут же при Ларе составила подробную телеграмму, которую он тотчас же и отнес на почту. О письме П-ской сестрой Феде решил не говорить.

Я писал отсылать телеграммы маме, на худой конец, через день. Прощай мать дорог — отсылать не было. Через неделю Гала сама пошла на почту, чтобы дать новую телеграмму, и там ей вручили письмо с пожеланием шлангом.

«Уважаемый тов. Карабашев!—привет маме.—Писал Вам сестра покойной Софии Александровны Голубиной. Сообщаю, она давно нашла назад, 15-го, от брошенного тифа. Я сама фельдшер, лечила мы ее в в больнице день и ночь, но уже стало плохо было. Из П. она поэтому уехала, что мама не могла там оставаться, когда Феда пропал. Она пережила с младшим Федюшиным братом ее маме. Она рассказывала Феде, но ничего не могла с ней уметь. Ваши телеграммы отсылаю на место. Для сестры было бы очень боль перед смертью узнать, что Феда мне и здоровья. Она обоим мальчикам любила, как родным сыновьям. Феда четыре лет не было, а Ветрушка только три месяца, когда она не была. Из мать была с нашим Сашей близкая подруга. Саша звали обоим мальчиков, потому что у меня своих трое, а у Саши своих детей не было. Она звали и мои переживала, замечала мне напевавшую мать. Потому Феда ушла, потому не была. Сестра той себе упрямая, что, знаешь, не хотела быть ему настоящей матерью. А я знаю, что это неправда. Она это была ребенком отдала, только с ней в думала. Значит Феда такое горе ей принес, не понимаю и простить не могу. Он уже

большой мальчик, мог бы понимать. Егор прона не знает у мамы, точно говорит по матери и брату...»

Почему и просто ничего не писал. Трижды, четырежды переписывала мы это письмо. Феда четыре лет не было, а Ветрушка только три месяца, когда она не была.

— Подумай, только подумай! — дроздинским губами сказала Гала: — Значит, она и Феда и Егор была пережила, а не родила. Обоим вырастала, выжила... А о чем, глупый...

Одна мы много передал Феде об этом говорит не могла. Это письмо надо до горы скрывать от него. Надо что-нибудь придумать, соорудить. Но что? Что ему сказать, как объяснить, почему так долго не отнесла Лару, который пережил Гала, переживая с сестрой, мы как-то не соорудили выразительного прихода, чем вскрыть письмо. Май не уже одного у Лары было столько выразительных слов, он еще не слышал, уже пережил даже и доблестные откровения, там более горе за друга. Должно быть, сам чувствуя это, он прямо от мамы подал в госпиталь. Но кто-то ушел по дороге его переживающего лица, кто-то сказал Феде. Феда сказала это и, не поверив односельчаному «брату бабам», что-то догадался.

Он велел нес с Галей встать, без стужа распеленуть дедку. Он быстро подошел и требовательно сказал маме за руку:

— Письмо! Дайте!

Я не смел на сказать, ни предумать, что-либо, чтобы отвлечь время, а просто занебавился на секунду. Феда повернулся к Гале, глянул и ей покрасневшим глазом — она не стала ни отговаривать.

— Дайте!

Гала молча протянула ему письмо.

Горе

Когда умирает дорогой человек, всегда, но малая ссора, выжила, обоим, а тем был перед ним виноват. И малая вина становится большой. И маленькое слово раздается в панику, как подлинная. Выжила, выжила все душевные слова, которые человеку нужны были при жизни, а ты помню-то на его похоронах, — и молча простить себя, что он не был слышан. Почему, почему мы дуем об этом, когда потеря невосполнима? Зачем горю себе, когда уже ничего нельзя вернуть?

Сказать, что Феда был в отчаянии, — значит не сказать ничего. Чувство вина, которую он уже познал пережила, сейчас, когда услышать ей стало невыносимо, отчаянный крик души этого и нет. Он замкнулся в своем отчаянии, безмолвном горе, и издалось невосполнимым вынести его из этого состояния. «Никогда, никогда больше» — вот что мучило его сильнее всего отчаяния. Никогда он ей не увидит. Никогда не скажет ей, как любил ей, как тосковал в распути. Никогда она не узнает о его раскаянии — никогда, никогда, никогда.

Впервые он понял, что одной материальной силой — невосполнимости прошлого, невосполнимости того, что уже произошло и чего не было, даже самым жарким раскаянием не изменить. Он сейчас, не раздумывая, пережил бы любые мучения, лишь бы вернуть то, что вернулось было невосполнимо. И те дни, которые он провел в своем раскаянии, теперь пережил ему самым счастливым, счастливейшим. Что бы ни дал, чтобы вернуть хоть день, хоть час, когда он был радостен с матерью! Как бы дорожно он каждый минуту, добрым прикосновением, ласковым взглядом, как бы даже каждый миг жизни своей...

Уж лучше бы он плавал. Уж лучше бы не было с ним никакого суда, чем это несчастное отчаяние. Если я пробовал говорить с ним, он прижимал кулак к глазам, моргал головой и только стоял там своим стоном истерзанной боли, когда слов уже нет.

Счастлива, он сам признавал по моему или в Гале, по моему отчаянию: «Галина Константиновна... Галина Константиновна, что же тебе или? Что же мне делать теперь, Семён Афанасьевич?», — мы иногда не слышали.

Удар был мгновенный. Там более мгновенный, что обрушился на Федю в тот час, когда он уже так был силен, когда он больше всего на свете хотел увидеть мать, расковать ей обоим, что было паромом и парадом. Отпустил Федю зов на два месяца раньше, он ещё успел бы поговорить с матерью; но это помешало, и от того года его становилось всё горше. Мало того, он убедился сам, что он единственной причиной её смерти, что он один во всём виноват.

— Ну что ты, ведь у неё болела. Была, таф, ведь болела тебе, — терпеливо успокаивал его Митя.

Каково в развед, что фидан отряд работает на пропавших, а Федя нет. Я спросил, где он.

— Да ладно, Семён Афанасьевич, — морщительно сказал Лера. — Пусть мы сами...

— Ему не до зайцев зайцы, — прибавил Барят. — Как это не до зайцев? Человеку всегда до зайцев. Пусть работает вместе с вами.

Лера смотрел на мать с укором, сурово.

— Вым человек этот, ты его выжидай, конути! — сердито спросил я. — Нет, маме, попробуешь выждать!

— Ну, попробую... Так ведь у него все что случилось...

— Случилась большая беда. И барятит вопросы, прислушайся с утешением на недо. А оставь, чтобы он на провалы лезал и только в своём горе думал...

— Вот и Митяна говорит, — сказал со вздохом Лера.

— Правильно говорит. Что и не послушаешь!

— Ну, он правед! — сейчас же замолчал. И тогда, как на кладбище. Ему от этого тоже не болело за собой.

Я очень понимал работ разговорать при Федя так, сейчас только на правились, следов. Мать так худе. Что же делать!

Я не находил в себе сил и не считал себя вправе сказать Федю: «Потеряла забыла. Не мог я так сказать. Не знаю, должен ли человек помнить кому-нибудь друга, слово, которое ранит, удар, душевный любовный рукой, обиду, боль, которую нельзя или нежелательно признавать тем, кто тебе дорог. Тут каждый решает для себя, и нет случаев помешать. Но можно ли забыть о том, кого не стало? Да, конечно, если бы память могла быть сильна и разлететь по ветру, всем нам хотелось бы этого. Но бог с ней, с такой любовью. Вспоминаю ленив. Если бы не лениво, если бы человек замкнулся в своей скорби и отгораживался от жизни, тогда стала бы невыносима. Но забывайся неслы. И не забывайся надо помнить Федю. Его надо помнить мыслями о будущем. Не так?

— Я знаю! — вдруг говорит Гала. — Да, да, да, я, конечно, знаю! Подумай, Саша, а что, ведь...

— Барят!

И я опять слышу смутный смех, так всегда смеется Гала, когда оказывается, что мы думали одинаково и поэтому пришли к одному.

Много преобразований видел я на своём веку, но другого такого, пожалуй, не встречено. Улыбалась мать Боря, Федя встрепенулся, весь подскочил вперед и схватил Галу за руку.

— Сюда! Боря сюда! Нет, Галина Константиновна, вы правду говорите, правду!

В нем всё оживало — глаза, голос, — всё трепетало. Общими руками он и бездумно и безбашенно, как маленьким, целовался за Галу и говорил, обращаясь, но дождавшись ответа, и снова повторил:

— Боря сюда! Когда же! Вперед! Вы слышали? Счастливы! Когда же!

Гала, стараясь не трогать его волнением, вполчала спокойно и всё тихо поглаживала его по голове, отводя волосы от лба.

— А ты там разве всё этом не думаешь? У Анны Александровны тридцать ребят, ей хочется оставить у тебя четвертого. Да и Боря будет лучше у нас, вместе с тобой, верно будет!

В Пове в тот же день полетела пылью, а на дождь Федю оставил, самое трудное — ждать.

Было это в начале августа. Ответа мы ждали на разных чинах недели через две, скорее всего в начале сентября. И вот в это же для нас приехал Виктор Барят:

— В послухи письмо от тата. Она больна, просит приехать к ней на неделю. Если не вернётся, посмотрите, вот она пишет...

— Да зачем же мне смотреть? Что у тебя за странные привычки! Всегда съезжайте на доверенный! Разве ты думаешь, что тебе не верят?

— Нет, я верюте так... Знаете, маме, Семён Афанасьевич? У тата сердце очень плохое, а за ней Боря... Голос Боря заступал слышно, и мне стало совестно, что я придрался к нему.

Мы разрешили ему съездить на неделю в Харьков — с тем чтобы он вернулся на неделю 27 августа. Тонна Рувальдрова скардана его, дала отгулы, командовала, бухнула хлеба, дала отгулы и на сенокос. Она забавляла всё улаживала, заводила спускала Виктора:

— Помодоры ты тарным делом съезди: рассмотри. Видишь, какое степь! А потом уж приехали на отгулы. Ну, а добрый час, придет 18-е и, смотри, на западней. И Барят, Боряна бухнула, заныли как в дороге...

Барятини она дала свой. Так с приятельным бездельем в руке и небольшим знанием своего расклевом за степью Виктор и отбыл в Харьков.

А вскоре пришло письмо из Пове: сестра София Александровна и в своем деле хотела быть уверенной. Боря у себя; она подумывала о детском доме и все не решалась отдать мальчонку. Но если я, мам, и Федя... Погодуй, на это она согласна. Сейчас есть мальчонка только — один маленький мальчик идет в Харьков. Погодуй же мальчонка с мам! Да Харьков нам всё не проблема, чем до Пскова. Она ждет телеграммы: знаменитый человек со дня на день.

Мы тут же откликнулись и на следующий день получили адрес человека, который 28 августа приедет в Боря в Харьков.

— Эх, — досадой сказал Василий Борисович, — адреса пошлестытого гитанто мы и не знаем! Далеко ли телеграммы, он бы задержался на день и приехал Боря этого самого.

— Да уж лучше бы Янушево обходить, — возразил Митя Король.

Что-то в его словах насторожило маму:

— Это почему?

Мита не успел ответить, как раздался голос Пиды: — Вылезет же так, что и человеку немыслимо! — Гм... немыслимо! — удивился Василий Воросов. — Я, например, такую свою немыслимо могу обмыслить.

— Однако адреса нет, — сказал Мита, который, полагая, впервые за своей памяти ушел от прямого вопроса. — Надо думать, что он поедет.

Поглядев кого-нибудь на рейл, мы побоялись: вдруг кто-нибудь задержится, но поспешно и первому сентября. Надо было идти кудаму на арестантов. Легче всего было бы послать Рахислава Андреевича. Но вдруг вылезала Гали:

— Я думаю, надо поехать мне. Я же сдала работу всю, — сказала она протестующе, и мы затрепетали за нее.

...Когда пришла из Гали телеграмма и там, что она с Игорем выехала, а решил приехать Фёдо, который не наводил себе места, и встретить на не в Старолевце, а чуть раньше.

Мы сели с Фёдой на дальний поезд и повезли в Волокола, где харьковский поезд останавливается на несколько минут. Везли в двадцать-тридцать минут езды. Фёда протренился у отца и предположил, что на протяжении нашей второй осенней лес — холмы, березы, красные, словно огнем обожженные сосны. Я стал рядом с Фёдой, обхватил рукой его плечи, и он прижался ко мне. Ветер покатывал на стекла, но мне казалось, что крепкое тело мальчугана задрожало не от одной этой прохлады, а чувствовал в нем глубокую внутреннюю внутреннюю дрожь истеричного волнения, драматичной работы. Там выжили скрытые напряжения, стои рядом с работником истеричного.

Но вдруг и я сам задрожал и закричал, но в смысле повернуться. Поезд в ритмичном зловещем глубоком голосе. На секунду я еще подумал о надежде: ошибся! Но тут же понял, что ошибся нет.

— Дорогие граждане, дада и тата! Показываете работу! Два дня, как мать стариков, осталась с пятью безработными и истеричками. Поделись на пропитание, сколько можете...

Нет, ошибся не было. Я знал это. Знал еще и потому, как напряглись и раскрыли под моей рукой фалды плеча. Он, как и я, не повернулся, только слушал и ждал.

Зловещий голос приближался. Он повторил всё это и по мне, едва заметно, напрягся, привычным тоном нашего, но с чувством, со слезой. Вспомни, Витя. Слышался стук мачет о что-то жесткое. Кто-то кричал:

— Я делал надо, а не по ватонам надо!

Другой голос, стариковский, взорвался:

— Поехал! Его баба толкает что ушибла, дай отомстить. Будешь тебе с женой расставаться!

И третий — молодой — прокричал: забавно!

— База матери, мать-мать мамаша...

Я взглянул на Фёду и встретил совершенно круглые глаза. Уж не знаю, чего больше в них было: ужаса или изумления! Что это? Да что же было — ватно говорил он.

— Не поверю, — сказал в одиночку губами.

Голос всё приближался, вот он уже почти рядом. Вылезало в открытую, протянул руку. Автоматическое плавание, на тогда мне в лицо, Яковле подставил жесткую. Но я не успел и ещё минуту — в открытую руку ему не плечо. Он удивленно поднял голову — и открылся, весь побелел, вырвало изверженную банку, в которую собрался мальчишка. Серебряно и медно со слезами повисли по пазу.

Он рванулся, но я держал его крепко. Но нас смотрели с любопытством.

— Чего свистела мальчишка? Что он тебе сделал? — услышал стонящий рядом со мной чуждый голос, но виду слезы, всхлипающегося со слезы доней.

— Правда, чего свистела? — проговорил ещё кто-то.

— Мой мальчишка! — прошептал в слезы губы, и все укоренилось вокруг.

Мы проехали в вагоне ещё талостный полтора. Молчали мы три, молчала и все пассажиры. Но напряжённо, сдерживающая плечи под моей рукой слыла слова говорившей: «Нет, уйду, ради, не за что не поеду с тобой!»

Подозвонил в Волокола. Когда стали выходить из вагона, над всеми плыла бронированная — машина с оставшимися пассажирами. Сзади, выходя, едва не отгёрла меня от Витора, и в это мгновение он наступил с быстрым, протиснувшись движением подальше жителями.

Да главного поезда оставалось минут двадцать.

— Семён Афанасьевич! Отпустили меня! Я же за что с вами теперь не поеду! — отчаянно сказал Витя.

— А в тебе теперь не отпустил, — ответил я, как мог, спокойно.

— Не за что не поеду! И Галина Константиновна не поедит! — повторил он тем же отчаянным голосом.

— Галину Константиновну мы сейчас встретим: она едет на Харьков, куда ты, в вагон, не попал.

— Если вы ей скажете...

— Я скажу ничего не скажу, — ответил я. И тут мы с ним оба взглянули на Фёду, который сдержанно смотрел в сторону.

— Не могу! Кричу всё равно всем рассказываю! — всхлипнул Витя.

Фёда впервые взглянул на него тем же сдержанным, отстранённым взглядом и шепнул, но твёрдо слышал:

— Раз Семён Афанасьевич не хочет говорить, так и я не скажу!

И мы оба — и Витя и я — поняли, что он действительно будет молчать, намертво и неважно слышами никто из него и слова не выйдет.

Прижаться, про себя в задумчив с некоторым облегчением. Мне всегда было трудно, особенно ли в дороге. Я хотел только одного — не уступить мальчишке, оставить его около себя. Но будь с вами Фёда, я добился бы этого без большого труда. Присутствие Фёды едва не побуждало меня.

В вагон в Витора на дур конторскую банку с оставшимися пассажирами и шепнул подальше.

— Ну, всё. Теперь будем ждать Галину Константиновну с Игорем. Да, последняя где-то была! [Зловещий цвет рыжий болелся у него за плечами.]

И вдруг в его глазах что-то вспыхнуло, и он, тихо обрадовавшись, терпеливо ответил:

— Утром, Семён Афанасьевич... всё ещё укоренилось! Потому мне и пришлось...

Я не дал ему договорить.

— Не кри. Где была?

Глаза его погасли.

— В Старолевце остался... у тата.

— Ладно, съезди потом в Старолевце. А теперь...

— Семён Афанасьевич, — тихо сказал Фёда и крепко взял меня за руку, — поеду...

Егорюшка

Вчерашняя поездка: мы приехали домой под вечер, и все впечатление отъезда было фальшивым братством. Даже зоркая Тоня Ринальдовна не заметила, что прощальный был не простился. Я решил, что в

ОДНАЖДЫ В МОРЕ

В. Максимов и А. Носов

Небольшая подводная лодка «Малютка» шла на выполнение боевого задания.

У перископа стоял командир лодки, молодой ещё офицер, капитан-лейтенант Костылёв. По его спокойному лицу видно было, что всё идёт хорошо.

Не меняя тона, ровно гудели моторы. Исправно работали все приборы и устройства, надёжные люди — испытанные в боях товарищи — стояли на своих постах и незаметно, без суеты, без лишних слов делали каждый своё дело.

В перископ видно было, что и погода и обстановка благоприятствуют выполнению задания: на море штиль, видимость отличная, кругом, до самого горизонта, ни вражеских кораблей, ни катеров-океанников.

Всё предвещало удачный рейс...

Вдруг резко вздрогнула стрелка глубомёра, и мутнозелёная волна на секунду закрыла глазок перископа.

Командир не успел обернуться, не успел спросить, в чём дело, но уже понял, что слу-

чилось что-то неладное. У штурвала горизонтальных рулей стоял боцман — опытный горизонтальщик. Без причины он не дал бы лодке так резко нырнуть в глубину.

— Что там, боцман, в чём дело? — строго спросил командир, но, обернувшись, сразу понял, что боцман не виноват. Сердито стиснув зубы, он вытался повернуть штурвал, но это, видимо, не удавалось.

— Заклинило? — спросил командир.

— Так точно, заклинило, — доложил боцман, вклинувшись с облегчением взглянул на командира, точно хотел сказать: «Я всё, что мог, сделал, теперь ваш черёд...»

— Так, — с досадой сказал командир, — этого не хватало!

Он привычным взглядом пробежал по приборам и мгновенно оценил обстановку.

...Лодка с неисправными горизонтальными рулями при подводном ходе — то же, что рыба без плавников: она или зарывается в глубину, или всплывает на поверхность. Всплыть — это значит нарушить режим. Это

значит поставить под удар и корабль и экипаж. Ведь враг где-то близко. Его не видно, не слышно, но в любую минуту он может подойти, обнаружить и уничтожить всплывшую лодку... Идти дальше тоже нельзя. Глубина — метров тридцать, не больше: погружешься в дно... Остаётся одно — лечь на грунт.

И командир принял решение:

— Стоп, электромоторы! По местам стоять, к погружению! — приказал он.

Когда умолкли моторы и стихла вода, с шумом слышавшая в балластные цистерны, командир сказал, обращаясь ко всему экипажу:

— До темноты отдохнём, а там всплывём, посмотрим, в чём дело.

И в ту же секунду слышно стало, как хрустят ракушки, доносится под тяжестью судна. Лодка легла на грунт.

Отлежаться на две минуты. Но в ту же секунду расчёт. Запас кислорода на «Малютке» не велик. Часть его уже израсходована в плавании. Сколько придётся лежать, неизвестно... И командир, быстро приняв уже, распорядился:

— Всем свободным от службы лежать на койках!

Невесёлое дело — лежать без движения и ждать часами, что пошлёт судьба. Но на лодке все знали: когда на учёте каждый глоток воздуха, каждый человеческий вздох, другого выхода нет.

Лишний свет погасили. В полутьме люди повернувшись лежали, молчали. Каждый думал о своём, а командир думал один за всех и молотился говорил со старшим рулевым Агаповым, лучшим леговодолазом корабля.

Потом и они умолкли. Полная тишина воцарилась на лодке, только раз в полчаса тихонько пощанивали судовые часы. Наконец, когда пробило двадцать два, раздалась долгожданная команда:

— По местам стоять, я всплываю!

В одно мгновение люди оказались на своих постах. Защёлкали рубильники, зашипел сжатый воздух, вытесняя воду из цистерн.

Лодка надгрела и пошла на всплытие. Потом стало слышно, как шумят волны за бортом, лодку стало покачивать. Значит, всплыла.

Открыли люк. Осмотрелись.

Стояла тёмная, беззвездная ночь. Моросил мелкий дождь. По морю катились невысокие волны с белыми гребешками.

Агапов внимательно осмотрел водолазный костюм и стал одеваться.

Задание, полученное водолазом, само по себе было несложным. Осмотреть руля — минутное дело. Исправить — тут уж как оберётся... Если затянется эта работа, можно подняться, отдохнуть, можно всегда потребовать нужный инструмент, можно и помощи попросить сверху.

Но тут, в боевой обстановке, когда каждая секунда грозит бедой, нужно всё обдумать заранее, потому что любая ошибка может стать роковой.

Поэтому и собирался и одевался Агапов особенно тщательно. Он подобрал инструмент на каждый возможный случай, надел две тёплые фуфайки, предприняв проверку дымового аппарата.

А командир, хоть он и знал, что Агапов — опытный водолаз, всё-таки сам проверил исправность костюма, и запас кислорода в баллончике, и набор инструментов. И только убедившись в том, что всё подготовлено так, как нужно, дал команду.

Когда водолаз уже поднимался по тросу, командир на секунду задержал его и сказал в наступление:

— Эконоьте кислород. А в случае чего — не теряться, ясно?

— Есть не теряться, товарищ капитан-лейтенант! Ясно! — ответил водолаз и поднялся на палубу.

Легко ступая по мокрому металлу, он прошёл на нос лодки. Старший матрос Степан Орлик, друг и помощник Агапова, закреплённый на поясе товарища сигнальным концом, Агапов обернулся к мостку, куда вышел командир.

— Всё, Агапов, можно уходить! — крикнул тот и махнул рукой. Орлик крепко обнял товарища и широкой ладонью шлёпнул его по реинговому шлему скафандра. Это означало: «Пошёл!»

Агапов, спустив ноги в воду, сел на палубу, потом оттолкнулся локотком руками, скользнул вниз и скрылся в набегавшей волне. Теперь с внешним маром его связывала только верёвка, один конец которой был закреплён на поясе, другой — на палубе.

Едва оказавшись в воде, Агапов нащупал ногами плоскость руля. Усевшись на ней поудобней, привычным и такой работе руками он стал быстро ощупывать стальные плавники лодки. Очень скоро в узкой щели между плоскостью руля и его ограждением водолаз нащупал кусок толстого манильского троса и порывался своей находкой: водолаз было сделано — причина неисправности найдена. Теперь осталось только устранить её.

Водолаз нисколько не дернул трос за конец, но тот не поддавался: видно, крепко зажало его между двумя кусками стали. Водолаз дернул второй раз — трос ни с места.

Тут, на секунду задумавшись, как лучше справиться с этим не к месту оказавшимся тросом, Агапов услышал звонкий шум судновых винтов.

Опытные уже водолазники сразу определили, что к лодке спешат катера-охотники.

«Наша-то слышат ли?» — подумал Агапов, но в то же мгновение почувствовал, как дернулся сигнальный конец. Это Орлик предупредил друга об опасности, в том, что лодка срочно идет на погружение.

«Порядок», — подумал Агапов, — услышали во-время». И тут только, когда прошла правая лодка, издавая гудящий звук, годами выработанный тревога за корабль, он со всей ясностью представил свое положение.

А положение, что и говорить, было незавидным.

Спасая лодку, командир принял единственно правильное решение немедленно ложиться на грунт. Иного выхода не было.

Но от этого ему, Агапову, было не легче. Сколько придется болтаться одному на тридцатиметровой глубине, будут ли катера бросать, хватит ли кислорода? Пока об этом рано было гадать. Сейчас важно было одно: покрепче держаться за плоскость руля, чтобы не опираться от лодки во время погружения.

Обхватив руля и ногами плоскость, Агапов весь отдавался этой простой, но сложной задаче.

Здесь, за бортом, он не представлял себе, как встали на местах люди: он слышал, как захлопнулась дверь, как зашумела вода, заполняя цистермы. Потом он почувствовал, как вода со всех сторон навалилась на него страшным грузом. В ушах зашумело, на миг переставило дыхание, перед глазами обгонял друг друга, заискивали цветные круги.

Но он испарил след опытным водолазом. Осторожно освободив правую руку, он нажал кнопку пу-ска-те-ля ки-с-ло-ро-да. Сид-

Вода давила медленно. Трос затвердел в воде и поддавался туго.

Ночью лодка всплыла.

тый газ из стального баллончика, шипя, ворвался в дыхательный мешок. Дышать стало легче. Круги перед глазами погасли, шум в ушах замолк, а, когда лодка с лёгким толчком легла на грунт, Агапов уже дышал так, как может дышать на тридцатиметровой глубине здоровый, привычный, хорошо тренированный человек.

Погружение закончилось благополучно. Прерыва моторажи, катера удалялись, не обнаружив лодку. И когда отгула, из лодки, условным стуком спросили водолаза о его самочувствии, он, ни на мгновение не задумавшись, отстукал в ответ: «Все в порядке» — и принялся за работу.

Вытравить трос из щели целиком не удастся. В этом Агапов убедился ещё там, наверху. Оставалось одно: острым крючком прядь за прядью, волоком выдергивать трос по частям.

Дело шло медленно. Трос затвердел в воде, как дерево, и поддавался туго. Но другого выхода не было, и Агапов терпеливо, клочок за клочком выдергал волокна, все время сознавая, что от его успеха зависит жизнь боевого корабля, товарищей и его самого.

Минуты решали успех дела. Хватит ли сил, выдержки, хватит ли кислорода? От этого теперь зависела общая судьба.

Агапов понимал это и старался не думать о времени. А там, в стальной коробке лодки, не зная о том, что думает водолаз, и, чтобы подбодрить его, каждые три минуты запрашивали о самочувствии.

Он каждый раз неизменно отвечал: «Все в порядке», — а сам медленно вёл счётным стуком, каждый из которых напоминал ему, что драгоценное время идёт.

Прошло шесть... девять... двенадцать минут...

Катера давно ушли. Лодка готовилась к испытанию. А он клочок за клочком дергал волокна троса и пока что не видел конца этой утомительной и скучной работе. И вдруг снова, нарастая, послышался звук винтов. Катера возвращались. Вот они ближе... ближе... Может быть, минуту спустя взорвутся сброшенные с них глубинные бомбы. Даже если промажут, водолазу не сдобровать: стальной корпус лодки ещё может выдержать гидравлический удар, а водолаз погибнет наверняка... Значит, нужно спешить...

Чтобы ускорить работу, Агапов лёг на плоскость руля и принялся вытравить трос с другой стороны. Так дело пошло быстрее. Но и время не стояло на месте: уже пятнадцать минут работал он здесь, на глубине. И вдруг он почувствовал, как по ногте змейкой выше и выше поползли ледяные струйки воды. Агапов понял, что где-то острою ракушкой проколола резиновый комбинезон. Как это случилось, теперь уже было всё равно: он ничего не мог тут поделать.

Плотно стиснув зубами загубник кислородного аппарата, он упорно продолжал работать, стараясь сохранить самое главное для водолаза — ритм дыхания. Но и это было нелегко. Холод давал себя знать. Вступив в борьбу с этим новым врагом, организм так быстро расходовал кислород, что автомат не успевал подавать его в дыхательный мешок. Приходилось вручную добавлять газ из баллона. Так легче было дышать, но появилась новая опасность: на большой глубине кислород становится ядом

для водолаза. Агапов знал это и уже чувствовал первые признаки отравления. Стало похолодевать веки, судорого то и дело сводила руки. А время неумолимо шло. Ещё три минуты... ещё три...

«Только бы не потерять сознания!» — подумал Агапов и отступал: «Всё в порядке».

Теперь он уже ни о чём не думал, кроме этого троса. Он понимал, что уже близка победа, но силы оставались его. Это он тоже понимал и решил отодвинуть немого. Сид, прислушался. В море стало тихо. Он не заметил, значит, как ушли катера. «Это хорошо», — подумал он, но тут снова цветные круги поплыли перед глазами. Уходило самое главное — сознание. На секунду мелькнула мысль: «Всплыть», — но он отказался от этой мысли и тут же услышал ставший уже привычным запрос: «Как самочувствие?»

Собрав остатки сил, собрав всю волю, свободной судорогой, закончившей от холода рукой он просигналил: «Всё в порядке» — и, бросив армюх, рынком выдернул остаток троса. Дело было сделано. Теперь нужно было подумать о себе, но на это уже не хватало сил.

Точно во сне, Агапов услышал три удара — сигнал подъёма. Ожелевшей рукой он перевернул клапан и выключился из дыхательного аппарата, потом последним усилием вцепился в руль и потерял сознание.

Когда открыли люк, рядом с лодкой всплыло неподвижное тело водолаза. Казалось, что он мёртв, но из клапанов скафандра, тихонько шумя и пуская воду, вырывались воздушные пузырики. Значит, Агапов дышал.

Его подняли, раздели, уложили на койку. Несколько минут он пролежал неподвижно, потом открыл глаза, поднял большой палец, повертел кистью руки и не сказав ни слова, снова потерял сознание.

Но и без слов все поняли: руля исправен. Корабль потрунил и под перископом пошла поспешная выработка боевого задания.

А неделю спустя, когда «Малютка» возвратилась на базу, Агапова вызвали в штаб. Вернулся он радостно вольнованный: на его груди сверкал боевой орден Красного Знамени.

Это было на Чёрном море в конце Великой Отечественной войны.

l'Unità

«UNITÀ» РАЗГОВАРИВАЕТ С ДЕТЬМИ

«Unità» — газета итальянской коммунистической партии. С недавних пор каждый четверг на её страницах стал появляться специальный «libro dei ragazzi» — «Книга подростков». Это специальный выпуск газеты «Unità», адрес его идёт Джанни Родари. Нежно и остроумно отвечает он на самые разнообразные вопросы ребят.

Отвечая Родари, написанные то прозой, то стихами, иногда серьёзные, а чаще шуточные, говорят итальянскому читателю большею частью об окружающем его мире, чем любая другая детская газета, адрес её его семье.

Вот Джанни Родари отвечает на вопрос Марко Анжова, почему газета итальянской коммунистической партии называется «Unità»:

— Потому что «Unità» — значит «единство», а наша партия хочет объединить всех рабочих, всех трудящихся, чтобы перестроить мир в Италии по-новому.

— Почему сахар сладкий? — спрашивает Адриана Черри.

— Сахар сладок по двум причинам, — отвечает Родари. — Во-первых, потому, что он содержит такое сладкое вещество — глюкозу. А во-вторых, потому, что пока у нас появились сахар только на сено, а не на сахар. Другой вопрос, что, если бы появились сахар и на сахар, сахар стал бы соевым.

— Почему на Северном полюсе всегда холодно? — спрашивает Массимо Мартини.

— Потому что там есть ледяной Земляк, слабо обогранный солнцем: на нем покатывают ледяные комья солнечного луча. Каждый раз, когда идёт от солнца лучик, но некоторые климатические условия могут быть таковы, что солнечные лучики не могут согреть море и пустыню или преградить доступ холодным ветрам из одного моря в другое. Всё это и ещё многое можно будет сделать, когда знания людей будут обращены только на дело мира.

Пусть Мир планеты нашу охранит,
Как солдаты земли охранят мир...
Тогда флоры человека взрастит
На мате дельфин ледяной пустыни,
Тогда на самом полюсе пылесос,
Замороженный, покатит машинку,
И северный цитрус будет целым
Наруит для мамы мармеладки бабку.

Ринальдо Каттани спрашивает, почему есть ещё на свете война.

— Король царствует до тех пор, пока народ не вернёт. Как только народ войдёт, что король — такой же человек, как все, и почувствует себя достоинством своим, он так или иначе отделывается от короля и провозглашает республику, — отвечает ему Джанни Родари и тут же ласково рассказывает драматический миф о царе Младосе: — Вот, и царь пригласил Младос, а тот не мог превратиться в вола. Так бог наказал царя за его безмерную жадность.

Рассказ о царстве Младос Родари кончает шутливым стихотворением. Это и для других стихотворений Джанни Родари, написанных в газете «Unità», вы здесь прочтёте.

Б. Шендер

IL LIBRO DEI PERCHÉ

Джонни Редери

КОРОЛЬ И Я

Перевод Я. Аким.

Но почему же
Сказку послушать!
Нельзя.
— В драматургии жаль
Развешивать король.

Бывало, как только
Он утром просыпался,
Вставал за хлеб
И в школу приносился,
Зажмет лямку
О застывшем дне:
Золотом сделанном
Хлеб и вино.

Конфетам откупает —
Выплатит сытом.
Нет, не придумать
Умнее сытом!
Платит король,
Царедворцы кланя...

Иначе дела обстоит у меня.
«Чертасом богатым»,
Как поют в романе,
Валюсь я в лямку
С полуголом в кармане.

Куплена, а сущности,
Воссе Богданида,
Но почему
Получа
На части раздалась.

Тысячи тар
Превращаются в соню,
Данном тарт,
Как снег прошлагодей...

Едва подернулся в
Мелочи в руках,
И слова — в чужой —
Сноу в а дала!

ДЕНЬ БЕЗ ГОЛОДА

Эх, если бы стал
Хлебобогатым-хлебобогатым.
Да вылез бы хлеб —
Впереве всем утробам —
Такого аграрного роста.
Что люди невесты бы досыта:
Ведь бедного голода
На свете не сыска,
Которому нечего есть!

Он сейчас закрик бы,
Мой хлеб золотистый —
Огромный,
Поджаристый,
Теплый,
Душистый.

Отведать его бы пришло
Голодным целой Земле.

Приведут малыши
С далекого берега,
Из Африки негры,
Из Южной Америки.
Детскими съедят понемножку,
А птицам достанется крошек.

То будет счастливая,
Светлая дата,
Которую в школы
Заучат ребята:
ДЕНЬ БЕЗ ГОЛОДА.

СТИХИ О ЛУНЕ

Ты слышишь, быть может,
Что шепчет Луна,
Которая по небу
Бродит одна,
Обнадеживает сестром:
Вя люди сестрыну
Построит.

И эту играющую
Луну,
Как мамку,
С Золотом зашируют
В вышивку:
Пускай дремлет в ночь

С подружкой
Гуляет по звездному кругу.

Так, мамки, Луна
На небу шепчет,
Скороет небесная странница,
Глядясь, и объявится
Дочка-Луна,
Внуучка-Луна
И племянница!

...Ты вырастешь, малышка,
И вернется мам,
Наша-луна ты проводишь.
На Луне!

БЕЛАЯ КНИГА

Ю. Новиков

Рисунки А. Тарасова.

В ПУТЬ, СЛЕДОПЫТЫ

С вечера похалил снег, да такой сильный, что Володя Громов не на шутку забеспокоился. Если так будет всю ночь, не миновать «мертвой» пороши. Снег прирастет толстым одеялом все звериные нарышки, и поход следопытов, назначенный на завтра, придется отложить.

От огорчения Володя даже решил лечь спать, хотя время было совсем «детское».

Среди ночи он проснулся. Все спало в доме, огни были потушены. Комнату освещал голубоватый луч. Волосы вскопал, подбежал к окну и оглянул зимнюю.

В темном небе стояла круглая блестящая луна; ветви старой берёзы вырисовывались в окне, точно рога огромного лося. Снегопада как не бывало. Облегчённо вздохнув, Володя лёг, укрылся и тотчас же снова заснул.

...Прошло восемь часов, когда Володя в полном походном снаряжении, с тулупом за плечами подходил к воротам Восьмогой средней школы № 1. Ещё у ворот он услышал звонкий голос Эдика Бредана. Эдик рассказывал, что судак нынче идёт по Реме навалом...

— А-а, охотник! — приветствовал он Володю. — И зачем мы только еду берём? Жареные зайцы и куропатки обесчестены...

Один за другим сходились участники похода. Прибежали Женя Турбанов и Тая Шатова — «медсестра». Пришла учительница географии Галина Ивановна. Из школы вышел «самый главный следопыт» — преподаватель факультета Анатолий Михайлович Андрианов.

— Все в сборе? — спросил он. — Отлично!.. Снег-то сегодня, а? Настоящая «белая книга»! Читайте её внимательно, бывают любопытные записи... В путь, следопыты!

ПЕРВЫЙ СЛЕД

Сквозь лес лыжи, и ребятам кажется, будто лес сам выходит им навстречу. Сначала он высылает своих малышей; рядом сидят на снегу крошечки-ёлочки в широких зелёных юбках. Следом за ними идут сосны и ели постарше — то в одиночку, то в хороше берёз и осин. Всё выше сосны, всё теснее прижимаются они друг к другу.

По-разному оборачивается лыжником лес.

Первым идёт Эдик Бредин. Крепкий, плечистый, он легко прокладывает путь по чистому, блестящему снегу. Но, хотя он и не сводит глаз с дороги, мысли его далеко...

Спору нет, в лесу хорошо, а ещё лучше сейчас на реке. В воображении Эдика рисуется соблазнительная картина: леска спущена в тёмную воду, на конце её подёргивается, пляшет, как живая рыбка, блесна; потом леска натянулась, словно струна... И вот на льду уже бьётся тяжёлый серебристо-серый судак... Для Эдика лес — только путь к реке.

Таня Шатова прислушивается к лесу с живым, вострым любопытством. Лёгкий сухой стук... Это дятел, как врач, простукивает дерево. Что-то шевельнулось в ветках, пушистый комочек хвоста — снежного убора ветвей — упал на дорогу. Может быть, там белочка? Ой, как хочется Тане взглянуть на белочку или посмотреть, как играет на снегу рыжая лисица! Ещё ей очень хотелось бы первой заметить звериный след... Пусть ребята увидят, что и девочка может быть следопытом!

А Галена Иванова мало думает о следах. Она просто наслаждается красотой снежного леса. Хорошо он сейчас, в январе! Старые сосны покачивают серебряными головками, голубые тени залегли в оврагах. Всё крутое голубое и белое, но едва свесью стволы пробьётся солнечный луч, снег вспыхивает красными, синими, оранжевыми искорками.

Володя — прежде всего охотник, а охотника тянет не только смотреть — он должен действовать. Выбежал бы сейчас на просеку какой-нибудь зверёк, уж Володя не стал бы звать. Эх, пролетел бы тетерев, зайц бы проскакал!

— Ребята! — внезапно раздаётся голос Эдика. — Ребята, след!

Идущие в конце колонны прибавляют ходу: всем хочется поскорее взглянуть на первый след. Таня Шатова пробивается вперёд, взгляды всех и вдруг говорят разочарованно:

— Завеша, Эдик, по-моему, это просто корова...

След и правда похож на коровий. Только, видно, это была очень большая корова, и копыта у неё почему-то заострённые, а позади следы какие-то две точки.

Володя быстро наклоняется над следом.

— Эх, ты! — говорит он Тане. — Какая же это корова? Это — сохатый.

В ЧЕМ РАСПИСАЛАСЬ ЛЕСА

След лоса оказался старым; на дне его, или, как говорят, «в стакане», уже выросла ледяная корочка. К тому же он был единственным; другие следы сохатого, видимо, замело снегом. Но страшная вещь: точно же за следом лоса так и начали поспевать ребята «звериные записки». Точно лесной волшебник проткнул перед следопытами «белую книгу».

Многие из записок были совсем понятны. Вот следы зайца-беляка с широко расставленными пальцами, с подошвой, заросшей густой, длинной шерстью... А там по снежному насту протянулась длинная цепочка следов, ровная, точно её прострочили на машинке. Хитро думался зверь, ставя задние лапы аккуратно в след передних. Но зверь даже и в зигзаги

След лоса. Задние копыта полностью переходят след передний.

Следы передних и задних лап зайца-беляка.

своей простодушности: где ему понять, что самой своей осторожностью он выдает себя людям! Кто по этому ровному следу не догадается, что здесь пробегала Лиса Патрикеевна?

Ребята разбирают «завись». Лиса пробегала по просеке всего несколько часов назад: следы совсем ещё свежие. Сначала она трусила ровной рысцой, никаких завалов и шорохов не смущали её. Но вот лиса затормозилась, пошла прыжками: испугалась чего-нибудь или вдруг почувствовала добычу.

Следы
мускусно-белобородника.

А вот и разгадка. Лисей след приводит к высокой разрывной кочке. Кочка — мышинный городок. Лиса занималась здесь любимым своим делом — «мышинанием». Крошечное пятно крови краснеет на снегу: лисица прихватила полшку дуба. Чаше она глотает мышей щепочком. Кочка вся разрыта лисыми лапами.

Ребята спускаются в низину, к ручью, заросшему вянком в тальником. Отсюда их путь лежит к Высокой горе. Володя отстаёт от других. Внимательно осматривает он кустарники, не ободрана ли где кора.

Сохатый не идёт у него из ума... И Володя не замечает, что в «белой ямке» прямо у него под ногами появилась новая завись. Из-под веток тальника бегут по снегу две тонкие бороздки птичьих следов.

«Вот-вот, читайся, Володя!» — выстукивает дятел. Но Володя не слышит. Он думает о лосе...

Вдруг что-то зашумело в кустах, и оттуда испорхнули вверх белые птицы. Мельзаят чёрные кончики крыльев... Володя схватился за руку, но поздно: белые куропатки скрылись... Пожор, пожор для охотника! Ладно ещё, что не вылет никто, что нет поблизости наместника Вани.

Но только Володя подумал о Ване, как тот появился.

— Ты где же это застрыл? Галина Ивановна беспокоится.

— Да вот упустил куропатку, — неожиданно для себя признаётся Володя и покорно ожидает колкой наместника.

Но Ваня обезоружен приметой признания.

— Ну, упустил, так упустил, — говорит он спокойно. — Идём... Наши на Высокой горе... Там, понимаешь, одна интересная загадка.

След северной
лапы волка.

ЛЕСНАЯ ЗАГАДКА

С загадкой, о которой говорил Ваня, ребята встретились у подножия старой расклевистой ели. Вот здесь свидетельствовало о короткой лесной драме: пятка свежей крови и клочья шерсти, вмятые в снег.

— Великая волоконка, серенькие... — чуть не со слезами говорит Ваня, положив клочок шерсти на ладонь. — Здесь белочка была... Кто же её убил?

В самом деле, кто убил белку? Вместе со всеми Володя и Ваня тщательно осматривают полянку возле ели.

— Понятно! — кричат Вова Видовов. — Это охотник белку подстрелил. Видите, лыжня? А вот и собачьи следы.

— Очень возможно, — подтверждает Жена Турбанов. — А потом белку подпалата собака. Снег примет... Значит, здесь происходила какая-то борьба.

— По-твоему, белка с собакой боролась? — злобно спрашивает Ваня.

След задней лапы
волка.

— Смотрите внимательно, — говорит Анатолий Михайлович. — Это старые следы. Верно? Охотник с собакой проходил здесь дня три назад. А кровь на снегу совсем свежая... Нет, охотник здесь ни при чём.

Ещё в ещё раз обследуют ребята место происшествия, а всё не могут навести на разгадку. Некоторые даже предлагают уйти, но Таяя не согласна. Ей хочется во что бы то ни стало узнать, кто же убийца белочки.

Чуть ли не в пятый раз осматривает она корявый ствол ели и наконец объявляет с торжеством:

— Глядите! Здесь следы каких-то копыт!

— Молодец Таяя! — говорит Анатолий Михайлович. — Молодец, что нашла причину, и молодец вдвойне, что не хотела уходить, не разгадав загадки... Я думаю, ребята, это работа какого-нибудь лесного хищника. И скорее всего — куницы.

Постепенно следопыты выясняют все подробности ночного происшествия. Куница гналась за белкой по ветвям. Об этом говорит осыпанная хвоя. И всё же белочке удалось укрыться в своём гнезде... Но белка не успела на месте... Что выгнало её из гнезда? Страх ли или непоколебимое белочье любопытство? Так или иначе, она снова выскочила на ветку, а там спустилась вниз по стволу... Тут-то и схватила её притаившаяся куница.

Ребята идут дальше. Володя снова отстаёт. Однако на этот раз его удерживают не мечты о встрече с сохатым. Затаяв дыхание, крадётся он к большому сухому дереву.

Шаг, ещё шаг... Подойти бы поближе! Серая сова там, наверху, уставалась на Володю своими круглыми глазами, но она сейчас всё равно ничего не видит... Гремят выстрел — и, сбивая с ветвей снег и сухие листья, тяжело падает в сугроб серая сова...

— Есть! — восторженно кричит Вана, всё время наблюдавший за Володей. — Ребята, сюда! Володя сову убил!

Ребята бегут, окружают Володю. Каждому хочется потрогать убитую птицу, и никому из них неизвестно, что вешему радоваться. Сова — полезная птица, враг полевых мышей.

ПОГОНЯ

Тропинка ведёт по склону вниз, к берегам реки Рена. Близок конец пути. Но при спуске с горы происходит небольшая заминка: у Таяя оборвался ремень.

— Погода! — говорит Володя, берёт у Таяя лыжу и, присев на колен, приделывает ремень. Куст мешает ему, он отодвигает ветки, всматривается... и вдруг говорит странно тихим голосом: — Ребята! Следы!

Нет, нет, он не ошибся!. На снегу отпечаток удлинённых раздвоенных копыт. След точно такой же, какой попался им в самом начале похода. Только на этот раз след совсем свежий, и он не один — их много. Сохатый, должно быть, проходил здесь сегодня ночью. Ярко голубые, бегут следы вниз по склону, неудержимо привлекая Володю.

— Можно, Анатолий Михайлович? — спрашивает он. — Можно я пойду по этому следу?

Анатолий Михайлович не возражает. Конечно, можно! Он думает даже, что всем следопытам будет очень интересно проследить путь лоса. И ребята устремляются вниз по глубоким голубоватым следам.

Сохатый, должно быть, пришёл сюда на «жаровку»: на многих де-

Следы горностая.

Прыжки Волка.
Следы задних
лап впереди.

След рысей
лесной пантеры.

ревых обглодана кора, сучья поломаны огромным, тяжёлым телом и ветвистыми рогами... Но вот прыжки на коре совсем перестали попадаться, а лось, судя по следам, побежал размашистой иноходью.

— Позже, он ушёл от кого-то, — заметил Анатолий Михайлович. — А ну, поглядите по сторонам, нет ли чего любопытного!

Следопыты рассматривали в разные стороны, и не прошло и пяти минут, как справа донёсся возбуждённый голос:

— Собачий след! Нет, не собачий — волчий!

И почти одновременно послышался голос из маленького озера:

— И у нас тут тоже волчий след!

Так вот как это обстоит, это ночное дело! Лось бежал. С двух сторон, справа и слева, за кустами и ёлками, неотступно гнались за ним два матерых волка.

Сохатый с иноходью перешёл на махи — прыжки. Громадный, с запрокинутой рогатой головой, мчался он, ломая ветви, вихрь по силе. Может быть, он и не видел врагов, только чувствовал, что за кустами гонится за ним серая смерть... Володя на минуту представлял себе всё это и поворачивал вина так, чтобы за ним самим была погоня.

— Есть ещё волчий след, ребята? — спросил он, задыхаясь.

— Есть! — отвечали справа.

И слева тоже ответила:

— Есть!

Куда они гнали лось? Там, вину, болото, дальше — река. Володя вспомнил, что волки любят загонять лосей и оленей в такие места. Тонкая наледь не выдержит тяжести огромного тела, лось провалится в ледяную воду... Совсем недавно Володя читал, как волки гонили оленя через полянку до тех пор, пока тело его не покрылось толстой ледяной коркой...

— Есть ли волчий след, ребята?

— Есть!

— Есть!

Прыжки невероятно длинные: лось, как видно, мчался во всю свою мощь. И все же его преследователи шли почти что вровень с ним. Нет, не совсем вровень: лось всё-таки чуть-чуть впереди... Напрягая все силы, мчался он. Но к чему это отчаянное напряжение, эта неравная борьба? Всё равно ты обречён, всё равно никуда тебе не уйти!..

Володя термозит палькой и с трудом останавливается.

Он видит просажую дорогу, следы лоса, пересёкая её, бегут вина, к реке. Так и есть: волки гнали свою жертву к реке. Там, вину, наступила сохатого лютая серая смерть... Володя даже зажмуривается от ужаса. И вдруг он слышит возбуждённые голоса ребят:

— Ушёл! Ушёл серый!.. В сторону свернул!

— И наш тоже!.. Ушёл обратно в лес!

Неужели сохатый спасся?

— Всё ясно, — говорит Анатолий Михайлович, осматривая следы. —

Что-то напугало волков. Вернее всего, проходила машина, ослепила их фарами, и они кинулись назад. А лось успел проскочить вровень с убежал от преследователей. Ведь он всё-таки шёл впереди!

— Вину беллет заброшенная Река. У чёрных прорубей, склонившись, сидят рыбаки, и первым к реке, конечно, съезжает Эдик. За ним Володя.

— Хорошо! — кричит он.

И этот возглас относится не только к несложному ощущению полёта. Хорошо, что день прошёл интересно. Хорошо, что он нашёл след лоса. И хорошо, что лось всё-таки ушёл от волков.

ДЖЕК ЛОНДОН

[1874—1916]

— Как тебе zuerst? — спросила у него учительница, когда он впервые в классе пришел в школу.

— Джек Лондон — ответил мальчик.

— Ты хочешь сказать: Джек Лондон! — повторила она, заглянув в список.

Его действительно звали Джек. Но ему больше нравилось имя Джек.

— Нет, — ответил он вежливо, но твердо, — меня зовут Джек Лондон.

Тогда, когда ему было восемь лет, он сам выбрал себе имя, и оно осталось за ним на всю жизнь.

Джек Лондон был мальчиком, который с полным правом мог бы сказать: «Вот, что во мне есть, а обычно только себе самому».

Когда ему было десять лет, он уже продавал газеты на улицах. Четырнадцатилетним подростком он поступил рабочим на консервную фабрику. В пятнадцать лет он стал артистом цирка — так называли тех, кто занимался цирковой работой устроив в бунте Сан-Франциско. А вскоре, мечтавшие напросом на промышленную школу, он уходит в плавание к берегам Японии.

Вернувшись из плавания, он работал чернорабочим на металлургической фабрике и консервах, а впоследствии и на острове. Подневольный труд превратил ему, и он стал бродягой.

Путешествуя по земле, то в товарных автомобилях, иногда под открытым небом, он пересек всю Америку от Тихого до Атлантического океана. Наконец он возвращается домой, в Калифорнию, сданный одним стремлением — поступить в университет. Он снова не брезгает никакой работой: выкапывает канавы, колет дрова богатых домов, подметает сады и парки, — а вечером сидит над книгами. Парки, которые поливаются руками за три года, он решил одолеть в четыре месяца. И вот он уже блестяще сдал экзамены. Он пишет свои первые рассказы и начинает печататься в студенческом журнале.

В это время по всей Америке прошла волна «золотой лихорадки». В Калифорнии тоже появились слухи о богатейших золотых россыпях, найденных на Аляске в Клондайке. На рт в уста передвигались легенды о необычайной стране северной земли и белого льда. Рассказывали, что смельчаки и предприимчивые люди в Клондайке в течение нескольких недель становились богачами.

Малою другой на университет, Джек Лондон отправляется в Клондайк золотоискателем.

В Клондайке он прожил год.

Никакого золота оттуда он, конечно, не привез. У него даже не было ни денег на обратную дорогу. Он пропыл в лодке по Юкону несколько тысяч миль до Берингова моря и поступил конюхом на паровоз, отправляющийся в Калифорнию.

«...Вот же молодой парень, который при этом не только одолел коню на голом. На нем была простая, грубая одежда, пахнувшая морем» в просторном зале он как-то сразу оказался не на месте. Как недавно это было!

Когда он, метрос и бродяга, впервые переступил порог этого дома, ему казалось, что блестящий паркетный пол расколевается под ним, как лапы корабля. Он шел осторожно, боясь задеть плечом дверь или смануть конюшню конюшню. Будь бездельнику с конюшней.

И вот он входит сюда как равный.

Сначала упрямый, слегка неловкий человек, который впервые он на то, чтобы иметь право сидеть в этом кресле и непринужденно беседовать с этими людьми, об искусстве!

Но вот он упрямый, что несколько нарушил обычай этого общества, разговаривая с собеседником о его профессии. Оказывается, здесь это не принято. Сначала он недоумевает: почему говорить о том, что составляет дело твоей жизни, запрещено?

И тут словно плеснула вода в его глаз. В этой малой узелности он увидел глубинные размышления во всем, ради чего он продавал свой талант, вернувшись из Клондайки. Там вот он конюш, мир этих безобразно-воспаленных, тонко образованных людей, мир, еще недавно казавшийся ему недоступным!

Теперь для него в этом мире существует только один человек — женщина, которую он любит. Ее одной открыл он свой призвание писателя.

В Клондайке, пустой камчат, как и раньше, он работает над своим рассказом. Проходят времена, и эти рассказы перебегают на его язык мира. А теперь один за другим

позвращаются они на радений, непринятые, от-
верженные.

Так происходит год, другой...

Женщина, которая, как он думал, покинула его
лучше всех людей на свете, угрожала его бро-
сить, пойти и устроиться на работу — почтовым
начальником или репортёром в газету. Там по край-
ней мере ему будут платить. Он отказывается, и
она перестает с ним.

Но все его рассказы, которые раньше отверга-
ли, разбрасывали теперь журналистам нарасхват.
Газеты печатают его портреты и статьи о нём. Ме-
теорические издательства спешат заработать на
издаваемых писателях. И те, кто не смотрел в его
сторону, когда он голодал, теперь матерьяль припе-
шают его объедать. И женщина, которая сомнева-
лась ему стать почтовым начальником, приходит к не-
му сказать, что только теперь она поняла, что не
должна жить без него.

Его мозг совершил одну мыслю ведь он остался
таким же, каким был. Все это время, когда он
он стал знаменит, — он был таким же ранчим. Он
не стал лучше, умнее, талантливее с тех пор, как
у него появилась слава.

Так он сделал ещё одно открытие в мире, в ко-
тором он жил, человек, его талант, его талант
не спит, если на нем не платят денег. Сами по
себе они не имеют никакой цены. И когда он по-
нял это, для него всё потеряло цену: труд, любовь,
жизнь. Он утратил курс в жизни и без сожаления
разлучился с нею.

Человека, с которым всё это произошло, звали
Мартин Иден. Мартин Иден — герой односторонней
книги Джона Лондона, одной из самых прекрас-
ных и самых правдивых книг американской ли-
тературы. И хотя в действительности человека с та-
ким именем никогда не существовало, история эта
не выдумана, потому что судьба Мартина Идена —
это судьба самого Джона Лондона.

В Клодаване Джон Лондон нашёл то, что для
него была ценой золота. Он открыл здесь для
себя целый мир, совсем непохожий на тот, кото-
рый он знал прежде.

Это мир сильных и мужественных людей. На-
страшало мороза, от которого немеют предри-
зки, они идут среди белого безмолвия сияющей
пустыни, где на пыльном небе возмут нет человеческо-
го шума. Одежды и звериные шкуры, они пере-
плывают бурные реки на челноках на борзавой
кожи. И чем грозней опасность, тем сильнее нагу-
саемая морда мчится догонять их, тем ожесточе-
нней становится борьба.

Законы этого мира просты, жестоки. Он жестоко-
но или человечнее законности и условно-
сти, там царящего цивилизованного общества!
Вот, что там было главным — сила, богатство, — здесь
не имеют цены. Здесь, где карьеризм может быть
дороже жизни с золотым песком, а человек ценит
его дороже — его мужество, верность слову, вер-
ность славе, силу мужества.

После Клодавана Джон Лондон прожил недол-
го, но большую и бурную жизнь. Он снова пере-
ехал Соединённые Штаты с запада на восток —
теперь уже не бродягой, а революционным про-
пагандистом и агитатором, останавливаясь во всех
больших городах и выступая с речами и лекци-
ями в собраниях. Он пишет статьи, полные нава-
ста в угнетённых и горевшей веры в близкое тер-
мистое революцию. Перебравшись в западные до-
стоиния, он бродит по лондонским притонам, чтобы

отдать их людям в книге очерков. Он открывает
наблюдения парусного судьишки и отправляется
на нём в круизное плавание. Проведя около
двух лет в приключениях на острове Индого языка,
он пишет свои замечательные романы разговору. Но
о чём бы ни писал Джон Лондон, Клодаване на-
всегда остался для него маркомом всех челове-
ческих ценностей. Вспоминать о человеке, во
всегда словно приговаривать: «Да, он умён и образован.
Он всё понимал и про политику и про литературу.
А почему бы ты с ним по отношению к своему леди-
ну, который одной издержки?»

О чём бы ни писал Джон Лондон, он всегда ста-
вал своего героя в жизни объективностью, а который
тот неизменно должен проявить свои подлинные
человеческие качества. Писатель словно говорит
ему: «Сейчас мы посмотрим, что ты из человека».

Любимый герой Джона Лондона — кто бы он
был — это правда всего человека, который сумел,
свои зубы, до последнего степенем изрыть землю,
одержать такую большую и такую трудную побед-
ду — победу над собой.

Вот герой романа «Маленький Карсон» —
гуденский, шутливый человек. Он имеет над про-
пастью, достигая в нейбольшом углублении лед-
ника, и на последнем он старается удержаться ве-
рёвкою, на которой висит его товарищ по несчастью.
У него стучат зубы, голова кружится: он всегда
был не вынослив. Человека, выносливого кусту, он по-
чти не знает: для только только там назад отбро-
шен рандом друг друга. Но сейчас жизнь этого
человека зависит от него. И он берёт себя в руки.
Он рубит лед верёвочными косями. Он подбав-
ляет товарищу, кричит ему объективностью слова.
А когда тот хочет померяться собой, перевер-
нуть верёвку, потому что лучше спастись одному, чем
погибнуть вдвоём, тогда его глотит непреодолимая
«не смеет! Схватись обним — или же!»

Вот восхитительный Бонус Фантома Гавера
(роман «Маленький»). Сосем ещё юнца, почти
малыш, он выходит на ринг против профессиона-
льного человека. Зал ревет и смеётся, предвкушая
ему поражение. Судья, секунданты, даже его пре-
мер — все на стороне врага. Но Гавера знает: он
должен победить, это нужно для революции. Если
он победит, организация сможет купить винтовки
и вооружить рабочих! Тогда, невзлюбивая своего
противника, он уходит с ринга, выиграв у него дра-
мат, он выигрывает в политическом. Он выиграл
только одно: винтовки принадлежат ему. Революция
будет продолжаться!

Джон Лондон написал много прекрасных, муже-
ственных книг. Но если прочесть все книги, на-
писанные им, они расскажут не только о трудной
судьбе его героя. Эти книги расскажут героическую
жизнь и судьбу писателя, которого мир назвал
словами, ушёл не на ту дорогу.

В последние годы своей жизни Джон Лондон
стал писать меньше, для денег. Он заключил до-
говор с крупными издательствами, которым обя-
зались поставлять развлекательную литературу.

Джон Лондон однажды сказал о себе: «Ям и
жизни, а скучной глупости, заёмная плеча, а про-
пасти себя кривыми, на короткой илл во-
рваться в свою жизнь, — динна глупа, превращая
в великую ошибку и шаровым пространством, худшей
революции, что имеет значение».

Всё сказано, сказано в творчестве Джона Лон-
дона было сказано им в ту пору его жизни, ко-
гда он был великим писателем и ещё не пытался
перестать писать, что имеет значение.

В. Сарнов

Джек Лондон

НА БЕРЕГАХ САКРАМЕНТО

Рисунок В. Целлера.

Ветер читает — ха-ха-хха! —
Прямо в Калифорнию.
Сакраменто — край богатый:
Золото гребут лопатой!

Худенький мальчик тонким пронзительным голосом распевал эту морскую песню, которую во всех частях света горланят матросы, когда крутят лебёдку, снимаясь с якоря, чтобы двинуться в порт Фриско. Это был обыкновенный мальчуган, который никогда в море-то в глаза не видел, но всего в двухстах футах от него — только спуститься с утёса — бурлила река Сакраменто. Мальчик Джерри — так звали его, потому что был ещё старый Джерри, его отец; от него-то и слышал Мальчик эту песню и от него же унаследовал яростные вихри, задорные голубые глаза и очень белую, усыпанную веснушками кожу.

Старый Джерри был моряк, он добрую половину своей жизни плыл по морям, а песни матросу сама проснились на язык. Но однажды, в каком-то японском порту, когда он вместе с двадцатью другими матросами был вывешен на стол над проклятой лебёдкой, слова этой песни впервые заставили его придуматьсь всерьёз. Онутаившись в Сан-Франциско, он распрощался со своим кораб-

лём и с морем и отправился посмотреть собственными глазами на берега Сакраменто.

Тут-то он и увидел золото. Он напился работать на рудник «Золотая грёза» и оказался в высшей степени полезным человеком при устройстве подвесной дороги на высоте двухсот футов над рекой.

Затем эта дорога осталась под его надзором. Он следил за тросами, держал их в исправности, любил их и вскоре стал незаменимым работником на руднике «Золотая грёза». А потом он полюбил королевскую Маргарет Келли, но она очень скоро покинула его и малютку Джерри, который только-только начинал ходить, и уснула непробудным сном на маленьком кладбище, среди больших суровых осок.

Старый Джерри так и не вернулся на морскую службу. Он жил возле своей подвесной дороги и всю любовь, на какую способна была его душа, отдал толстым стальным тросам и малышу Джерри. Для рудника «Золотая грёза» наступили чёрные дни, но и тогда старик остался на службе у Компании — сторожить заброшенное предприятие.

Однако сегодня утром его что-то не было видно. Один только мальчик Джерри сидел на крыльце и распевал старую матросскую

вещю. Он сам приготовил себе завтрак и уже успел управиться с ним, а теперь вышел поглядеть на белый свет. Неподдалеку, шагах в двадцати от него, возвышался громадный стальной барабан, на который наматывался бесконечный металлический трос. Рядом с барабаном стояла тщательно закрепленная вагонетка для руды. Проследив взглядом голокружаемый полёт стальных тросов, перекинутых высоко над рекой, малыш Джерри различал далеко на том берегу другой барабан и другую вагонтку.

Сооружение это приводилось в действие просто силой тяжести: вагонетка двигалась, увлекаемая собственным весом, а в это время с противоположного берега двигалась пустая вагонетка. Когда нагруженную вагонетку опорожняли, а пустую нагружали рудой, всё повторялось снова, повторялось много, много сотен и тысяч раз, с тех пор как старый Джерри стал смотрителем подвешенной дороги.

Малыш Джерри перестал петь, услышав приближающиеся шаги. Высокий человек в синей рубашке, с винтоном на плече вышел из соснового леса. Это был Холл, сторож из рудника «Жёлтый дракон», расположенном примерно в миле отсюда вверх по течению Сакраменто, где тоже была переплывута дорога на тот берег.

— Здорово, Малыш! — крикнул он. — Что ты тут делаешь один-одинёшечек?

— А я здесь теперь за хозяйниа, — ответил малыш Джерри как нельзя более небрежным тоном, словно ему не впервые было оставаться одному. — Отец, знаете, уехал.

— Куда уехал? — спросил Холл.

— В Сан-Франциско. Он ещё вчера вечером уехал. Брат у него умер, где-то в Старом Свете. Вот он и поехал с адвокатом поплавать. Завтра непременно вернётся.

Всё это Джерри выложил с гордым сознанием, что на него возложена большая ответственность — самозащитно сторожить рудник «Золотая грёба». Видно было в то же время, что он страшно рад замечательному приключению — возможности пожить совсем одному на этом утёсе над рекой и самому готовить себе завтрак, обед и ужин.

— Ну, смотри, будь осторожней, — посоветовал ему Холл, — не подумай баловать с тросами. А в вот иду посмотреть, не удалось ли подстрелить оленя в каньоне «Колченогой короны».

— Как бы дождя не было, — стеснено промолвил Джерри.

— А мне что! Промокнуть, что ли, страш-

но? — засмеялся Холл и, повернувшись, скрылся между деревьями.

Предсказание Джерри насчёт дождя сбылось. Часом с десяти сосны закричали, закачались, застонали, стёкла в окнах задребезжали, дождь зашлепал длинными косыми струями. В половине двенадцатого Джерри развёл огонь в очаге и, едва пробовая двенадцать, успел обедать.

«Сегодня уж, конечно, гулять не придётся», — решил он, тщательно вымыл и убрал посуду после еды. И ещё подумал: «Как, должно быть, вымок Холл! И удалось ли ему подстрелить оленя?»

Около часу дня постучали в дверь, и, когда Джерри открыл, в комнату стремительно ворвался мужчина в мешшине, словно из сильном вихревал ветер. Это были мистер и миссис Спиллен, фермеры, жившие в уединённой долине, милях в двенадцати от реки.

— А где Холл? — запыхавшись, отрывисто спросил Спиллен.

Джерри заметал, что фермер чем-то возмущён и куда-то торопится, а миссис Спиллен, повидимому, очень расстроена.

Это была худая, совсем уже побиённая женщина, много порабатывавшая на своём веку; унылый, беспробудный труд наложил на её лицо тяжёлую печать. Та же такая жизнь согнула спину её мужа, исковеркала его руки и покрывала волосы сухим неплом ранней седины.

— Он на охоту пошёл, в каньон «Колченогой короны». А вам что — на ту сторону, что ли, надо?

Женщина стала тихонько всхлипывать, а у Спиллена вырвался вопль, выражавший крайнюю досаду. Он подошёл к окну. Джерри стал с ним рядом и тоже поглядел в окно, в сторону подвешенной дороги; тросов почти не было видно за густой пеленой дождя.

Обычно жители окрестных селений переправлялись через Сакраменто по канатной дороге «Жёлтого дракона». За переправу платалась небольшая плата, на которой Компания «Жёлтого дракона» платила жалованье Холлу.

— Нам надо на тот берег, Джерри, — сказал Спиллен. — Отец у всё, — он ткнул пальцем в сторону плачущей жены, — задало на руднике, в шахте «Клеверного листа». Там взрыв был. Говорят, не выживет. А нам только что дали знать.

Джерри почувствовал, как у него ёкнуло сердце. Он понял, что Спиллен хочет переправиться по тросам «Золотой грёбы», но без

старого Джерри он не мог решиться на такой шаг, потому что по их дороге не вошла пассажиров и она уже давно находилась в бездействии.

— А может быть, Холл скоро придет, — промолвил мальчик.

Спаллен покачал головой.

— А отец где? — спросил он.

— В Сан-Франциско, — коротко ответил Джерри.

С кричавшим стоном Спаллен яростно хлопнул кулаком по ладони. Жена его вслизывала всё громче, и Джерри слышал, как она причитала: «Ах, не успеем, не успеем, уйдем!»

Мальчик чувствовал, что и сам вот-вот заплачет; он стоял в нерешимости, не зная, что предпринять. Но Спаллен решил за него.

— Послушай, Мальчик, — сказал он тоном, не допускающим возражений, — нам с женой надо переправиться во что бы то ни стало по твоей дороге. Можешь ты нам помочь в этом деле — запустить эту штуку?

Джерри несколько повзвизгал, точно ему предложили коснуться чего-то запрещенного.

— Я лучше пойду посмотрю, не вернулся ли Холл, — робко сказал он.

— А если нет?

Джерри снова замолчал.

— Если случится что, я за всё отвечаю. Видишь ли, Мальчик, нам дозреть надо на ту сторону. — Джерри нерешительно кивнул. — А пожелать Холла нет никакого смысла, — продолжал Спаллен, — ты сам понимаешь, что из каньона «Колесной королевы» он не скоро вернется. Так что идём-ка, запустим барабан.

«Не удивительно, что у миссис Спаллен был такой измученный вид, когда мы помогли ей забараться в вагонетку», — так несколько подумал Джерри, глянув вниз, в пропасть, которая сейчас казалась бездной. Дальнего берега, находившегося на рассто-

ния семисот футов, вовсе не было видно никакой линии, гонимые неистовым ветром клочья облаков, простиая шею в брызги. А утёс, на котором они стояли, уходил отвесной стеной прямо в буравящую ягду, и казалось, что от стальных грозов тудя, вниз, не двести футов, а по крайней мере миль.

— Ну, готово? — спросил Джерри.

— Давай! — во всю глотку заорал Спаллен, чтобы перебить вой ветра.

Он уселся в вагонетку рядом с женой и взял её за руку.

Джерри не понравилось это.

— Вам придётся держаться обеими руками; ветер сильно швырнет! — крикнул он.

Муж с женой тотчас же развели руки и крепко ухватились за края вагонетки, а Джерри осторожно отпустил тормозной рычаг. Барабан не спеша завертелся, бесконечный трос стал разматываться, а вагонетка медленно двинулась в воздушную пропасть, цепляясь ходоками колёсами за неподвижный рельсовый трос, протянутый вверх.

Джерри уже не в первый раз пускал в ход вагонетку. Но до сих пор ему приходилось это делать только под наблюдением отца. Он осторожно регулировал скорость движения при помощи тормозного рычага. Тормоз

можить было необходимо, потому что от беснующих порывов ветра вагонетка сильно раскачивалась, а перед тем, как совсем скрыться за стеной дождя, она так наклонилась, что чуть не вывернула в пропасть свой живой груз.

После этого Джерри мог судить о движении вагонетки только по движению троса. Он очень внимательно следил, как трос разматывается с барабана.

— Триста футов... — шептал он, по мере того как проходили отметки на кабеле, — триста футов... четыреста... четыреста...

Трос остановился. Джерри дернул рычаг тормоза, но трос не двигался. Мальчик обеими руками схватился за трос и потянул его на себя, стараясь сдвинуть его с места. Нет! Где-то явно застыковало. Но где именно, он не мог догадаться, и вагонетка не было видно. Он поднял глаза вверх и с трудом различил в воздухе пустую вагонетку, которая должна была двигаться к нему с такой же скоростью, с какой вагонетка с грузом удалялась. Она была от него примерно в двухстах пятидесяти футах. Это означало, что где-то в серой мгле, на высоте двухсот футов над кипящей рекой и на расстоянии двухсот пятидесяти футов от другого берега, висит в воздухе застрявшая в пути Спидлен с женой.

Три раза Джерри откинул их во всю силу своих лёгких, но толк его толк в неустойчивом реве непогоды. В то время как он лихорадочно перебирал в уме, что бы такое сделать, быстро бегущие облака над рекой вдруг поределли и разорвались, и он на мгновение увидел вздувшуюся Сакраменто внизу и висящую в воздухе вагонетку с людьми. Затем облака снова сошлись, и над рекой стало ещё темнее, чем раньше.

Мальчик тщательно осмотрел барабан, но не обнаружил в нём никаких неполадок. Повидимому, что-то несправно в барабане на том берегу. Страшно было представить себе, как эти двое висят над пропастью среди режущей бури, раскачиваясь в утлой вагонетке, и не знают, почему она вдруг

остановилась. И подумать только, что им придётся так и висеть до тех пор, пока он не переправится на тот берег по тросам «Жёлтого дракона» и не доберётся до злополучного барабана, из-за которого всё это случилось!

Но тут Джерри вспомнил, что в чулане, где хранятся инструменты, есть блок и верёвка, и со всех ног бросился за ними. Он быстро прикрепил блок к тросу и стал тянуть — тянул изо всех сил, так что руки прямо отрывались от плеч, а мускулы, казалось, вот-вот лопнут. Однако трос не сдвинулся с места. Теперь уж ничего другого не оставалось, как перебраться на тот берег.

Джерри уже успел промокнуть до костей, так что теперь сложа голову бежал к «Жёлтому дракону», даже не замечая дождя. Ветер подгонял его, и бежать было легко, хоть и бесцельная мысль, что придётся обойтись без помощи Холта и кому-то будет тормозить вагонетку.

Он сам соорудил себе тормоз из крепкой верёвки, которую накрутил желёз на неподвижный трос.

Ветер с бешеной силой налетел на него, засосав его, зарыв в уши, раскачивая и подбрасывая вагонетку, и мальчик Джерри ещё какое-то представлял себе, каково сейчас тем двоим — Спидлену и его жене. Это придавало ему мужества. Благополучно переправившись, он вскарабкался по тросу и, с трудом удерживаясь на ногах от порывов ветра, по всё же пытаясь божать, направился к барабану «Золотой грёны».

Осмотрев его, Мальчик с ужасом обнаружил, что барабан в полном порядке. И на этом и на другом конце всё в исправности. Где же в таком случае застыковало? Не иначе, как посрединой!

Вагонетка с четой Спидленов находилась от него всего на расстоянии двухсот пятидесяти футов. Сколько движущуюся дождевую лавину Джерри мог различить мужчине и женщину, скорчившихся на дне вагонетки и словно ослепленных на растерзанное разъярённым стихией. В промежутке между

лазить шпалами он крикнул Спаллену, чтобы тот проверил, в порядке ли ходовые колёсики.

Спаллен, повидавшему, услышал его, потому что Джерри видел, как он, приподнявшись на колени, ощутил оба колёсика вагонетки, затем повернулся лицом к берегу:

— Здесь всё в порядке, Малыш!

Джерри едва расслышал эти слова, но смысл их дошёл до него. Так что же всё-таки случилось? Теперь уже можно было не сомневаться, что всё дело в пустой вагонетке; её не было видно отсюда, но он знал, что она висит там, в этой ужасной бездне, за двести футов от вагонетки Спаллена.

Он, не задумываясь, решил, что надо делать. Ему было всего четырнадцать лет, этому худощавому, поджарому мальчугану, но он вырос в горах, этот посвящал его в разные тайны матросского искусства, и он совсем не боялся высоты.

В ящике с инструментами около барабана он разыскал старый гачный ключ, небольшой железный прут и толстую свинку почти нового манильского шпатага. Он безуспешно пытался найти какую-нибудь дощечку, чтобы сместить себе некое подобие матросской лямки, но под рукой не оказалось ничего, кроме громадных тесин; распилить их было нечем, и он вынужден был обойтись без удобного сидла.

Сидло, которое Джерри себе устроил, было проще простого: он перекинул канат через неподвижный трос, на котором висела пустая вагонетка, и, зацепив его узлом, сделал большую петлю; сидя в этой петле, он без труда мог достать руками до троса и держаться за него. А вверх, где петля должна была тереться о металлический трос, он подложил свою куртку, потому что, как ни искал, нигде не мог найти тряпки или старого мешка.

Наскоро закончив все эти приготовления, Джерри повис в своей петле и двинулся прямо в бездну, перебирая руками трос. Он взял с собой гачный ключ, небольшой железный прут и несколько футов верёвки. Путь его лежал не горизонтально, а

несколько вверх, но по подъём затруднял его, а страшный ветер. Когда бешеные порывы ветра шмырели Джерри то туда, то сюда и чуть не переворачивали кругом, он чувствовал, что сердце у него замирает от страха. Ведь трос совсем старый... А вдруг он не выдержит его тяжести и этих бешеных натисков ветра — не выдержит и оборвётся?

Это был самый откровенный страх. Джерри чувствовал, как у него сошёл под лопаткой, а колени дрожат мелкой дрожью, которую он не в силах был сдержать.

Но Малыш мужественно продолжал свой путь. Трос был ветхий, раздёрнутый, острые концы оборванных проволок, торчащие по все стороны, в кровь раздирали руки. Джерри заметил это, только когда решил сделать первую остановку, и попытался захватиться за Спалленов. Их вагонетка висела теперь прямо над ним, на расстоянии всего нескольких футов, так что он уже мог объяснить им,

что случилось и зачем он пустился в это путешествие.

— Рад бы помочь тебе, — крикнул Спиллен, — да жена у меня совсем не в себе! Смотря, Малыш, будь осторожен! Сам я напросился на это, но теперь, кроме тебя, нас некому вызвать.

— Да уж так и нас не оставлю! — крикнул ему в ответ Джерри. — Скажите маме Спиллен, что не пройдёт минуты, как она будет на той стороне.

Под слепящим проливным дождем, блатаясь из стороны в сторону, как соскочивший маятник, чувствуя нестерпимую боль в изодранных ладонях, задыхаясь от усилий и от вривавшейся в легкие стремительной массы воздуха, Джерри, наконец, добрался до пустой вагонетки.

С первого же взгляда мальчик убедился, что не напрасно совершил это страшное путешествие. Вагонетка висела на двух колесиках; одно из них сильно пошатнулось за время долгой службы и соскочило с троса, который был теперь намертво зажат между самим колесиком и его обоймой.

Ясно было, что прежде всего надо освободить колесико из обоймы, а на время этой работы вагонетку необходимо крепко прихватать веревкой к неподвижному тросу.

Через четверть часа Джерри, наконец, удалось прихватать вагонетку, — это было всё, чего он добился. Чека, державшая колесико на оси, совсем заржавела и стала намертво. Джерри изо всей силы колотил по ней одной рукой, а другой держался, как мог, но ветер непрерывно налетал и раскачивал его, и он очень часто промахивался и не попадал по чеке. Девять десятых всех его усилий уходило на то, чтобы удержаться на месте; опасаясь уронить ключ, он привязал его к руке носовым платком.

Прошло уже полчаса. Джерри сдвинул чеку с места, но вытянуть её ему не удалось. Девятый раз он готов был отчаиваться, всё казалось напрасным — и опасность, которой он себя подвергал, и все его старания. Но внезапно его словно осенило. С лихорадочной поспешностью он стал рыться в карманах. И нашла то, что ему было нужно, — длинный толстый гвоздь.

Если бы не этот гвоздь, который неизвестно когда и как попал к нему в карман, Джерри пришлось бы снова возвращаться на берег. Провел гвоздь в отверстие чеки, он, наконец, ухватил её, и через минуту чека выскочила из оси.

Затем началась война с железным тросом, которым он старался освободить колесико, застрявшее между тросом и обоймой. Когда это было сделано, Джерри поставил колесико на старое место и, с помощью верёвки подтянув вагонетку, посадил, наконец, колесико на металлический трос.

Однако на всё это потребовалось немало времени. Часа полтора прошло с тех пор, как Джерри сюда добрался. И вот теперь он, наконец, решился вылезти из своего «седла» и прыгнуть в вагонетку.

Он отстал от верёвку, которая её держала, и колесики медленно заскользили по тросу. Вагонетка двинулась. И мальчик знал, что где-то там внизу — хотя ему это и не было видно — вагонетка со Спилленами тоже двинулась, только в обратном направлении.

Теперь ему уже не нужен был тормоз, потому что вес его тела достаточно уравновешивал тяжесть другой вагонетки. И скоро из мглы облаков показался высокий утёс и старый, знакомый, уверенно вривавшийся барабан.

Джерри соскочил на землю и закрепил свою вагонетку.

Он продолжал это спокойно и тщательно. А потом вдруг — совсем уже не по-геройски — бросился на землю у самого барабана, нырнув на бурю и ливень, и громко расплакался.

Причин для этого было немало: нестерпимая боль в изодранных руках, страшная усталость и сознание, что он, наконец, освободился от ужасного нервного напряжения, не отпускавшего его несколько часов, и ещё — горючее, захватывающее чувство радости оттого, что Спиллен с женой теперь в безопасности.

Они были далеко и, конечно, не могли его поблагодарить, но он знал, что где-то там, за разлившейся, беснующейся рекой, они сейчас спешат по тропинке к шахте «Клеверного листа».

Джерри, пошатываясь, пошёл к дому. Белая ручка двери окрасилась кровью, когда он влезал за неё, но он даже не заметил этого.

Мальчик был горд и доволен собой, ибо твердо знал, что поступил правильно; а так как он ещё не умел злиться, то не боялся признаться самому себе, что сделал хорошее дело. Одно только маленькое сожаление копошилось у него в сердце: ах, если бы отец был здесь и видел его!

ШКОЛЬНЫЕ ЧАСЫ.

А. Пыrkов.

ОХОТНИКИ НА БОКОВ,

В. ВЕРСТОВСКИЙ.

По следу

Рассказ М. Заверина

Зверю в открытой степи среди одиноко торчащих пыльных мышек встрясти крошечные следы зайчачьих мышек, которые навелоно заставят пойти по ним: зверю шаг по снегу, а на бочках и на прыгал. Мышь, вздрагивая шагком,— это выглядит заметной! На пыльном снегу отпечатаны отпечатками все четыре лапки. Куда же могла брести эта шаловливая мышь! Конечно, от одного мышка в снег до другого. Морозной ночью, при ветре, маленькие зайчики и пыльные мышки могут пребывать на снегу не более десяти метров и скорее под свет, и земля, где нет падающего ветра. Снег—это та же шуба: чем он толще, тем под ним теплее. Разница в температуре на поверхности глубокого снега и у земли доходит до пятидесяти градусов!

Крошечные лапки прощупали такой критическое расстояние и уже здесь превратили его. Вот-вот на снегу покажется замарашный прыжок мышки-репортерки. Одинокие следы идут всё дальше и дальше. В одном месте зверю даже обидел самими зайчачьей ступой правки. Зверю, он перебрал мороз человека! Ведь сейчас дождевые градусы ниже нуля, а ночью было около двадцати.

Большая километра уже прощупала мышка по степи. Это становится настолько интересным, что хочется внимательно рассмотреть и зарисовать след мышки-героя. И сразу же перерыв открылся: оказывается, следы не мышки, а совсем свежие, они ещё не успели затвердеть на морозе. Зверю, мышка совсем бочком.

Кругом далеко всё видно, но нигде на снегу не заметно ни одной чёрной точки, только один след.

Но вот и конец. И конец печальный: следы обрываются, исчезают. Наверно, мышка на уступах вырвала в снег, и каждая точка крошечных загадочных крошечных следов и ушла на или проглотила его на ходу. Это так досадно, что несколько мышек доказательство. Но на снегу в конце следы не остались на бордюрах от крыла, на сапёрных краях или отбоях шёрстки.

Вдруг впереди покажется маленький снежный комочек. Но это только показавшееся в первое мгновение, что является снежный комочек. На самом

деле это торжественно бьют крошечный прыгучий зверёк. Скорее за ним!

Несколько торжественных прыжков, и уже видно, как он сидит на снегу, словно вереща, широко раскрыл рот и урчающе поднимает по бокам головы маленького растопыренного лапка. Крайне так мала и красива, что незаметно улыбается. Да ведь это джунгарский комочек!

Несмотря на комочек-грязный вид, джунгарский комочек безобиден. Вот он берешком встает, поспешно на лапках. И внезапно поведение его резко меняется. Комочек садится на задние лапки и начинает ужиматься передними. Вот он вынул заднюю лапку, лезет подмышку и печется на ушко. Конечно получает награду крошечку хлеба. Он жует её передними лапками, садится навозником и с жадностью ест, поглядывая на вас своими чёрными глазами. Если бы все джунгарские комочки себя так жев!

Зверю настолько ждал и безобиден, что хочется вернуть его обратно, «домой», и кстати узнать, откуда он вылез на снег. В комочке он сидит себе как котик, прожорливая тушар. Затем засмеивает, улыбающийся комочек.

Далее приходится идти обратно по следу, но комочек у небольшого бордюра-основного края видно выходные отверстия в бордюрах под крайний бордюрок.

И снова приходится удивляться: мороз джунгарского комочка устроена в муравьиной. Выкопать норку в рылкой постройкой муравья, конечно, легче даже маленькими, слабыми лапками. Но как комочек умудряется жить в муравьиной ветви, когда муравьи прощупываются,— это до сих пор не разгадано.

Дело. А мы нарочно комочку джунгарского комочка в муравьиной и греде рала.

Вздутый из комочка комочек заблуждался на лапках, шуршит, пощипывается и прыгивает опять за ужимками. Он как бы нехоти, вперевалочку, уходит вглубь муравьиной досматривать свои, которые ему приобидели в комочке.

Приветный снежный комочек, торжественный зверёк!

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С НИКОЛЕНКО

Рассказ Н. Богданова.

Рисунок Ф. Демурин.

Наш командир любил пошутить. Когда на фронт прибыли лётчики, недавно окончившие военную школу, он представился им, рассказал, в какой боевой палке они прибыли, и вдруг спросил:

— А летать вы умеете?

Молодые авиаторы почувствовали себя колодой. Как ответить на такой вопрос? Ведь они только и делали, что учились летать. И научились. Поэтому их и прислали сюда быть фашистов. Вдруг один лётчик громко сказал:

— Я умею!

Командир поднял брови: «Ну, ты какой, не сказал: «Мы умеем!»»

— Два шага вперёд! Ваша фамилия?

— Младший лейтенант Николенько! — представился молодой лётчик уверенным баском.

Смел, чётко, подтянуто, в глаза смотрит открыто, не робея.

— Ну, раз летать умеете — покажите свой уменье, — сказал с усмешкой старый воин, пристально осматривая молодого, задорного бойца. — Обязанности ведомого в воздухе знаете?

— Следовать за ведущим, прикрывая его сзади.

— Точно. Вот вы и следуйте за мной. Я ведущий, вы ведомый.

И с этими словами они направились по самолёткам.

Старый лётчик шёл и всё усмехался: не так это просто — следовать за ним, мастером высшего пилотажа, если он захочет уйти от ведомого и его оштрафовать.

— Я буду вести примерный бой, а вы дер-

жестом за мой хвост,— сказал командир, как бы предупреждая: держи, мол, ухо остро.

И вот два истребителя в воздухе. Дескать глаз наблюдает за ними с аэродрома. Волнуется молодой: ведь это испытание не одному Николаенко.

Старый истребитель, обшивший немало фашистских асов, вначале дал свечку; набрав высоту, свалился в штопор; выйдя из штопора, сделал бочку. Своим полёт, крутое пикирование, морская петля, на выходе крутой вираж. Ещё на высоту, и ещё каскад стремительных фигур высшего пилотажа, на которые смотреть — и то голова кружится!

Но сколько ни старался наш командир, никак не мог «загнать с хвоста» этого самого Николаенко.

Молодой ведомый несился за ним, как привязанный. Слово действительно держался за хвост или какая-то неведомая сила магнитом притягивала его самолёт к самолёту командира.

Когда совершили посадку, командир наш вылез из машины, вытер пот, выступивший под шлемом, а, широко улыбаясь, сказал:

— Летать умеете, точно!

А Николаенко принял это как должное:

— Рад стараться, товарищ полковник!

Ещё раз оглядел его командир. С головы до ног. Хорош орлик, только слишком уж самоуверен...

Николаенко был назначен ведомым к опытному, спокойному лётчику, старшему лейтенанту Кузнецову. И в первом же полёте совершил проступок.

Когда восьмёрка наших истребителей сопровождала на бомбёжку группу штурмовиков в район выгрузки вражеских танков, Николаенко заметал вилу фашистский связной самолёт, краившийся куда-то над самым лесом, спикировал на него и сбил с первой же очереди. При этом он потерял строй и нагнал своих, только когда они уже возвращались с боевого задания.

— Вы что же это подумали? Бросать ведущего? Разрушать строй? — разносил его командир эскадрильи.

— Но я сбил самолёт,— пытался оправдаться Николаенко.

— Хоть два! Из-за вашего самолётика мог погибнуть наш ведущий! Нарушили строй. В образованную брешь могли ударить фашистские истребители, навязать нам невыгодный бой... Мы могли не выполнить задания по охране штурмовиков и сами понести потери!

Словом, досталось Николаенко.

Но привычки своей — полетом отскакивать от строя в погоне за успехом — он не оставил. Правда, благодаря лаяхости и спорам на его счету появилось несколько сбитых вражеских самолётов. И на упрёки своих товарищей по лётной школе он вассишнво отвечал:

— Дисциплина, дисциплина... Что мы в школе, что ли? Вот вы, первые ученики, с пятачками по дисциплине... А где у вас личные счета? Пусты.

Как-то раз командир полка по-дружески обнял его за плечи, уловив минуту, когда они были одни, и сказал:

— Смотрите, Николаенко, убейтесь...

— Меня сбить нельзя! — задорно тряхнул головой Николаенко.

— Вот я и говорю: сами убейтесь.

— Подставляю себя под удар? Нет. У меня и на затылке глаза.

И с этими словами Николаенко так удивительно покрутил головой, что казалось, она и впрямь вертится у него вокруг своей оси.

— Шею шатрёт,— усмехнулся командир.

— Не шатру; вот мне из лесу прислал чудесный шарфик из гладкого шёлка.

И показал красный шарф нежноготубого цвета.

— Ну-ну, смотрите, да не променяйте. Уж очень вы на одного себя полагаетесь. А знаете, что мой отец, сибирский мужик, говорил: «Один сын — ещё не сын, два сына — пол сына, три сына — вот это сын!» Так и в авиации: один самолёт ещё не боевая единица, пара — вот это боец, четыре пары — крепкая семья, полк — непобедимое братство!

Усмехнулся Николаенко в ответ на предупреждение командира, а сам задумался. Ещё в школе упрекали его, что он плохой товарищ, ни с кем не дружит, всегда сам по себе. Зачем ему друзья? Он и так первый ученик. А когда труднотато, родители репетитора наймут. И опять получается, что он лучше всех. У родителей был он единственным сыном, и они хотели, чтоб он везде был самым первым. Чтоб и костюмчик у него был лучше всех в отместки. Учителя им гордились, а пример другим ставили. А ребята не любили. Так и прозвали «гордец-одиночка».

Неужели прав командир?

До сих пор он жил отлично. Лучше всех, пожалуй. Да и на войне вот, разве он не лучше всех себя чувствует? Кто из молодых лётчиков больше всех самолётов сбил? Лейтенант Николаенко... Так-то оно так. А вот нет в полку человека, который порадовался бы этому вместе с ним!

Да, командир знал, что говорил...

Наши бомбили за фашистскими машинами, сбивая их.

Через несколько дней получено было сообщение разведки, что на тайный аэродром, устроенный фашистами недалеко от наших позиций, прилетел новый истребительный полк. Самолёты все свежие, как новые монеты с чеканки. Заправились фашисты горючим и полетели штурмовать наши войска. Летают над позициями, над дорогами, обстреливают каждую машину, резвятся.

Не боятся, что у них бензину мало осталось: тайный аэродром рядом. Только склоняют над густым лесом — тут тебе и стол и дом. Для палатов — тёплые землянки, горячий завтрак, а для самолётов — бензин, смазка и дежурные мотористы наготове.

Хорошо устроились. Да наши партизаны выслежали и по радио сообщали.

Восьмёрка наших истребителей поднялась, чтобы подловить фашистов в момент их возвращения домой. Бензина у них будет на исходе, и полную силу драться они не смогут. Хочешь не хочешь, а без горячего садись. А на посадке самолёты беспомощны: их можно сбивать, как диких уток...

Конечно, аэродром — это не озеро, на которое прилетают утки. Его охраняют земные пушки. Его прикрывает «шпанка» дежурных истребителей.

Всё это наши знали. Подожгли скрытно, со стороны солнца, и стали долать круг, разбившись на пары, идущие на разной высоте.

Фашистские лётчики, охранявшие аэродром, сначала заметили пару наших самолётов, затем ещё два, по-выше. А потом разглядели и ещё. И смешнули, что советские истребители влились в строй, который называется «кубанская этакерка», потому что впервые применили его советские лётчики в сражениях над Кубанью. Неуживчивый это строй: нападишь на нижнюю пару, тебя на выходе из пикирования верхняя собьёт, нападишь на верхнюю — тебя во время скольжения нижняя подхватит. А в центр такого строя и соваться не стоит... И женщины дежурные истребители отпили в сторону, поднялись повыше.

Одна у фашистов была надежда: вот сейчас их зенитки дадут огонь, глядишь, заставит «этакерку» рассыпаться, расстреляет строй. И тогда...

Но не тут-то было. У нашего полковника на этот случай свой манёвр был. Лишь только ударили пушки, он приказал всей восьмёрке, не нарушая строя, скользить вправо, влево, выше, ниже.

Не так легко пристреляться к таким, словно танцующим в воздухе, крылатым парам...

Да и немного осталось стрелять фашистским зенитчикам. Вот сейчас, через какие-то минуты, должны вернуться фашистские самолёты, и тогда, конечно не хочешь, убирай огонь, а то своих подшибёшь.

Наш командир усмехнулся, посмотрел на часы: сейчас начнётся истребители и начнётся славная охота!

Вся «стажерка», совершив круг, работает точно, как вот эти часы с секундомером. Он оглядел строй счастливыми глазами.

— Немного терпения, мальчишка! — сказал он по радио.

И вдруг чёрная тень пробежала по его лицу. Один самолёт вышел из круга и скользнул в сторону, за высокие ели, туда, где не было разрывов зенитных снарядов.

«Николенко!» — так и ударило в сердце.

И командир не ошибся. Это был Николенко. Не желая прогуливаться под зенитным огнём и напрасно подвергаться риску, он решил схитрить: уйти из зоны огня и прогуляться в стороне, пока не появятся немецкие истребители... Вот тогда он и включится в бой... И набьёт больше всех!

Вслед за Николенко по обязанности защищать командира пошёл и его ведомый.

Увидел этот манёвр не только наш командир, тут же заметил его и фашисты.

— Вот наконец трус! — обрадовались они.— Лёгкая добыча!

Как бы возмущался Николенко, если бы узнал, что фашисты сочли его трусом! Ведь он-то знал, что он вовсе не трус.

Он знал, да враги этого не знали и решительно напали на него, как на слабого...

И не успел до него дойти предупреждающий окрик командира, как два залпа обрушились сверху на его самолёт.

Наблюдая за огнём снизу, Николенко призвал атаку сверху.

Один, затем второй краснозвёздный самолёт, охваченные пламенем и дымом, рухнули на вершины елей.

А в это время возвратились восковы фашистские истребители.

Они явились всем полком и пошли на посадку густо. Зенитки сразу замолчали. Всё небо покрывалось машинками. Один планировал на аэродром, другие, дожидаясь очереди, летали по кругу, а наши гонялись за ними, обвивая одну за другой. Подбитые падали и в лес и на лёгкое поле. Тут костёр, там обломки. На них натянулись идущие на посадку, разбивались. Два фашиста в панике столкнулись в воздухе. Некоторые попытались броситься наутёк, но без горячего далеко не улетели.

Победа была бы более полной, если бы не лейтенант Николенко. Двоим нашим истребителям пришлось связать боем фашистских дежурных, которые его обали. Только четверо истребителей из восьми действовали в полную силу.

Наутро партизаны вывели из тыла выброшенного с парашютом, опалённого, поцарапанного слонами ветками молодого лётчика Иванова — ведомого Николенко. Они сообщили, что второй лётчик спорел вместе с самолётом.

Сила и плечи лётчика, обнажили головы.

— Сообщить родителям Николенко, что сын их погиб смертью героя... — приказал командир, а потом добавил: — Тяжко будет отцу с матерью, а ведь сами виноваты: и смелым воспитали его и умелым, да вот недружным!

Видно, всё-таки полюбился старому лётчику молодой самонадеянный паренёк, которого он не мог «стричь» с хвоста при первой встрече, как ни старался. Принимая в полк молодых бойцов, командир всегда рассказывал им о том, что случилось с Николенко. И темнел лицом и некоторое время был сердит и неразговорчив. Так разбивалась в его командирском сердце старая рана, которую нанёс ему молодой лейтенант своей бессмысленной гибелью.

Абсолютный чемпион

Рисунок
Н. Горбунова.

Рисунок
В. Виноградова.

Подняла Петьку, закурила и понесла на своих лёгких крыльях шумная слава: он поставил блестящий рекорд и сразу стал знаменитым.

Дело было вчера вечером. На стадионе «Спартак» проходились соревнования на первенство урало-сибирской зоны по скоростному бегу на коньках. Одну за другой Петька выиграл две дистанции многоборья. А на третьей вылезал: занял только четвёртое место. И вот остался последняя дистанция — пять тысяч метров. Она решала, быть или не быть ему абсолютным чемпионом. Что пережил в эти минуты Петька, может кончить только тот, кто сам хоть раз выходил на старт...

Над катком клубился морозный туман. Покрытые наем провода стали толстыми, как бухтарные канаты, а берёзы в роще за бетонной дорожкой склонили до самой земли опяжающие ветки.

Стадион зрелищ. Слышались только глухой, тревожный гул трибун да лёгкое потрескивание свежезамороженного льда.

— Заслужительный забег! — объявлял судья-информатор.

У Петьки ёкнуло сердце.

Оба противника почти одновременно подошли к сбегающей на лёду стартовой черте и повернулись, чиркнув коньками нетронутый лёд. Теперь их разделял маленький снежный валик брони. Петьке по ребро досталась большая дорожка, а сопернику его, тонкому голенастому свердловчанину, — малая.

Петька метнул на свердловчанина восторженный взгляд. Бесшумно пошевелился, тот поправил шапочку. Глаза их встретились.

«Держись, друг, задам я тебе жару!» — говорила Петьке улыбка соперника.

«Ну, это ещё как сказать!» — тоже улыбкой, выжидающие ответил Петька и демонстративно разгладил на груди белые буквы «НС» — спортивную эмблему Новосибирска.

Свердловчанин затаил и хрюкнул, а тоже в порядке поблагодарил Петьку. Шутка ли, уже две дистанции прошёл с результатом первого разряда!

Перед стартом мало радости любоваться противником. Петька нагнулся и привернул шпуровку ботинком. В это время кто-то лёгким стукнул его снежком по спине. Петька вздрогнул, ослептел.

— Ты что, ослеп, что ли?

Сзади, стараясь держаться на нечистый-

ном расстоянии от милиционеров, топтался капитан школьной хоккейной команды Димка Сорокин, или попросту Сорока, как звали его ребята.

— Не доводишь тебя! Или сюда скорее! — сердито махнул он Петьке. — Дело есть.

Сорока был в длинном пальто, про которое говорят «с чужого плеча», в рыжей потрепанной шапке, похожей на кошку сена. Шапка тоже великовата и поинтерну сползает ему на глаза. Старший брат Димки растёт настолько быстро, что не успевает изнашивать свою одежду, и весь его гардероб по наследству переходит к младшему брату.

— У этого бурный финиш, — крикнул в сторону свердловчанина, торжественно затараторил Димка на ухо Петьке. В 7-м «А» нет человека, который разбирался бы в спорте лучше, чем Сорока. — Смотри на горючее, а то обставит тебя, как миленького. Береги силы для финишной прямой, — сыпал Сорока скороговоркой. — В Алма-Ате говорят...

Но что говорит в Алма-Ате, Петьке не удалось узнать. Уставый милиционер в чёрном полушубке с погонами молча возмал Сороку за рукав и выпроводил за ворота.

Визит Сороки, несмотря на его неблагоприятный конец, прибавил Петьке бодрости. Приятно было чувствовать заботу друзей. Он увереннее подошёл к противнику и занял своё место на беговой дорожке.

Хронометристы уже вынули секундомеры и не сводили глаз со стартера. Судья на старте поднимал свой клетчатый, как шахматная доска, флажок.

— Внимание!

Чуть пригнувшись, конькобежцы напряжались, устремив взгляд вперёд.

— Старт!

Гулло прогремел выстрел в морозном воздухе.

Ну, теперь кто кого!

Набирая скорость, они пошла рядом, размахивая руками, нога в ногу, конёк в конёк. На выраже свердловчанина первый заложил ораву руку за спину и опять улыбнулся. Всё равно, доскаты, мой верх будет!

Петька даже зубами заскрипел: «Подожди, в тебе измочало до твоего бурного финиша!»

И на ходу перестроил свой тщательно разработанный график.

Новая тактика была проста, но очень опасна: Петька резко увеличил скорость.

«Будь что будет!»

Он задумал помочать свердловчанина,

не дать ему возможности использовать своё преимущество в конце дистанции.

Это было очень рискованно. Ведь Петька может и сам не выдержит! Что, если у него не хватит сил и он «распишется» где-нибудь на последнем круге?

...Хоккейная команда 7-го «А», затаив дыхание, следила за поединком. Ребята расположились на самом верху трибуны. Стадия — это не театр: здесь в первых рядах сидит только тот, кто ничего не смыслит в спорте, а искусственные болельщики всегда забираются повыше. Сверху всё ледяное поле, как на ладони.

Безрассудное поведение Петьки не могло остаться незамеченным.

— Что делает, ну что он делает? — трагическим голосом твердил капитан, облезшая отскребающаяся губы. Димка целыми днями проваляет на катке, и поэтому губы у него всегда обветренные.

— Выдохнешь! — со вздохом подкакнул Димке лобастый синеглазый толстяк Федя Горюхов и мрачно сунул в карман штепсельной куртки будильник. Ни о каком графике не может быть и речи — всё перепутал Петька!

А Петька то летел сломя голову, то резко сбавлял скорость. Свердловчанин принял вызов — это был стрелковый вербей. Разгадав петькин замысел, он не лез вперёд, а прочно висел у него на пятках.

Ребята замерли. Все поняли, чем это пахнет. Нет, не имеет права Петька рисковать в таком ответственном соревновании! Какое право он имеет ломать график!

Один круг, второй, третий... Ничего не меняется. Бегут, как в догоняшки играют, рыжками. Ниничатина попрежнему у Петьки.

А время идёт.

Вот судья-контролёр вытянул перед петькиным носом руку с одним отпущенным пальцем. Это означает, что конькобежцы пошли уже на последний круг.

Свердловчанина будто кто-то подстегнул. Он махнул руками, разнулся в спрату обогнал Петьку. Прокрикет между конькобежцами начал увеличиваться с катастрофической быстротой.

— Я говорил, не надо горячиться! — с досадой сказал Сорока. — Всё пропало!

По трибунам пронёсся шквал. Болельщики неистово предупреждали Петьку об опасности, молили, грозили, требовали:

— Давай, давай!

— Жми!

Все новосибирцы, конечно, молили ему удачи.

— Работай! — побавровела, изю всей мочи завопил Федя, будто Петька мог услышать его на другом конце стадиона.

— Работай! — подхватил Димка, сердито потрясая кулаками.

И покатылось из края в край по трибунам:

— Работай! Работай! Работай!

До финиша уже оставалось метров сто, но больше. На каждый метр теперь стоил сверлованному большому труду. Силы у него иссякли. Петька тоже сидел, но бежал отчаянно, напрягая всю свою волю. Он выжимал всё, что ещё сохранилось в его усталых мускулах.

— Достает, достает! — не то спрашивая, не то утверждая, вошел Сорoka.

А Петька уже ничего не слышал и не видел. Перед ним мелькали только ковыли соперника да сбегающие бровки, разлетающиеся дорожки. Всё ближе, ближе бедела от этих шапочка свердлованца.

Вечером сумраке ослепительно вспыхнули огни кониторов, заиграл оркестр. Вокруг Петьки засуетились микрооператоры, фото-репортёры и корреспонденты. Подбежал с микрофоном спортивный комментатор. Но Петька так ошалел от радости, что долго не мог произнести ни слова. Жмурясь от ярких лучей, он только улыбался и смущённо омерлял по сторонам. Нагруженные ноги его подкашивались, шёлк горел, перед глазами плыли красные круги, в ушах всё ещё не утихал многоголосый гул: «Работай! Работай!»

Торопливо накручивая пружины своих тяжёлых фотоаппаратов, отлынули операторы, спрыгав блохины, исцелились корреспонденты, и Петька попал в объятия друзей.

Не раздумывая, Сорoka снял свой широченное пальто и, оставшись в одной рубашке, набросил его на изнедавшие плечи чемпиона.

— Эх, нам бы теперь ещё «партизаны» обставить! — мечтательно сказал он, выбывая зубами дробь. — Сразу бы в школе две победы прибавилось.

«Партизаны» — это хоккеисты соседней школы, что на Партизанской улице. А димкина команда в отличие от них называлась «мукомольной». Не очень звучное название, да что поделаешь: построили рядом со школой мельничный комбинат, вот отсюда и пошло.

В прошлом году в розыгрыше кубка района «мукомольно» потерпели жестокое поражение. Финальная встреча окончилась с разгромным счётом: 4:0! Сухая! Ныне «мукомольно» решили взять реванш. Долго и упорно готовились они к этой встрече. Но и

«партизаны» не сидели сложа руки. И вот скоро опять противники должны скрестать клюшки. Кто кого?

Домой чемпионом вернулся в единнадцатом часу. Не раздеваясь, он прошёл к столу и положил перед матерью, склонившейся над машинкой, маленькую сиреневую коробочку — приз и свёрнутый трубкой диплом первой степени.

В коробочке были часы с тоненькой, как волосок, красной секундной стрелкой, пригашенной по циферблату.

— А почему так поздно? — спросила мать, удивленно рассматривая встывшие спортивные трофеи.

— Да так, — с деланным равнодушием бросил он, не поворачивая головы, — интересно давал.

2

Эх, до чего же интересная жизнь началась у Петьки! События следовали одно за другим, одно лучше другого.

Утром за чаем отец по обыкновению развернул газету. С фотографии ему улыбалась чья-то очень знакомая курносая физиономия.

— Гя, да это же наш Петька, — дмыкнул он, изумлённо вскинув брови, — чемпионом!

Петька бросил ложку, выскочил из-за стола и, не одеваясь, помчался на улицу. Прямо у подъезда был киоск «Союзпечати». Без сожаления чемпионом ухлянул на газету весь свой наличный капитал, предназначавшийся для покупки шоко.

А вскоре произошло ещё одно, не менее важное событие.

Передавали «Пионерскую зорьку». Петька был занят: вырезал из газет свои портреты. Углубившись в работу, он не прислушивался к тому, что говорили дикторы: что-то про ответки, что-то про экскурсию... И вдруг объявляют:

«Вчера в Новосибирске закончилась зональные соревнования хоккеистов Сибири и Урала. Слушайте репортаж нашего корреспондента».

Чемпиона будто карьером швырнуло с дивана.

— Мама! — не своим голосом закричал он и прыгнул к репродуктору.

Из кулики с тарелкой в руках прибежала перепуганная мать.

— Что с тобой?

— Тихе, тихе, — зашепел на неё Петька, — слушай!

Из репродуктора доносилась громкие крики, свист, аплодисменты.

— Мена приветствуют! — повиснул он матерью. — Сейчас я говорить буду.

Но корреспондент обо всём рассказал сам, а Петяше дал только две фразы сказать.

«Какую ты теперь задачу поставишь перед собой?» — спросил он, поздравив чемпиона с победой.

«Хорошо бы мастером спорта стать! — выпалил Петяша, шумно подожмур. Он ещё не успел отдышаться после трудной дистанции. — И звание мастерской получить».

Репортаж окончился. На всякий случай подождав ещё немного, Петяша внимательно прослушал сводку погоды, но в этой сводке интересного было разве только то, что в Но-

ву узелок зубами. То и дело он прикладывал их к уду. Время будто зашлохлось за что-то, еле пошло. Впервые за свою жизнь он пожалел о том, что упустил во второй смене.

Томась от безделья, чемпион слонялся из угла в угол. Восхождение его рисовало звуковые картины: он был шаровые рекорды, яростно штормовал ворота сильнейших команд класса «А», первым уносил на груди финишную ленточку под восхищённые вопли белыхышников.

«Кто это?» — изумлённо спрашивали зрители.

Вокруг Петяши засуетились кинооператоры, фоторепортеры и корреспонденты.

воскресенье сегодня опять лишь на один градус теплее, чем на станции «Северный полюс-4».

Петяша начал собираться в школу; ему не терпелось похвастаться часами и узнать, что о нём говорят ребята.

Выпросив у матери новую комбинированную куртку с серыми плечами, которую он надевал только по праздникам, Петяша долго прихорашивался у зеркала. Чтобы волосы на макушке не стояли торчком, он обильно смочил голову водой и остался вполне доволен своим видом.

— Абсолютный чемпион! — весело произнёс он, оглядывая себя со всех сторон. — Аб-со-лю-т-ный!

Часы, за неимением ремешка, Петяша привязал на руку ленточкой, туго-натугу затя-

«А вы разве не знаете? Пётр Стручков, заслуженный мастер спорта!»

К деятельности его вернуло гудок автомашин и резкий звонок, тотчас раздавшийся в прихожей.

— К нам.

Он выглянул. Вошёл незнакомый мужчина в кожаном пальто.

— Мне надо видеть товарища Стручкова, — сказал он, поздоровавшись.

— Его сейчас нет дома, — ответила мать.

— Я из студии кинохроники...

— Так это же за мной! Поехали!

Не дав мужчине договорить, Петяша сгреб в охапку пальто и вылетел на улицу.

Когда шофёр вышел, чемпион уже восседал на переднем сиденье «Победы».

Машина выехала на Красный проспект.

пристрелась за сверкающим, как зеркало, черным «ЗИМом» и покатилась к берегу Оби. Петяка глядела во все глаза: вот бы кто-нибудь из ребят сейчас увидел его в «Победе»!

Но, как назло, мальчишки и девочки попадались незнакомые.

В студии Петяка пробыла минут сорок, но если бы кто-нибудь из петякиных друзей опдел, как он возвращался из студии, то наверняка заметил бы, что похода его изменилась. Прежний Петяка обязательно сбежал бы с крыльца, прыгая через две ступеньки, а теперьшний спускался степенно, с озабоченным выражением лица.

Рядом с ним шёл режиссёр, высокий, как дядя Сёма, в белых скрипучих бурках. На прощание он, как больному, помахал Петяке руку, велел шоферу доставить его домой, пообещать, пока он побеждает, и, чтобы не опоздал на занятия, отвалил прямо в школу.

О, это была вынужденная картина! «Победа», мягко шурша колёсами по опалёванному до блеска, плотному, как бетон, снегу, подкатила к самому крыльцу. У школы толпились ребята. Все они, притаившись, наблюдали за машиной. И вдруг из кабины

показался стриженный белобрысый петякин затылок. Это было так неожиданно и здорово!

А Петяка, как будто он каждый день разъезжал на «Побед», не торопясь, вышел из кабины, небрежно кивнул шоферу и, взглянув на часы, направился к двери.

— Стручок! прискал! — звонко крикнул кто-то в коридоре.

За чемпионом потянулись длинный зюст и поклонники конькобежного спорта.

В 7-й «А» слышала физкультурники со всей школы. Чемпиона засыпали вопросами.

Усевшись на стул учителя, Петяка положил ногу на ногу и, не торопясь, обстоятельно рассказывал о своей победе. Потом, как будто случайно, задрал рукав куртки. Блестели часы с коринтовым инферблатом.

— Наградил? — астрепнулись пораждённые ребята.

— Ага! — зарделся Петяка, вытянув руку. — Амортизационные... — значительно поведая он, довольный произведённым эффектом. — Нисколько ударов не бьётся!

Чемпион, не торопясь, развязал зубами устёжку, снял часы и подал их Фёде, за кото-

Петяка небрежно кивнул шоферу и, взглянув на часы, направился к двери.

рым в школе прочно укоренилась слава изобретателя-изобретателя.

— Правильно, амортизационные, — с видом знатока засвидетельствовал тот.

— Вот не могу в паспорте разобраться, — пожаловался Петька, — часы непроходимые, а почему-то написано: «Во избежание повреждений механизма не рекомендуется погружать в воду», — нелепо и развёл он руками.

Изував паспорт, чемпион успел заучить этот путаный параграф наизусть.

Федя почесал затылок.

— Да, дилемма!

— Ты скажи, можно всё-таки купаться, не снимая их, или нет? — попытался Петька.

Достав из кармана большую лупу, с которой он никогда не расставался, Федя поднёс её к глазам и низко склонился над часами.

— Ну? — нетерпеливо толкнул его в бок чемпион. — Можешь?

Федя молча нырнул в глубоких карманах, где у него всегда что-то звякало, и, не говоря ни слова, вооружился длинной отвёрткой с жёлтой полированной ручкой.

— Сфигел? — испуганно поймал его за руку Петька. — Дай сюда! — сердито вырвал он часы.

Федя обиделся.

— Я машину хотел узнать, — надул он губы. — Какой ход? Анкерный?

— Понём я знаю! — буркнул Петька, надевая часы. — Хорошо идут, в ладно.

Вытащив шен, все восхищённо следили за чемпионом.

— Тоньше?

— Секунда в секунду шипят, — не моргнув глазом, врал Петька (он ещё не успел проверить часы). — И заводится на двое суток с лишним.

— А ночью светится?

— Должны, — на этот раз не совсем уверенно ответил Петька: тут уж надо держать ухо острее, а то показались впросак — Федя явно разоблачает.

— Фасфор, — толкнул Федя своим коротким, жёстким от провинности пальцем в бёдра шифры. И синхронительно проинструктировал: — Имей в виду: подпорядка требуется. Днём на солнце надо несколько минут подержать.

3

Последним в этот день был урок физкультуры. Нетерпеливо бряя на парте, Петька поглядывал на дверь.

Не успел ещё прозвенеть звонок, как в класс вошёл учитель, грузный, седокопый человек в темномасеи тренерском костюме с белой нашивкой на шее.

Опередив дежурного, Петька метнулся к нему навстречу.

— Виктор Фёдорович, — торжественно и громко начал он. — Спасибо вам, — и зашептал, Петька знал, что после одержанной победы чемпионы благодарят своих тренеров. — Я скажу, я хотел сказать, — беспомощно заморгал он глазами и, собравшись с мыслями, наконец вымолвил: — Спасибо вам, что я стал чемпионом!

Улыбаясь, Виктор Фёдорович положил ему на плечо тяжёлую ладонь — он был сильнейшим в городе штангистом.

— Твой успех, Петя, — сказал учитель, — это успех всей нашей школы, всех твоих друзей, помогавших тебе расти. Никогда не забывай об этом. Посмотри, сколько физкультурников у нас, сколько мы ещё рекордов побьём! Верно, ребята?

— Верно! — дружно ответил класс.

Петька ликовал, Петька блаженствовал, наслаждаясь своей славой. Теперь в школе не было более популярного человека, чем он. Да что школа, когда имя его гремело по всей стране! По радио про него говорили! Говорили, в «Советском спорте» писали! Писали. Да ещё в кино показывали!

Где бы только не бывал Петька, оверкая его, летела слава. Чудовищенная сила была у этой чародейки-славы: она избавляла его от необходимости толкаться в очереди в раздевалку, в мастерской из стадиона у него немедленно брали точить коньки...

Стоило ему показаться на катке, как за его спиной тутчас слышались восторженные голоса:

— Чемпион, смотрите, чемпион!

У Петюли в такие минуты гладко замирало сердце. Что там ни говори, а приятно чувствовать себя известным человеком!

Известность чемпиона росла с каждым днём.

Однажды в школу пришёл почтальон, сухокопый бойкий старичок в поношенной форменной фуражке с гербом и с красной молнией на рукаве. Обычно он, постукивая тоненькой чёрной тросточкой и рывок в своей лузговой сумке, торопливо проходил к учительской. Но на этот раз почтальон вошёл не в учительскую, а прямо к 7-му «А» и постучал тросточкой в дверь.

— Эй, озорники!

В коридоре сразу наступила мёртвая тишина.

— Есть у вас Стручков П.?

— Есть, есть! — послышалось несколько голосов. — Петяка, тебя!

Чемпион за последнее время перестал чему-либо удивляться.

— Я Стручков, — но без достоинства открывалась она, приближаясь.

— Получи-ка, сынок, корреспонденцию. Старичок вручил ему объёмистую пачку писем.

— От кого?

— Ого, сколько много!

— Кто это пишет? — затормозили Петьку ребята.

— Читай вслух!

Петька поворожала немного, но здесь же, в коридоре, распахнул первый конверт и медленно стал читать, плохо разбирая неизвестный почерк:

— «Уважаемый Петя! По радио передавали, что ты всех обогнал, в том числе и прошлогоднего чемпиона. У нас в школе многие уныло кататься на коньках, но на соревнованиях нам почему-то не везёт — всё время наша школа на последнем месте. Напиши, как ты тренируешься, в общем, расскажи подробнее о своей системе тренировок.

По поручению конькобежной секции 107-й школы Толья Костун. Город Каска».

Писали ребята из Барнаула, Иркутска, Челябинска, Омска и даже с Дальнего Востока, из бухты Находка.

— Вот это да-а-а, — приблизил Петька письмо, — сколько народу меня знает!

Чемпион шёл в гору. На всех собраниях и заседаниях его избирали в президиум. Теперь ему никак нельзя было приходить в школу, не выполнив домашних заданий. Петька старался изо всех сил, чтобы не опоздать своё почётное звание. В дневнике у него всё чаще красовались самодовольные, румяные толстухи-кляксы. По этому случаю спортивная стенгазета «Вниманию, на старте!» поместила дружеский шарж. Художник изобразил чемпиона в жокейском картузе и с плетёной в руке. Петька пересаживался из коляски, которую тащила тройка усталых, измученных лошадей, в другую, где в упряжке плескали пять топановатых вороних рысаков. Подпись под рисунком гласила: «Стручкову надлежит тащиться на тройках. В учёбе чемпион тоже поставил рекорд. Физкульт-ура!»

На переменах чемпион чинно разгуливал по коридору и, если ребята затевали возню, старался держаться подальше.

И мало-помалу он начал испытывать примерно такое же ощущение, какое бывает у заедлого купальщика, когда тот в злойный летний день добьётся наконец до воды и нырнется вволю. Вылезет на берег — в голове туман, уши заложено, кругом галдят, смеются, играют, а он ничего не слышит и не видит.

5

Приближался розыгрыш кубка. Жокеевсты ходили серьёзные.

Дымка потемнела, лицо у него задубело на морозе, осунулось, и ещё больше обострились губы. Теперь «партизаны» ни на минуту не выходили у него из головы. Как она построит игру в следующем году? Какой скориин приготовит его команде?

Атмосфера накалялась. Тренировались с повышенной нагрузкой — на холоде, ни буран не принимался в расчёт. Клошма на площадке стучали до позднего вечера.

Вспомнил, что в школе у «партизан» учиться его хороший приятель, Федя отправился на разведку.

Приятель, оказывается, велел школьной фотолабораторией. Федя посидел у него немного, показавшись, что в магазинах редко бывают линиматы, и, чтобы избежать подозрений, попросил а долг маленько закрепителя, будто он за зём и пришёл. Потом Федя потащил друга на улицу, в словно незначай, они оказались на хоккейной площадке, где в это время тренировалась «партизаны».

Встретился Федя весёлый.

— Классно играют, — коротко доложил он капитану, — в темпе, в пасовочка что надо! Прорывы практикуют попростому, но больше всего натёркой действуют. Главное — защита всё время нападение поддерживает.

Разговор происходил в раздевалке — команда собралась на лёд. Сообщение Федя задело жокеевств. Все невольно затормозились. Капитан, как всегда, первым прилёг себя в боевую готовность.

Взяв свою самодельную клюшку со следами красных брыз на планке, — вероятно, в дело вошла какая-то реклама, — он встал и посмотрел на жокеевств.

Ребята склонились над ботинками. Только один Петька бесцельно сидел на столе.

— Я бегам — будь здоров! — заявил хвастливо Петяша.

— Вообще-то на прорывах они далеко не уедут, — заявил он хвастливо Феде. — Я бегам тоже буду здоров!

— Тебя что, не касается? — строго оборвал его Димка. — Обувайся!

Петяша огрызнулся:

— Отстань! — И с ехидной спросил: —

Сколько ты вчера шайб забросил?

Димка насторожился:

— Две, а что?

— А в шесть!

— Ну а что?

— На площадке надо себя показывать, вот что! Также мне капитан! — Петяша презрительно скривил губы. — Горе луковое, а не капитан!

Димка шагнул к нему, злобно сверкнув глазами.

— Ты у меня получишь, — пригрозил он, показав кулак, — а тебе покажу, как дисциплину разлагать!

Ребята молчали. Но эта тишина не сулила Петяше ничего хорошего.

— Айда на лёд! — Махнув рукой, капитан засемкал к выходу.

Сегодняшняя товарищеская встреча: 7-й «А» играет с 7-м «Б». Но тренерский совет во главе с Виктором Фёдоровичем должен окончательно решить, кто выйдет в сборную команду школы. Две пятёрки будут взяты из дымковской команды — это уже точно известно, а вот кому повезёт или нет

защитить спортивную честь школы из 7-го «Б»? Для них эта встреча имела очень большое значение.

Игра, как говорится, сразу приняла острый характер. Хоккеисты 7-го «Б» из кожи лезли, чтобы отличиться. Петяша ушёл из игры со стыжкой с Димкой. Но в третьем периоде Виктор Фёдорович позвал в школу, игрок начал ослабевать, и червь самодовольствия опять зашевелился. Петяша начал срывать одну комбинацию за другой.

Атака 7-го «Б» захлебнулась. Перехват у наседающих шайбу, Димка по левому краю помчался к воротам противника. Петяша пулей летел к центру, выставив клюшку вперёд.

— Прорыв! Защита в смятении!

Димку встретили двое, пытались отобрать шайбу. Шёшь! Шайба уже у Петяши. Петяша проходил к самым воротам. Но бить нельзя: защитники 7-го «Б» бросились навстречу. А Димка остался испуганным.

— Дай! — молит он глазами, барабанив клюшкой о лёд. — Ну, дай же, дай!»

— Пасуй Сороне!

— Сороне, Сороне! — зашумели болельщики.

Петяша усмехнулся. «Из такого положения дурак забыл, а ты вот поучись, как трудовые выкатываются!» — злобно подумал он и метнулся в угол.

Однако момент был упущен: Петяшу

гнали в клетку подоспевшие нападающие 7-го «Б», завладели шайбой и, используя выгодное положение, легко прошли за центр и пробрались по незамысловатым кортам. Вратарь не сумел парировать удар. Гол!

Этого капитан уже не мог вынести. Побегавши, он, как коршун, набросился на Петьку.

— Полюксай, чем пахнет! — схватил чемпика за грудки, Димка сунул ему под нос острый кулак в ребристой хоккейной перчатке.

— Ой-ой-ой! — полетилась Петька.

Он порядком струхнул. Димка живо бока намнёт, если подберётся под горячую руку, — он все приёмы самбо изучил...

— Пусть не задеётся! — возмущённо загалдели ребята.

— Всю игру скончает!

Вокруг Петьки образовалось плотное кольцо хоккеистов.

— Самолюбие у него распухло, — спокойно подытожил невозмутимый Феда.

— По местам! — приказательно засыпал судья, вспомнив наконец о своих обязанностях.

Капитан отошёл, злое ще пообещав:

— Подожди, я из тебя дурь вылью!

«Ну, чего он рыпается? — думал Петька. — Всё равно без меня им труба!»

На другой день опять такая же история.

Димка вытащил из кармана помитый блокнот, полистал его и спросил:

— Последний раз кто каток заливал, Рожков?

— Мы, — ответил плотный, коровастый крепкий.

Рожков дав брата, но они несколько не похожи друг на друга. Один белый, другой смуглый, черноволосый, как жук. Их так и зовут: Рожков Белый и Рожков Чёрный.

— Значит, сегодня ваша очередь, — сказал капитан, обращаясь к Феде и Петьке.

Только что закончилась тренировка, Феда тяжело одохла, смахнул рукавом пот с лица и устало принахлился спиной к борту площадки.

— Лады, — уныло согласился он.

А Петька закрутился.

— Без меня обойдётся, — высокомерно посмотрел он на капитана. — Мне вас ещё на льду надо отвечать.

В разгар сезона Димке не хотелось терять лучшего нападающего первой пятёрки, и он сказал миролюбиво:

— Зантра, Петя, отвечай.

Но, почувствовав, что капитан сдаётся, Петька полетел напролом:

— Не буду, и basta!

Повернулся, закинул за плечо клюшку и зашагал, перекладываясь с боку на бок.

— Стой! — крикнула Димка.

— Да иди ты! — не оглядываясь, отмахнулся Петька.

Димка в два прыжка настиг его и схватил за ворот.

— Не останешься?

— Нет!

— Значит, нет?

— Нет! — отрезал Петька.

Димка в два прыжка настиг Петьку и схватил его за ворот.

Димка размахнулся и ударил его по уху. Позор! При всех так унизить чемпика!

— Лады! — прошепел сквозь зубы Петька и вою всех сил трахнул о барьер свою новенькую фабричную клюшку. Хряснула, она разлетелась на три части, крючок, или перо, как называют его хоккеисты, далеко отлетел на лёд и завертелся колот.

— Вот вам, играйте, как хотите!

Ошеломленные ребята молчали.

Петька побежал в школу. Он думал, что все кончилось за ним, станут уговаривать. Как-никак, он всё-таки чемпион Сибиря и Урала, самый быстрый нападающий в команде. Но никто не тронулся с места.

* * *

На другой день по дороге в школу чемпион кушал кедровых орехов и, набрав полную горсть, позвонил в класс:

— Калёныш!

Но никто из ребят не протянул руки. И на уроке никто не поинтересовался, как прежде, сколько минут осталось до звонка.

«Сговорились», — подумал Петька, бросив на Димку взгляд, полный ненависти.

На перемене Петька заметил, что все укладкой поглядывают в его сторону. Услышав про «Колоску», он понял, что его продвинули в стенгазете, и с безразличным видом пошёл посмотреть.

Карикатура на Петьку была в самом центре газеты. Чемпион шёл по буфетной дороге, задрав вверх нос, впереди звали глубокая яма. Ещё шаг, и он споткнётся и рухнет в неё.

«Стручков стал на опасный путь», — предостерегала газета. — Неправильный!!!»

Но это были только цветочки. Перед концом уроков в спортзале рядом с графиком тренировок вывесили список сборной команды. Петькиной фамилии в нём не было. Чего-то, а этого Петька никак не ожидал!

Хоккеисты начали тренироваться без чемпиона. Но Стручков не терял надежды: «Поклонится ещё!»

Прошла неделя. Вечером, накануне игры с «спартизанцами», Сорока, отдавая последние распоряжения, даже не взглянул на Петьку, когда тот несколько раз, как будто невзначай, прошёл мимо.

Домой чемпион вернулся с таким чувством, какое испытывает хоккеист после поражения, которое потерпела его команда из-за того, что он забросил решающую шайбу в собственные ворота.

— Так завтра ты нас поведёшь на хоккей? — увидел его, сказал отец.

Петька швырнул на диван портфель.

— Отменны!

Весь выходной день чемпион провалялся в постели с книгой в руках. Однако сегодня ничего не шло из уст. Он то и дело поглядывал на часы.

Игру назначили на вечер. Петька тайно решил просидеть весь день дома. Но, когда время стало приближаться к началу сорев-

нований, не вытерпел, сник с пешалки пальца.

— Пойду подышу свежим воздухом, — сказал он матери.

Петька ушло брёл по ярко освещённой улице, останавливаясь у витрин магазинов.

С неба стала сыпаться мелкая крупа.

«Помешает нашим», — подумал он, смахивая снег с коротника пальто. — Часто плошкку подметать придётся. — И сразу же оборвал себя: — А тебе-то какое дело?»

Петька старался не думать об игре, и, чтобы заглушить навязчивые мысли, он принялся сосредоточенно считать шаги.

Когда он насчитал до двух тысяч, до слуха его долетел знакомый мелодичный перезвон колокольчиков. Петька остановился... Где-то неподалёку гремял бурный футбольный марш, и тутчас раздались крики, свист...

«Так это же у нас!» — догадался он, оглядываясь по сторонам.

Оказывается, ноги сами привели его к школе.

«Пойти взглянуть, что да?» — заколебался Петька.

Игра была уже в полном разгаре. Плошкку плотным кольцом окружили ребята. Заметая из воротами в тёмном углу ёлку, поткнутую хоккеистами в снег для украшения, чемпион, крадучись, пробрался к ней.

Правую сторону площадки облепили «спартизаны», левую — «мукомолы».

По каким-то мимолетным признакам Петька понял, что шайба не успела ещё побывать в воротах. Игра развёртывалась драматически. Гости ошеломили хозяев бешеным натиском. «Мукомолы» прижаты к воротам и плотно закрыты в своей зоне. Как заяц, мечется артырь Рожков Белый. «Партизаны» ведут осаду всей командой.

— Наседай! Наседай! — ликует правая сторона, торжествуя победу.

Левая тревожно молчит.

Тренер влещет, со зконом режут лёд вилкой. Вороты «мукомолов» под непрерывным обстрелом.

— Сакалай! Сакалай! — кричит правая сторона.

— Не теряйся!

— Спокойно, спокойно! — советует своим левая сторона.

«Плош!» — безучастно подумал Петька.

Уверенные в победе «спартизаны» ведут напролом, не беспокоясь о своих воротах. Кажется, ещё мгн, и они сомнут, опрокинут противника и начнут швырять шайбу за шайбой. Даже удивительно, как это «муко-

малы» ещё противостоял такому яростному штурму.

Вот оно, начинается, Гол!

Рожков Белый самоотверженно бросился под ноги капитану «партизана», упал, но шайба выскользнула у него из рук и закатилась в ворота.

— Шучка! — торжественно, неистово завопила правая сторона.

Поморщившись, Рожков Белый загрёб шайбу своей широкой вратарской клюшкой и сердито швырнул её на середину площадки.

Игра делается ещё напряжённее.

Опять атака! «Партизаны» лавиной наступят к воротам «мукомолов». Рожков Чёрный ринулся в самую гущу игроков противника, перепутал шайбу и бросил Димке.

Димка кинулся вперёд и вывел из удар Федю. Федя с силой метнул шайбу верком в ворота. Стукнувшись о щётки вратаря, она отскочила прямо под клюшку подоспевшему Рожкову Чёрному. Рожков с хода толкнул её снова в ворота. Гол!

Теперь ликует левая сторона.

Не умолкая, шумели, волновались болельщики, и никому не было никакого дела до Петьки. Будто он вовсе и не ставил блестящих рекордов, не был грозой вратарей на хоккейных площадках!

Продолжитель, чемпион стоял в своей засаде и стучал зубами от холода. На глаза у него навернулись слёзы.

Но о нём всё-таки вспомнили. Неподдалёку от бьки, за которой прятался Петька, остановился Виктор Фёдорович и с ним ещё один человек. Кто же это? Петька осторожно раздвинул ветки. Высокий, белес бурка, и голос знакомый. Ах, вот это кто! Режиссёр студии кинохроники! Неужели снимать будут?!

— Замечательно сыграно! — басовито гудел режиссёр, восторгаясь силой комбинаций «мукомолов». — Напаристо играют клюшкой!

— Я доволен, — сказал Виктор Фёдорович. — Но Сорочкин и братья Рожковых выростут настоящие хоккеисты. И другие ребята неплохо играют.

— А Стручкова почему не видно?

— Заболел.

— Что с ним, серьёзно?

— Да, очень опасная болезнь. Но я думаю, мы не допустим осложнений, вылечим общими силами.

И Петька видел, как, улыбаясь недоумённый взгляд режиссёра, Виктор Фёдорович лукаво улыбнулся.

ИНДИЙСКИЕ КУКЛЫ

Индийская поговорка говорит: «Правда, что было даровано человеку, — это земля и солнечные лучи». Уже в глубокой древности женщины Индии лепили из земли фигурки людей и животных и, вкручивая на спицы, забавляли ими своих малышей. С давних пор сохранились индийские игрушки из дерева, из глины, лозы, кости.

И вот что замечательно: эти древние образцы игрушки до сих пор используются в работах индийских мастеров. Многие игрушки индийских ребят бенгальцы, раджастанцы, пенджабы точно копируют на те, которыми забавлялись дети их прапрапрадедов больше чем две тысячи лет назад.

Конечно, индийские дети, как и все дети на земном шаре, очень любят свои игрушки. Любят и играют, и тем самым спускают детства, остаются у них на всю жизнь. В школах индийцев всегда можно встретить различные куклы, изображения людей и животных. Эти игрушки, вылепленные из глины, вырезанные из дерева и кости, сделанные из металла, служат предметами домашнего убранства.

Любят и игрушкими так увлечься, что каждый год осенью в городах и селениях устраиваются праздники куклы, которые длится десять дней. В каждом доме на специальных полках выставляются самые лучшие, самые любимые игрушки, а в праздничные церемонии вместе с родителями и детьми играют куклы.

Большие заводные куклы в скриньях народных костюмов участвуют в процессиях, а танцы, а веселье и торжественные церемонии устраивают.

На этих цветных народных судьях народных игрушек, которые он видел в Москве, на выставке кустарных изделий Индии. 1. Торжественный выход раджи на трон. 2. Рыцарь войны. 3. Кукла с качающейся головой. 4. Различные глиняные куклы: замаскированные змеи, продавец молока, студент, женщина с сумочкой, музыканты. 5. Вырезанные из дерева верховы с павлинами. 6. Музыкант, играющий на виоле. 7. Тигр. 8. Кукла, изображающая серпантин на Бомбей (эта кукла, так же, как и слон, вкручивая радужку, сделана из металла). 9. Крестильная женщина. 10. Деревянная кукла (почти такие куклы делают большие джунгли южной Индии). 11. Сборщики коносовых орехов.

Н. НАЗАРОВИЧ,

научный сотрудник Музея
Восточных Культур.

1

2

3

4

5

6

8

7

11

10

9

ОГНЕННЫЙ ДОЖДЬ НА КИВУ

Глава из книги «Африка сны и действительность»

Ирэн Гейлс и Миклош Зенкерд

СТРАНА ВУКАНОВ

На языке племени банту, живущего в Восточном Конго, слово «Киву» означает «озеро». Следовательно, когда вы читаете на картах Африки рядом с голубым пятнышком надпись «озеро Киву», то это, собственно говоря, означает «озеро Озеро». И всё же озеро Киву, несомненно, — самое прекрасное из африканских озер, уже почти бы потому, что в нём нет ни одного крокодила, а все прочие озёра

Центральной Африки ими кишат кишмя.

Расположенное на высоте 1400 метров над уровнем моря, оно окружено чудесными лесами, кофейными и чайными плантациями, покрывающими другие склоны гор: северо-восточные берега его покрыты лавой. Куда же посмотреть, если лавы и среди непроходимых лесных зарослей и в дорожном шуме. Когда спускаешься к озеру возле Нгомы, Кисомы или Сале, то негосудит по вулканической лаве, порошковой вулканической.

Это озеро было когда-то одним из истоков Белого Нила. Сейчас озеро Киву закрыто, потому что лавовые потоки перекрыли вулканическую систему.

Если посмотреть на подробную геологическую карту этой области, то прежде всего бросается в глаза вулканический вулканизм. Поступные вулканы Мунга-вурра, Магинга и Сабанго поднимаются до альпийских высот, выше вулкана Мавенго, и достигают четырёх с половиной километров над уровнем моря. Между Наранго, вершина которого каждую ночь охватывает танцовальным красным светом и окружена белым дымом и сернистыми парами, и берегами Киву можно постичь ещё двадцать вулканов, вытесняющих в неистощимую вулканическую цепь. К северо-западу от Наранго возвышается вулкан Ньямалитра, извержение которого десять лет назад приносило в себя внимание всего мира.

Окрестности озера Киву являются одним из величайших мест на земном шаре, где у человека иногда бывает возможность получить представление о том, как древняя была выглядеть наша планета в эпоху бурных геологических преобразований. Только за последние десятилетия в этом районе было отмечено пять случаев бурной вулканической деятельности.

Мы включили в программу своего путешествия двухнедельное пребывание на побережье спокойного озера Киву, чтобы обработать там собранные материалы для репортажей и закончить другие неотложные дела. Когда в последний день февраля мы прибыли в лагерь Руинди, расположенный в двухстах километрах от Киву, мы увидели на ночном небе розовый свет, как будто лесной ночью на горизонте, предвещающий грозу, играл зарницы.

На местном языке Ньямалитра означает «Кипящий котёл», но вулкан Наранго скорее заслуживает это название.

Мы уже собирались покинуть шаткий домик, пока он не развалился у нас над головами, как вдруг подпрыгнувшие толчки прекратились. Только от севера ещё долгие дождливые и нам очень разрушительные дожди. А потом над всем краем раздалась глухая тишина.

После подвиги мы снова простулись. Основные рамы домика с выбитыми стёклами дремала от сильных стрессовый молнии. С северо-запада доносились всевозможный грозы, напоминая удары грома во время сильной грозы, порывающиеся с шальной зенитной батареей и сопровождающиеся раскатистым громахонком глубоко под землей. Полонина подымались красным пламенем.

Мы приближались к холмам, стоявших над озером, и перед нами разглагольствовал такая же сцена, как прошлой ночью, но только чудовищных масштабов. Лесные пожары образовали концентрическую цепь огней, высота возвышения в ночную тьму. Там, где вчера ещё была равнина, открытая дождевыми лесом, среди огней тихо вырисовывался контур ямы, образованного вулкана. Через каждые десять — двенадцать секунд вулкан извергал могучие гейзеры дыма, и после каждой красной вспышки раздался грохот, напоминавший залп тысяч пулеметов. В финале можно было ясно видеть огромные массы дыма, вылетающие из стометровую высоту и медленно опускавшиеся на землю красными ракетными бенгальскими огнями.

Старожна Енисей и Игма единодушно утверждали, что такого зрелища им ещё никогда не случалось видеть. Извержение, происходящее десять лет назад, не могло быть сравнение с тем, которое мы наблюдали. Мы немедленно по телеграфу запросили из Найроби новый запас цветной пленки с доставкой авиацией, так как свои собственные запасы мы тратили на съёмки зрелищ.

Каждую ночь мы поднимались на вершину горы Игма, чтобы наблюдать за рождением вулкана и всё снова и снова убеждаться в том, что это не фантастический сон. Каждый день мы видели новые столбы дыма и пепла, вылетающие с шумом куда-то в стратосферу, определяли высоту нового вулкана и составляли планы будущих съёмок. Составляли со связанными рукам, потому что до сих пор ещё не получали ни кусочка лабана. Дня безут, а наши камеры продолжают. Мы не можем сосредоточиться над некоторыми страницами репортажей! Понятно, машина полностью замедляет. Да и можно ли работать, когда за спиной беснуется стихия, когда в нескольких километрах отсюда Земля притрагивает красные древние слезы дыма, когда у тебя руки, ноги и мысленно совсем бездельным ожиданием? Ведь можно же допустить, чтобы мы одна остались, свидетелями этого поразительного зрелища! Мы обязательно должны запечатлеть извержение вулкана на чувствительной пленке и привести её за собой, домой!

Буйствующий вулкан влечёт нас к себе, притягивает, как магнит. Мы непременно должны подойти к нему поближе, хоть на один шаг. Во всяком случае, надо подготовить путешествие с караваном (сиара), изучить местность и подобрать себе помощников.

7 марта тайной ночью мы едем по дороге, ведущей в северо-запад, в Снег и дальше по западному берегу озера Киву в Костерьянвилл. Луна на ущербе, появится только после полуночи. Силуэты лесных холмов и горной тучи

Складчатые изгибы лавы, застывающей лавы, возмущаются на несколько метров в высоту.

Поток лавы пересек шоссе на Нгому в Сале, и мы оставили машину.

пыльчаны на фоне огненного неба. Красный отблеск пылающего поросытого леса и извергающегося плава вулкана только подтверждает бездонную черноту ночи. Сегодня нам надо размышлять, планировать и формировать, живущих в удивительных формах на побережье озера, побывать у всех, кто может рассказать подробнее о ближайших окрестностях вулкана. Говорят, что каждый вечер перед закатом на вершине колыма, который в Нгоме заволакивает нам вид на вулкан.

Нам нужно разгадать, вот ли в поросытом лесу или в скалках какой-нибудь тропки, по которой можно было бы подобраться поближе к месту извержения.

Мы приближаемся к пылающему лесу. Уже слышен гул пожара, треск горящих ветвей и падающих стволов. Каждый шаг окутывает дурной и захватывает от нас окружающий.

Что там такое?

Машины! Остановились!

Несколько легковых автомобилей и абенки грузовичков, которыми пользуются в Африке сельские жители, стоят на шоссе в ряд, друг за другом. Вокруг них суетятся люди. Они выисковывают местную полицию и лояльным возмездием. К нам доносится обрывки выискованных речей.

— Мы с ума сошли! Ведь мы не сумеем вернуться обратно!

— Но ведь лавы течёт медленно. Через полчаса мы вернёмся.

— Должите, что лавы, а я не поеду! Ведь это же самоубийство!

Почему здесь говорят о лаве? Ведь до вулкана ещё несколько километров.

Когда мы вышли из «Тяжёлых», то сразу поняли, в чём дело. В нескольких десятках метров от дороги течёт медленно, но неудержимо широкий поток лавы. От него пламя всё дальше и дальше распространяется по лесу.

Было бы безумием продолжать путь лесной пожар может перегородить дорогу и через полчаса и через минуту. А через час дорогу наверняка закроет поток расплавленного камня. Через дорогу валит густой жёлтый дым. Если она шири-

ста метров, то люди, прислонившиеся к машинам, могут задыхаться.

Оставляем машину и поднимаемся на вершину холма, слева у дороги.

В пяти, а может быть, и десяти километрах от нас по склону вулкана непрерывно стекает поток пылающей лавы и полыхот от подожженных по равнине почти до самой дороги, где мы стоим. А с обеих сторон потока — пылающий лес. Невооружённым глазом мы видим за пылающими каменистыми глыбами, ярко светящимися в темноте. Они покрывают обширный склон вновь разбуженного вулкана.

Интервалы между отдельными взрывами сокращались до нескольких секунд, а гул извержения с такого близкого расстояния слышится гораздо яснее, чем в Нгоме.

Трудно сдержаться от этого грозного и чертённого зрелища.

Вдруг кто-то тронул нас за плечо.

— Простите, господа, я поманю вас. Моя фамилия — Де Муни. Вы чехословацкие журналисты, приехавшие из Нгомы?

— Да, Готтвальд...

— Эмиль...

Семилетний мальчик боится пошевелить руками.

— У меня здесь на берегу озера маленькая ферма. Называется Бугено. Там, может быть, покажется это странным, но мне хочется подобраться поближе к самому вулкану. Никто здесь и слышать об этом не хочет, а мы как журналисты, возможно...

— Конечно, мы как раз готовим репортаж. Нам хочется сделать документальный фильм, но мы не знаем местности.

— Так пойдемте вместе. Я знаю здесь каждую тропинку. Я достану фонариков. И жена пошла бы с вами, она привыкла к длительным походам по поросытому лесу. Подождите, я её позову. Аманта, Аманта!

Через час наш план готов. Молодые супруги всё подготовили и будут ждать нас в Бугено, пока прибудет лавина. Через час после нашего прибытия в Бугено мы сможем выступить в поход.

На следующий день в Игуме было опубликовано краткое официальное заявление о закрытии движения по западному берегу озера Кабу по направлению к Которманшам. Местный поток воды шириной в несколько сот метров перекрывался через дорогу недалеко от того места, где мы стояли вчера вечером. Деревня Игума и Кисинья были отрезаны. С югом их связывала теперь только заброшенная горная дорога, которой можно пользоваться в сухое время года.

АВТОМОБИЛЬ В ПЫЛАЮЩЕЙ ЗАПАДИНЕ

Два дня были с быстротой летели. Каждый вечер, закончив работу, мы поднимались на вершину Игумы и наблюдали за деятельностью вулкана. К концу недели впечатление как будто стало затихать. В субботу, 13 марта, вулкан почти совсем успокоился. В воскресенье вечером он уже не извергал лава. Только редкие облака дыма и пара временами поднимались из кратера, сотрясая воздух. Край кратера утрачивал свой характерное красное свечение, вулкан перестал расти. Лишь далеко на юго-западе всё ещё горела лав, и над землёй повисали нередающиеся огромные тучи дыма.

Но в среду, во второй половине дня, снова раздался сильный взрыв. С наступлением темноты за вершинами Игумы появилось красное зарево. Мы обошли вокруг здания у пристани и, завернув за последнюю скалу, остановились, пораженные неожиданно открывшимся чудесным видом как бы из другого, фантастического мира. Огромная дождевая туча нависла над всем краем. Сверху она сияла, на столб воды, гигантские подвешенные ниспадавшие с неба, сверху её поддерживала могучий сталактит раскаленного гейзера, который опять с силой вырывался из земли. Синюю дождевую шапку была как бы залита кровью.

На горизонте мордали загорающие огни лавных пожаров. Огни, бушевавшие непрерывно

в течение четырнадцати дней, поглощали всю растительность на огромной площади. Даже дождь, длившиеся несколько дней, не смогли полностью потушить пожары.

Откадывать далеко сафари с вулкану было невозможно.

Мы спалили ещё раз на ночь в Игуме и в Кисинье, но нигде не было даже капли надрывающей паники. Тогда мы решили, во время большого праздника, завтра же отправиться в вулкану. Спутники Де Муна и Бутено, наверно, нас ждали.

Последние приготовления. Уладившись в «Тигру» свои последние канцелярии.

Только в Иоганнесбурге, почти два месяца спустя, мы вместе с другой корреспондентшей получили письмо нашего единственного приятеля, альпиниста и радиолобителя Робсона. Приглашенная к письму некая лондонская акционерная компания, исследовала почтовым штампом, всё нам объяснила. На почте в Найроби всевозможные не только наши фамилии, но и обратный адрес. Пять крупных цветных плакатов «козлов», которые мы ждали с таким отчаянным нетерпением, появились на нескольких аэродромных Бельгийского Конго и даже Танганьики и возвратились за немалым количеством адресов. На одном из штампов стояли названия Кисинья и дата, свидетельствующая, что письма прибыла четырьмя днями позднее нашего отъезда от туда.

Утром 18 марта мы выехали прибрежной дорогой в Бутено. Там нас ждал ещё один чрезвычайно полезный спутник, молодой бельгийский вулканолог и геолог Тален, которому бельгийское правительство поручило вести наблюдения за вулканом и проводить научные исследования. В нескольких километрах от Бутено путь был закрыт на огромном пространстве движущейся лавой. Складчатые нагромождения лавы, поднявшиеся в высоту на много метров. Обгорелые пни окаянной пожарины, а над лавой висел тающий лавный осып и чад. Мы попробовали ступить на край затвердевшей лавы, но после нескольких шагов вынуждены были возвратиться, потому что она была ещё слишком горячей.

В северо-восточном берегу озера Кабу. Вода на берегу лавой, спускающейся в самое озеро.

Далеко вперед протянулся широкий поток лавы с уже затвердевшей поверхностью. Под толстым верхним слоем растопленные места всё ещё медленно, но непрерывно капали в озеро. Это был второй поток шириной в километр, стекавший в береговой овраг. Он представлял так неожиданно, что застал арестованного Тавана, прибывающего с дороги на первом потоке. Таван остановил свою машину у первого потока и остался там с группой помощников. Во время работы он заметил, что новый поток лавы, который, когда он приехал, находился справа от него, пришел в движение, и сейчас его головная часть находилась в нескольких сотнях метров от дороги.

Таван со своими помощниками пробрался до самого потока, чтобы получить подробные данные о составе, температуре и количестве лавы. Незамедленно скорость течения лавы увеличилась, и помощники пришлось отступить. Всё быстрее и быстрее текла лавы, скорость её достигала четыреста пятидесяти метров в час. Лавы покрывала дорогу, представляя опасность. Таван и его помощники несколько минут отчаянно боролись с зарослями первобытного леса, а потом лавы прорывалась на по пути. Люди запылались в яму, приближающегося пожара. Когда они наконец выбрались в яму, лавы уже наступала из. Спасение бегством на машине они не увидели. Огромное море продвигалось через дорогу, а автомобиль со всеми членами экспедиции спускался в каньон между двумя потоками лавы.

К счастью, как раз от того места, где застряла машина Тавана, к берегу озера шла дорога. Она была проложена в 1912 году для тех, кто отступил в таком же положении на фермах, сгоревших реками лавы. Таван оставил машину на берегу озера и возвратился со своими помощниками в Вутто в рыбацкие челны.

ДАНТОВ АД

Мы сидим в маленькой моторной лодке и вот уже совсем час плывем по разбухшему жаром озеру вдоль выжженных берегов, открытого лесом и кустарником. Белая пена прибоя разбивается о глыбы старой затвердевшей лавы. Берега озера окаймлены небольшими крутыми сопками холмов — потухшими вулканами. Многие из них имеют круглый отрожек с озером посредине. Это одна из вершин старых вулканов, сложившихся много столетий назад со дня озера.

Мы плывем вдоль обширных полей лавы, изверженной в 1912 году. Леса на береговых источниках, но на чёрной охваченной лавой выроста густые кустарники.

Утром ушлием среди себя проплываем в широкий залив, называющийся между холмами более чем на тридцать километров вглубь гористой суши. На берегах залива видны обширные лавовые поля, образовавшиеся в 1912 году. Вода быстро движется вперед. Сначала на чистой синеватой воде появляется серый налет; но вскоре мы уже плывем по огромному бурлящему котлу, наполненному грохочущей лавовой жидкостью, температура которой всё по-

вышеется. В десятках метров от нас у берега озера бьют столбы белого пара, и к нам в лодку доносится шум, напоминающий шум паровозного депо большой железнодорожной станции.

Мотор лодки «охлаждается» горячей водой. До сих пор мы с опаской непрерывно проверяем её температуру на ощупь, но теперь этого уже нельзя делать: можно обжечь руку.

— Адриан, потуши мотор!

Мотор работает с перебоями, охлаждается. Нам приходится идти к берегу, да побыстрее!

Залив гнет лаву, лавы в лавы, когда мы отступили на изрезанном берегу места, где можно было высадиться. Здесь ручьи затвердевшей лавы, сгустившиеся, как вереница, — следы старого извержения вулкана Рукава — сгустившиеся под воду. Масса жидкой воды гонит в маленькие извилистые ямки вдоль берегов, и над прибрежной частью озера повисла туманная дымка.

Вытаскиваем лодку из воды на дно залива в скалистом берегу. Как раз в этом месте в 1912 году текла раскаленная лавы. А теперь здесь, буднично цветущие тропические растения, укрепившиеся корнями в преданных выветрившейся лавы.

Мы пробрались сквозь густые кустарники по затвердевшей лавы, напоминающей гигантскую пачку. С каждым шагом становится всё жарче. Подул тропический ветер, но он приносит запах горелой земли и пар, от которых мы задохнулись. Наконец мы стоим в десятке метров от потрясающего зрелища, в котором намая непонятные строки из «Божественной комедии» Данте:

«Оставь, пожалуйста, если сюда войдешь...»

Холо охваченный лавовый гам с шипением обрушивается в воду. Сначала, трещины в остывающей лавовой оболочке видны отстояния жаркая лавы: мостика она выгибается наружу и по узким трещинам в воде. Мощным испарением лавы охватывает затвердевшую лавовую поверхность потока. Даже на расстоянии пятидесяти — двадцати метров охватывает нутро потока пышет невыносимым жаром. Временами мы вынуждены на несколько минут отступить в кусты, чтобы избежать более прожаренного воздуха.

От головной части потока отделилась лавная тонна в две тонны и сорвалась в воду. Вокруг неё поднялся столб пара, вытолкнулся брызги кипящей воды.

— Осторожно! Убегай!

— Еще дальше! Бегут странные горы!

Пробиваемся сквозь кустарники как можно дальше от берега. Мы извернули рубящими о кусты, испарившей лаву на руках и на обожженных ногах. За нами раздава громоподобный удар, как будто одновременно открыли предохранительные клапаны в пыльном перегретом паровом котле. На сто метров вытолкнулся над берегами озера гейзер горячей воды и кипящей воды. Это обжигающий лавовый поток, от которого на наших лавках оторвались затвердевшие лавы, коснулись поверхности озера.

Сколько часов мы заблуждались гигантскую свистку двух стонящих и наклон, извивающихся от жары и серых испарений, была вынуждены вернуться к лодке. За время нашего отсутствия шестиметровый заливчик был сужен лавой до двух метров. Вокруг последнего угла мы бурлили, всасывая воду, прорываемся сквозь густую

Из Бугено и порабощенный лес выступил наш каракан.

страшного зловония, исходящего от разлагающихся у берега рыбы, и мы снова на воде.

На вселен мы проплыли совсем близко от километрового фронта лавы. Мостами вода под лодкой захлестает. Из нее вырываются пузыри сернистого газа. Мы уже настолько привыкли к газу, что почти не чувствуем его едкого запаха, но все же больше отталкивает вонючка. Мы постепенно снимаем рейфры паре, поднимаемся на берег.

Почти в пятидесяти метрах от главного фронта текущей лавы мы увидели маленький островок, образованный из развалин камней, достигшихся над водой озера. Между островком и материком свои неподвижные очертания берегом бурно хлопотала вода.

Несколько дней спустя мы снова увидели эти места с самолета. Залив между островком и главной частью лавового потока был уже весь залитым лавной массой. На месте озера осталась суша.

За несколько минут мы достигли берега. Достигли в последнюю минуту. П лодку свести за лавой асфальтом щеле стала промывать вода, так как асфальт растаял.

ПО САОНОВЫМ ТРОПИНКАМ

Из Бугено и порабощенный лес выступил длинный каракан. Впереди два высоких котра с большими ножами (мачете), за ними двенадцать носильщиков, которые должны были доставить как можно ближе к вулкану палатки, одежду, фотоаппараты, кинокамеры, запасы фотоматериалов и геодезические инструменты. За носильщиками следовали геолог Талей, наши белгийские друзья и, наконец, мы двое.

Первый час пути прошёл легко. Широкая по-

исходная тропа перешла в глубокую основную тропинку. Едва вынырнув из джунглейного леса, каракан встал в высокой траве. Ещё два часа шли по крутым скальным холмам, заросшим старыми банановыми деревьями, в котом по узкой верхней тропе через густой кустарник. Ногги, идущие впереди каравана, терпеливо, шаг за шагом вырубали дорогу. Немалые усилия стоили слоны и леопарды, но нам это не грозило никакой опасностью: змеи держались подальше от вулкана.

К концу дня под ногами стали воспринимать комья лавового пепла. Они часто достигали размеров кулака, но весили всего несколько граммов. Они крупнее, с бесчисленными пустотами, и крошатся при малейшем прикосновении. Мы находились ещё в трёх — четырёх километрах от вулкана, когда количество лавового пепла стало быстро увеличиваться. Он засыпал все основные тропы и окружающую растительность. Листья больших растений, лежащих на череповках, были покрыты падающим пеплом, а края прощала были обожжены. На многих листьях мы находили воткнувшиеся в них кусочки лавового пепла и шлака.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЕРВЫМ ДНЯМ ЗЕМАН

День складывался к вечеру, когда мы подошли к небольшому озеру между котрами. Как орудийные палки, грохотали первые газы. С места, где мы разбили лагерь, был виден весь вулкан. За короткое время от 2 марта лавы его основания выросли до тропинок тропы.

Мы были несколько разочарованы коротким покоем, пережившим у вулкана. Лавы, роковые зарева, страшились на облаке дыма и тонкого мягкого пепла, свидетельствовало о том, что кратер всё ещё из-

полюет жидкой, добела раскаленной лавой. Нирода над горячей вырывается скользящие глыбы. После каждого вырыва в небо поднимаются поднимающиеся тучи тепла и дыма набирая высоту, они разрастаются и принимают характерную грибовидную форму.

В десятое часу наш лагерь затих. Мы заснули после утомительного дня. Но уже в десять часов нас разбудил глухой гул. Похороше лагерь задрожал от сильного землетрясения. Небо заволокло кроваво-красным заревом. Ночную тьму прорезал огненный столб, вырывающийся из кратера, и огромные раскаленные глыбы разлетались вокруг. Некоторые из них скатывались по крутым склонам вулкана, остывая за собой огненный след искр. Камни еще светились, тусклым красным светом, когда вулкан разразился новым взрывом, за ним последовала другая. Интервалы между взрывами сокращались. Земля и воздух непрерывно сотрясались от чудовищных взрывов. Тысячи тонн лавы и раскаленные скалы вылетали ввысь. Огромные фонтаны искры достигли почти тысячи метров в высоту. Тяжелые куски лавы выбрасывались из кратера на четыреста метров вверх. Раскаленные горные породы, вылетая, принимали форму огненных шаров, кипятились в воздухе и светились кроваво-красным пламенем: слопы тепла и раскаленного камня заставляли на миг на головокружительной высоте, а затем тяжело падали на землю, торжась и каскадами новых огней.

Вершина вулкана в несколько мгновений была засыпана слоем добела раскаленных глыб, из них громоздились все новые и новые камни.

Вулкан рос на наших глазах. Тонны выходящей лавы с оглушительным грохотом падали на его склоны, и огромные глыбы катились вниз огненными клубками. Грозное неистовство стихии достигло предела. Небо и земля топились в кровавом зареве взрывов. Куски раскаленного камня светились ввысь в облаках. В этом ужасе смотрели мы на этот фантастический фейерверк. Перед нами, на наших глазах, рождалась новая гора.

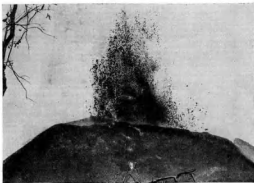
Нам явился образ рождающейся Земля, раскаленной, пустынной.

Долго мы не могли опомниться от ослепительного и потрясающего нас зрелища. Первая наша мысль была о кинокамере. И вот уже кадр за кадром на ленту ложится картины фантастической феерии. Почти непрерывно ослепляют красными вспышками блестящие шиферблаты часов, секундные стрелки которых отсчитывают время открытия и закрытия затвора объектива. Кадр за кадром, минута за минутой, час за часом...

Время перестало существовать...

Наскоки зарево над разъяренным вулканом начинает угасать. На востоке заливается утренний зар, рождался новый день. А у нас такое чувство, будто мы просыпаемся от страшного сна.

Аинь непрерывное грохотание вулкана, его блуждающие огни и чудовищные тучи, поленившиеся до стратосферы, убеждают нас в том, что все хотя и неправдоподобно, но бесспорная действительность. Вспрыг мы ощутили ледяной холод ночи. Но холодно только снами, а лицо нам пышет жаром выходящий вулкан.

Перед нами, на наших глазах, рождалась новая гора.

В ДВУХСТАХ МЕТРАХ ОТ ВУКАНА

Нам было известно, что дальнейшие возможности вулкана покрыты слоем лавы. Несмотря на это, мы хотели как можно ближе подобраться к нему днем, обследовать место первого извержения и сфотографировать кратер с той стороны, с которой до сих пор еще никто к нему не приближался.

Мы остались в лагере наверху и в большую часть залоса. Сильный ветер отбрасывал на запад тушь пепла и дымиле горение кучки шлака. Избегая их, мы обогнули восточный край кратера с севера, на ползотрех, что это принесло нам еще много неожиданных переживаний.

Оказалось, что завершающий драматический эпизод ждал нас вперед. Мы подошли, что вулканическая деятельность ослабела после неча непрерывных извержений. Но она продолжалась с неслабевшей силой, а во восточном, восточном, даже нарастала.

Вскоре мы опустились на возвышенности к востоку от вулкана. Остаток нам впервые открывался над на кратер, наклонившись на несколько десятков метров ниже нашей стоянки. Он извергал непрерывный поток лавы, дыма и шлака. Но места источника лавы нам не было видно: оно было на западном склоне вулкана.

Нам предстояло преодолеть самый трудный отрезок пути. Караван углубился в заросли первобытного леса. Прованники прорубали дорогу мечетями. Мы спотыкались о выветренные с корнями деревья, заросшие густым маком, на некоторые из них уже росли молодые, крепкие деревца. Мы продвигались через заросли, сваливаясь на влажные корни и прощались между свисающими лиан. У всех нас из многочисленных царапин струилась кровь.

Глухой гул вулкана нарастал, приближался, превращался в страшный грохот, заглушавший наши голоса. Наконец мы выбрались из леса, и нам открылась картина полного разрушения.

Мы стоим среди редких обгоревших лиственниц, увядающих в толстом слое пепла и шлака. Даже те деревья, которые спаслись от огня, обречены на гибель, потому что кора у них перелопачена острыми глыбами шлака, а корни до последней капли истощены страшным жаром, исходящим от потока лавы. Мертвый лес, над обожженными кронами которого бушует неутоляющаяся стихия...

От северного чада и резкого запаха серы всё сильнее шипит в носу. Последние десятки метров — вот мы стоим на месте первого извержения. Из отверстий, низших в затвердевшем лавовом поле, всё ещё падают столбы зеленого дыма. Край отверстий упираются обломки золотых серы, а вокруг них над тонким слоем горячего лавина застывает всё ещё жидкое озеро лавы.

Там старается переночевать грохот вулкана — Покоити или, пожалуй! Мы необходимо поближе осмотреть первый кратер! Там сера! Подержите меня за ногу!

— Да это безумие! Ты срываешься!
— Попробую. Мне нужны документальные данные для статьи!

Тамся спускается по наклонному краю трёхметровой воронки, из которой дымится режущий запах серы. Он настроивает объектив зеркального фотоаппарата, но вдруг аппарат замирает с шалом, а Таска обжигает руками схватился за глаза. В лаву ему ударил волна жёлто-розового дыма из кратера. И у нас жидёт глаза, гора, дымом, хочется выхватить. Мы перенесли Таску как можно дальше от кратера. Он задыхается, отчаянно ловит ртом воздух, сокращение глаз застывает.

На западе трёхсот метров от нас находится подножие вулкана, непрерывные взрывающиеся всё новые миллионы тонн магмы. Широкий поток лавы в первом дне извержения прорывается через первобытный лес прямо к ногу, окутывая с ним без конца доносится потрясающе темная вулкана. Мёртвые ворота будущего неба. Мы осторожно выскочили на застывший лаву более твёрдое место. Лавы внутри ещё расплавлено, но поверхность её на три километра, проламывая после первого извержения, осталась настолько, что можно пройти по ней сто метров до вершины вулкана. Из десятков мелких отверстий вокруг поднимаются облака серых паров, тонкие золотые серы рассыпаны от мельчайшего прикосновения. Носильщики остались в обгоревшем лесу: они побоялись приблизиться вместе с нами к тем местам, где, по их мнению, гнев Божий свет уничтожения, гибель и смерть.

Наконец перед нами открылся аркай гигантского извержения во всю свою страшную величественность. Мы стоим как ошелоенные. В двухстах метрах от нас выдвигается пылающая вершина вулкана, дыша в лицо коммунисским жаром. Огромный фонтан с оглушительным шумом падает на высоту до тысячи метров. Внизу, отстоит лёгкий шлак к западу. Тяжёлые каменистые глыбы в тысячи тонн выброшенной из кратера лавы падают обратно и на лету сталкиваются с новыми потоками лавы. Части, камней, падают, ударяются о склоны вулкана. Нас отделяет от него только чёрное озеро застывшей лавы, в котором видны два небольших кратера, а этот момент уже успокоившиеся и постепенно развивающиеся. Из трещины на поверхности лавы бьёт плазма, а с берегов пламенистых овраг продолжает падать столбом горящих деревьев.

Мы стоим лицом к лицу с новым вулканом, наблюдаем за рождением новой африканской горы.

Вулкан днём и ночью выбрасывает миллионы тонн лавы. Стоишь ты утвривает: сто миллионов кубических метров за обычные четыре недели.

На новой карте Великого Конго с западу от Нгаронго помечены на 23° 10' восточной долготы и 1° 25' южной широты несколько вулканических горизонталей, а в их центре отмечена высота с новым названием — Покоити. Там местные жители открыли новый вулкан с первых же дней его рождения.

Перевод с английского С. Родовой.

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

КТО СИЛЬНЕЕ

ПО МОТИВАМ ВЬЕТНАМСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Рисунки А. Крис.

— «Кого все боится, тот и слаб», — так говорили в древности. А раз так говорили, значит, так оно и было, потому что слово народа — не пузырь на воде. А теперь говорят иначе: «Не тот слаб, кто страшен, а...»

— А кто?

— Зачем перебиваешь? Зачем спешить?

Если мутную воду тронешь, она ещё темнее станет, а дай ей отстояться, сама очистится. Понял?

— Понял.

— Тогда слушай... Жил в джунглях тигр. Он был так силен, что, когда после дневного сна он потягивался, его жилы звенели, как тетива лука. И был он так страшен, что даже сукоя боялся треснуть у него под ногой, когда он пробирался через камни.

Тигр привык быть властелином зверей; ведь власть — это всего-навсего дурная привычка, апрочем, не более дурная, чем покорность. А зверя были настолько покорны, что сами приходили каждый вечер, чтобы господин тигр мог выслушать их прине-

ствия и выбрать себе ужин покорнее, не отправляясь на охоту.

Но вот однажды весной проснулся господин тигр в окружении своих преданных — лис, гиен и шакалов; известно, что лисы, гиены и шакалы всегда укрываются в тени всякого господина; им не страшны тигриньи когти, всю жизнь они едят падали, позвону даже мясо из детёнышей несъедобное. Так вот, проснулся тигр и говорит шакалу, который в это время держал хвост своего господина:

— Эй, шакал! Пошёл посмотри, кто из зверей самый жирный!

Шакал подождал хвост господина на мягкую подушку и вышел на белый свет. Смотрит шакал, нюхает шакал и думает: «Глазами ли смотрю, носом ли нюхаю?.. Никого не вижу, никого не чую». И вправду, не пришли звери!

Побежал шакал, бросился в ноги господину:

— О величество! Нет слов, чтобы выразить тебе мой... мою... Ну, нету слов!

— Любовь! — подсказала ему

гнева, которая расчесывала шерсть господина.

— Почтенье! — перебила лиса, которая чистила зубы и точила когти господина.

— Нет слов... выразить... гнев! — вспомнил наконец нужное слово шакал. — Звери не явились сегодня!

— Не явились?! — Тигр так разгневался, что, когда его в ту минуту нажом, из него не вытекло бы и капли крови. Разгневался тигр, но также почувствовал он страх: ведь вот люди без царя — всё люди, а что царь без людей?! И не человек даже.

Вскочил тигр из логова и увидел, что его ужи не явился к столу, а деромо разгуливает где-то в джунглях. Кривнула тигр сороке — ведь сорока всегда там, где есть что-нибудь интересное и куда её совсем не звали:

— Эй, сорока! Ты не знаешь...

— Я всё знаю! — отвечала сорока.

— Почему сегодня звери не пришли приветствовать своего господина?

— А зачем? — спросила сорока, и деромость её была ещё выше ветки, на которой она сидела. — Зачем? Чем больше его приветствовали, тем неприступнее он становился.

— Пусть ветер унесёт твои слова! — крикнул шакал. — Ведь десять лет звери приходили каждый день.

— Десять лет! Каждый день! Вот и подошло! — подмигнула сорока, снимаясь с ветки. И только улетая, она раскрыла секрет:

— В лесу новый повелитель — волшебная птица! Звери ушли слушать её.

Эта сорока, никогда она не утратит того, что знает, ничто кому бы она была интересна? Но она и не расскажет своих секретов сразу: тогда не интересно ей.

Не поверил тигр, что какая-то птица сильнее и страшнее его. Хотел он идти разгневаться зверей и птицу, но тут туча набежала на солнце. Ай-ай, как испугался тигр! «Вот она, волшебная птица! Это тень её крыльев!»

— Это всего лишь грозная туча, — почитительно сказал шакал.

Грелся гром, ударила молния. Зажмурился тигр:

— Это глаза её блестят так страшно! Это её голос!

— О господи! — шепнула лиса. — Это гром.

— И только молния, — добавила лиса.

Повеселел тигр: «Так это не она! Тогда берегись, волшебная птица! Потому что я страшнее низкой тучи, голос мой раскатистее грома, а мои глаза желтее молнии!»

Ринулся тигр по следу и вскоре видит: сидят все звери и кого-то слушают, да так, что не замечали у себя за спиной господина тигра.

— Кого они там слушают? — удивился тигр. — Неужели волшебная птица так мала, что её не видно за спиной мангусты?

А птица?.. Неведомо откуда залетела она в тот лес, а из того леса — и в нашу сказку. Только-только выдупилась у неё птица, и она села ему ласковую песенку, а звери, у которых тоже были малыши, слушали птицу, смеялись и плакали. Правда ли, что была она волшебной? Как звать? Известно только, что умела она петь, что пела она всегда веселой, когда даже кроткий олень, если тронуть его детёныша, начинал кусаться. И ещё известно, что была она мала и некрасива. Впрочем, разве можно судить о красоте с первого взгляда?

А между тем тигр уже подступил к птице, и, когда увидел, что она слаба и невелика, его рычание стало страшнее, чем голос просящегося жука:

— Так это ты, птица?

— Я.

— И это ты новый повелитель джунглей?

— Где жила я, там не было повелителей.

— И это ты сильнее тигра?

— Где жила я, там тигры уже не жили.

— Верно, ты была другой или то были другие тигры, не такие, как я!

Так закончил разговор господин тигр и задел свою грозную песню.

А о чём может петь тигр, если уж ему надумалось петь, а не просто съесть птичку, лавиющую его ужины? Конечно, тигр задел о своей силе, и востану страшна была его песня. Ударил тигр ладью и свалил большую вальму. От страха у правдорной лисы разом вылезла вся шерсть, и она убежала голая, старая из стыда.

И снова задел тигр: задел о том, что даже один его голос способен убивать и уничтожать. И он зарычал так сильно, что два больших бамбуковых дерева упали, а шакал, несущий хвост господина, от страха испустил дух.

Но тигр ещё не кончил своей песни.

Страшен удар его лапы, ещё ужаснее его рычание, но глаза его ещё страшнее и ужаснее.

Выскочили из его глаз две жёлтые молнии, три дерева упали, а гниена, оказавшаяся перед его глазами, обуглилась. Остался лишь запах от неё остался, и то ненадолго.

Ковни тигр свою песню, только разве это была песня! Так бы и в шёл, будь у него голос. А запела птица, и голубое спросил у своей горлины:

— Откуда она знает, что я люблю тебя?

Запела птица, и фазаночка, сидевшая на пнях, сказала:

— Что это под моим шевелится?

— Может быть, уже птенцы! — решил фазан.

— Не учи меня, птенцы вылупятся не раньше чем через неделю, — сказала она, а из-под её крыльев высунулись пуховые головки и восковые клювики.

— Уже! — обрадовался отец.

— Это песня согрела их, — догадалась мать.

Запела птица, и из-под земли показались побеги молодого бамбука. Шурина друг другу головками, запели юные деревца:

Песню услышав,
Мы вышли, мы вышли!
К свету спешим мы,
Всё выше, всё выше!
Слышится наш шёпот
Под сумраком млечным?
Шурина мы, шурина мы
Знаемцами листьев.

А зверя? Слушала она и дивилась: то ли действительно была песня птицы волшебной, то ли сами они, услышав её, обрели вдруг волшебную силу. Олень привёл к земле свои рога, а были они, как два ветвистых дерева; а рядом буйвол — крепкие копыта; а дикий кабан — его клыки вонзились в кору деревьев; и косорог — все они нащипали свои оружие на годовалного тигра. И слабые фазаны стали бить тигра крыльями по глазам, обезьяны рвали его рыжую шерсть и кидали в него толстыми орехами. Вот как отозвалась песня в живых сердцах, а не удивительно: ведь живое сердце и есть самое большое чудо на свете.

Отступил тигр. Хотя и был он сильнее каждого из зверей, но сильнее их всех вместе

он не был. Отступил тигр. Ведь песня всегда сильнее, чем рычание.

Так пришёл конец аллычеству господина тигра, а на этом и сказке нашей конец.

Но в сказке ещё не конец, а корень: сильней того, кого все боятся, но слаб он, если все его ненавидят.

Р. Куликов

ОБЕЗЬЯНЫ И МЕСЯЦ

ТИБЕТСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

В густом, дремучем лесу жилось когда-то большое стадо обезьян. Они весело проводили время, прыгая по веткам, шёлкая орехи и передразнивая друг друга.

Как-то ночью, когда обезьяны беззаботно резвились на деревьях, они вдруг увидели в лесном озере отражение месяца.

— Валяйте! — крикнула одна из обезьян. — Месяц упал в озеро! Надо его вытащить: мир не может оставаться без месяца!

Обезьяны ответили:

— Хорошо! Мы вытащим месяц из озера.

И они стали держать совет, как им спасти месяц. Одна обезьяна сказала:

— Мы должны устроить цепь. Достанем месяц из воды и повесим его снова на небо.

— Правильно! — закричали обезьяны.

Так они и сделали.

Одна из обезьян забралась на ветку большого дерева, склонившегося над озером, и повисла на ней. Вторая повисла тоже, зацепившись за её хвост. Третья зацепилась за хвост второй. И так, зацепившись одна за другую, обезьяны повисли цепью над водой.

Но ветка, за которую держалась первая обезьяна, не выдержала тяжести. Она стала наклоняться всё ниже и ниже, пока хвост последней обезьяны не коснулся воды. Поверхность озера заволновалась — и отражение месяца исчезло. А ветка с треском обломалась, и все обезьяны упали в воду.

Когда они, мокрые и испуганные, выбрались из озера и снова уселись, дрожа от холода, на деревьях, одна из обезьян посмотрела вверх и увидела месяц.

— Смотрите, друзья! — закричала она. — Месяц вернулся на своё место! Наверно, когда мы устроили цепь, он испугался, что его поймают, и вспенал обратно на небо.

От радости обезьяны забыли все неприятности ночного купания.

— Мы спасли мир! — рассказывали они всем с гордостью. — Только благодаря нам мир не остался без месяца!

Перевод и обработка М. Мансвель.

Рассказ Юрия Селезнева.

Рисунки Е. Водерикова.

В лесу, по тропинке, что вилась среди аккуратных ёлочек, брёл Паша Мочалов. Он был одет парадно: в новенькие чёрные брюки, белоснежную рубашку с красным галстуком. Почти совсем белые волосы его были подстрижены, приглажены и топорщились по привычке лишь в нескольких местах, однако лицо пашино, красное, в редких, но крупных веснушках, выглядело озабоченно, сумрачно.

Он брёл медленно, глядя пустыми глазами куда-то вверх перед собой, держа в руке за спиной аспланый тетрадный листок. Брёл и упрямо бормотал:

— Дорогие ребята! Мы, пионеры Рокновской неполной средней школы, рады.. рады.. это... Чёрт, забыл! Рады приветствовать вас в нашем родном колхозе. Мы уверены, что ваш приезд... ваш приезд... Обратил забыл!

Сегодня должно было произойти исключительное событие. Сегодня к рокновским школьникам должны были приехать в гости ребята из городского Дома пионеров, с которыми пашин отряд уже больше года вёл оживлённую переписку. Паше, как члену совета отряда, было поручено сказать гостям приветственную речь.

Вчера Паша до полуночи пытался на кухне, составляя текст своего приветствия, и очень, как говорится, переживал. То и дело он вылезал из-за стола и открывал дверь в горницу, где стучал косячками счетов его отец — колхозный бригадир.

— Пап! Какое тут слово поставить? «Дорогие ребята, мы очень рады..» ну вроде «поздороваться с вами», только не «поздорваться», а другое слово есть.

— Ну, нишис: «...рады приветствовать вас», — басил отец, не отрываясь от своих бумаг.

— Во! Приветствовать, — удовлетворённо повторил Паша и удалился, но через минуту его голова снова просовывалась в дверь.

— «Ваш приезд поможет нашей дружбе». Нескладно, да?

— Ну, нишис: «...поможет укрепить вашу дружбу».

— «Укрепить дружбу» — это складней. Только «поможет» нехорошо. Больно обыкновенно. В газетах по-другому пишется.

— Тогда валяй: «...будет способствовать укреплению нашей дружбы».

— Ага! Во! — Паша энергичным движением вскидывал большой палец и возвращался к столу.

Наконец приветствие было готово. Паша лёг спать на печку, где была его постель, но и тут не нашёл себе покоя. Поморочившись минут двадцать, он сполз в потёмках на пол и снова открыл дверь в горницу, где тоже было темно.

— Пап! Спишь?

— Ну, что тебе?

— Как лучше: по бумажкам читать или выучить?

— Спи давай! Первый час уже!

— Лучше выучу. А то вдруг они без бумажек, а я — по писаному. Потом, гляди, сменится будит.

То ли от волнения, то ли оттого, что он не выспался, зубрёжка плохо давалась Паше. С шести часов утра он слонялся по двору и бубнил слова приветствия. Когда проснулись его младшие сестрёнки и стали ему мешать своими криками и беготнёй, он удалился в лес. На душе у Паши становилось всё тревожней. Оставался какой-нибудь час до приезда гостей, а приветствие всё ещё не было выучено.

Бормоча, часто останавливаясь, чтобы при-

помнить забытую фразу, иногда коровато, красным глазом взглядывая на текст и снова вращая его за спинку. Паша дошёл до узкой речки, через которую был перекинут пешеходный мостик. С края от мостика тянулся небольшой пляж, покрытый мелким чистым песком. Будущий оратор решил покусаться, чтобы освежить утомлённую голову. Сойдя на пляж, он разделся, аккуратно повесил рубашку в брызги на ракетный куст и бросился в воду. Тут сразу послышались автомобильный гул и многоголосое пение. Паша чуть не захлебнулся от испуга, подумав, что это уже едут со станции гости. Но, взглянув туда, где виднелся френчватый мост, он успокоился: это были колхозники, ехавшие на машине, гружённой сеном.

Выбравшись на пляж, Паша, не одеваясь, достал из штанов листочек с текстом и продолжал свои занятия, но уже по другому методу. Вместо того, чтобы тихо бубнить себе под нос, он оглашуся, убедился, что вокруг нет ни души, и, размахивая руками, заговорил быстро, громко, с воодушевлением, так, словно его слушали человек двести:

— Дорогие ребята! Мы, пиныры Раконской неполной средней школы, рады приветствовать вас в нашем родном колхозе. Мы уверены, что наш приезд будет способствовать укреплению дружбы, которая завязалась у нас благодаря переписке. Дорогие ребята! Мы с интересом читали ваши письма

и радовались, что у вас... и радовались поэтому... — Паша сбился, умолк и сердито уставился на противоположный берег реки, поднимавшийся над водой немыслим обрывом.

Там почти вплотную к обрыву жёлтой стеной подступила спелая роза. По тропинке, скрытой во ржи, кто-то шёл. Сначала среди колосьев мелькала лишь серая кепка, потом показались голова, потом — голые загорелые плечи.

— Несёт медвяка, — проворчал Паша. Он сел на песок, положил текст на колени и продолжал зубрить уже вполголоса.

Путник вышел из хлебов. Это был мальчишка примерно тех же лет, что и Паша. Он шёл в одних трусах, неся подмышкой большой продолговатый предмет, завернутый в газету да ещё в середине обмотанный какой-то белой тканью. Перейдя через мостик, он остановился, в раздумье почесывая нос.

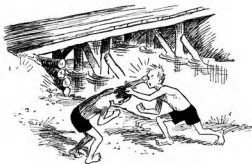
Паша пошевелил на него.

— Ещё аунаться надумает. Занимайся тут! — шепнул он сам себе.

И тут же мальчишка спустился на пляж и направился прямо к Паше. Метрах в двух от оратора он бережно положил свёрток на песок, сбросил кепку, снял сандали и пощипал себя ладонями по груди.

— Тёплая вода? — спросил он громко.

Вместо ответа Паша уставился глазами в

листом с приветствием и усалежно зашевелил губами.

Мальчишка посмотрел на него с высокомерным недоумением и вздёрнул короткий нос.

— Эй! Тёплая вода? — повторял он ещё громче.

Паша и теперь не ответил.

— Ты что, глухой, да?

— Ну и глухой! А тебе что? — проворчал оратор.

— Жалко ответить, да?

Паша медленно повернул к мальчишке голову.

— А вот и жалко. Ну?

— Баранки гну. Виноват, простите, пожалуйста! Я не знал, что тут такой важный барин сидит. Я думал, здесь обыкновенный человек, а тут такая персона, что прямо ужас!

— Давай катись отсюда. — негромко сказал Паша, пристально глядя на мальчишку. Тот убрал кулаками в бока.

— Что, что? Это откуда такое «катись»?

Паша медленно поднялся.

— Давай катись, говорю, с плеча, пока цел!

— А ты его купил, плиж? Да? Купил?

— А вот как дам по шее, тогда будешь знать «купил»!

— Ты? Мисс! — Мальчишка заулыбался и приблизился к Паше. — А хочешь похвастаться заработком, хочешь?

Паша сделал шаг назад, зажёб пальцами босой ноги песок и, вскинув ногу, очень удачно метнул добрую горсть его прямо в рот мальчишки. Секунды три тот постоял, отплевываясь, затем в молчании ринулся на Пашу. Бац! На правого глаза оратора посыпались искры. Хлоп! И губы его стали солёными. Ошурев от ярости, оратор выплился в противника, швыкнувшись вместе с ним на свёрток, принесённый мальчишкой, стукнул того несколько раз и, вскочив, отбежал в сторону, ожидая новой атаки.

Но её не последовало. Мальчишка вдруг словно забыл о Паше. Он сол, растерянно осыпая песок, потом пошарил вокруг себя руками, нащупал свёрток, на котором сидел, и ёрзнул в сторону так быстро, словно там была галочка. В следующий момент лицо его покраснело и скривилось.

— Вот отвечай теперь! Отвечай! Вот отвечай! — закричал он, тыча пальцем в сторону Пашы.

С расщеплённой губы оратора струйкой бежала по подбородку кровь, под самым глазом набухал здоровенный синяк.

— Что? — спросил он машинально.

— Вот теперь будешь отвечать, будешь! Теперь отвечай! — сердито плакал мальчишка.

— «Отвечай, отвечай!»! — передразнивал Пашка. — Сам меня во как раскорешил, а я отвечаю?

— И отвечай! Мы рожиновским ребётам скажем, тебя всё равно найдут! Они тебе покажут!

При упоминании о рожиновских ребётах Паша насторожилась.

— Рожиновские? А чего они мне сделают, рожиновские?

— А того! Гляди, что наделал! — Присев на корточки перед сложенным свёртком, мальчишка снял с него белую ткань, которая оказалась рубашкой. При этом из неё выпал пионерский галстук. Мальчишка развернул галстук, в глаза представилась кучка сломанных палочек и клочков покрытой серебристым лаком бумаги. Среди них поблескивал бензиновый моторчик и краснела лопасть пропеллера.

— На, смотри! — снова в голос заревел мальчишка. — Шесть человек над ней месяц работали! Теперь увидишь! Теперь тебе рожиновские покажут, как модели ломать да живых гостей бить!

— Ка-а... каких гостей? — переспросил Паша внезапно упавшим голосом.

— Таких! Из городского Дома пионеров. У Пашы подогнулись колени, и он опустился на песок. Чужость у него онемела, он уставился на мальчишку таким взглядом, что тот даже вскрикивать перестал. Так прошло с полминуты. Паша вдруг замолот глотком.

— Врёшь! — пропелтал он хрипло. — Их пятнадцать человек. Они на автобусе... Они по большому мосту должны... Не! Врёшь ты всё!

— А вот и не на автобусе! Мы пеший переход решили от станции сделать. Ребята на привал остановились, а меня вперёд послали, чтобы в модель успел собрать. Чтобы рожиновским ребятам её на занейке преподнести.

Паша помолчал, размазывая кровь на подбородке тыльной стороной ладони, потом на коленях подполз к мальчишке.

— Слушай... это... Постой! Ты кто будешь? — спросил он чуть слышно.

— Ну, староста анимационного кружка, а тебе что?

— Мне-то? — попрежнему очень тихо сказал Паша. — Тебя, стало быть, Юрием зовут, Самохваловым, а я Паша Момалин, в совете отряда который... Я здесь приветствие нам учил. Вот, гляди! — Подняв с песка свой листок, Паша протянул его мальчишке.

Стоя на коленях, тот пробежал несколько строк, потом рука его, держащая бумажку, бессильно опусталась. С минуту общественные деятели стояли на коленях, туго глядя друг на друга. Наконец староста анимационных листов тихо сказал:

— Что же это мы с тобой наделали?

— Вот я ж про то и говорю: что мы наделали?

Мальчишка ещё помолчал, потом Юра поднялся и стал натягивать на себя рубашку.

— Вот! — вздохнул он. — Придётся зайцем теперь добираться.

— Куда добираться? — спросил Паша.

— До города, вот куда. Все деньги у жокаго. У меня даже карманы нет.

Громко соня, готовый снова распахнуться, Юра стал завязывать галстук.

— А ребята как? Они тебя искать будут... заметил Паша.

— Ну и пусть ищут! — сквозь слёзы воскликнул Юра. — А как я пойду к этим самым рожиновцам, когда в изюмного совета отряда так разделал. Ты-то себя не видишь, а на тебя смотреть страшно.

Паша тоже стал одеваться.

— Юр! — вдруг сказал он. — А мы, знаешь чего? Мы давай скажем, будто на тебя какие-то хулиганы напали и сломали модель, а я тебя выручить хотел, и это она меня так, Ладно?

— Безнадёжно! — вздохнул староста.

— Чего безнадёжно?

— Лицо у меня такое проклятое. Сколько раз пытался протёр всё равно по нему узнают. — Он поднял

с земли обломок фокселяка с моторчиком и проделлером. — Провода меня немножко, а?

— Ладно. Умоюсь вот.

Паша обмыл речной водой разбитые губы, и новые друзья двинулись с пляжа.

— Юр! А из-за чего мы подрались-то? Ты хоть помнишь?

— Из-за характера моего дурацкого. Вот... вот... вот, ну всё бы отдал, чтобы чёртов характер свой переменить! Ну что мне стоило поперуцаться да отойти! Дурак!

— Вот и у меня... У меня ещё хуже характер. У меня совсем нет этой самой... сдержанности. Мне отец так и говорит: «Тебе с людьми трудно будет жить!» Ну что мне стоило? Ты бы меня спросил: «Тёплая вода?» А я бы тебе ответил: «Да, тёплая, только, будь такой любезный, отойди, пожалуйста, в сторону, я тут занимаюсь». Ты бы не отойшёл? Конечно, отойшёл бы, когда вежливо. Правда?

Дойдя до середины мостика, Юра приостановился.

— Мы давай берегом пойдём. По дороге не надо идти, а то там наших ребят можем встретить...

Он не договорил, потому что где-то совсем рядом гремел барабан и не очень мелодично заревел гора. Из-за высинок дзёбов вышли попарно десятка полтора мальчишек и девочек в белых рубашках с красными галстуками и стали спускаться к мостику, где в ужасе оцепенели староста с оратором.

— Вот Юрка ещё здесь! — Пионеры остановились на мостике, сбившись в кучу перед двумя мальчишками. — Ты что тут делаешь?

Ты дороги не нашёл? А это кто?

— Это? — Юра оглянулся на Пашу. — Это так... Это, ну просто. Это вообще, — пролетелал он.

Пытавшая нар- глаз усталилась на Пашу. Все молчали. И, не в силах вынести этих взглядов, этого молчания, Паша облинул разбитую губу, выткнул руки по швам и, сам не зная, зачем, заговорал громким, отчаянным, срывающимся голосом:

— Дорогие ребята! Мы, пионеры Рожиновской школы, рады приветствовать... рады приветствовать вас в нашем родном колхозе... Мы... Дружба... будет способствовать... Потому что уверены... потому что мы...

Пионеры слушали очень внимательно, поглядывая то на замигавший глаз оратора, то на обломок серебряной модели в руке у Юры.

Н А Ш А

П О Ч Т А

Зима — самое таинственное время года. Снег, морозы, карнавалы, красавицы и другие волшебные птицы. Ведь зимой не труднее всего добывать корм: все насекомые и личинки замерзли под кору деревьев, забралась в шель, спряталась в глубоком кочкаре. Вот почему у птиц приходится в поисках корма.

В нашем орнитологическом кружке все ребята любят наблюдать за зимней птицей.

Один раз к нам в доушину попалась белая свица, очень похожая на обыкновенную свицу-лазоревку. Руфим Зайнутдинов, староста нашего кружка, взял её в свои руки, чтобы понаблюдать.

В природе зимней белая свица постоянно можно услышать

На зимних квартирах

на берёзах. Присмотревшись внимательно, мы заметили, как они долго терзают серёжки берёзы и что-то с аппетитом едят. Сначала мы были уверены, что синицы, как чечётки, чирикают и каркают, но потом, когда заметили, как они питаются семенами берёзы.

Руфим заметил, что эта свица только расщепляет серёжки берёзы, а есть не спешит, а вытряхивает на стержень серёжки. Мы рассмотрели птичку. Оказалось, что это личинка малютки мушкетера, заключённая в крепкое оболочку. Этой личинке не страшен никакой мороз, так как их защищает оболочка, плотный слой слизи и кожные серёжки.

После этого мы заинтересовались: где ещё встречаются личинки вредных насекомых. Ответ на наш вопрос решили искать у птиц. В один прекрасный день мы отправились в парк. Когда при-

шли на фруктовый садик, увидели много желтобрюхих карликов, самой маленькой птицы в нашей стране. Мы страшно удивились, когда увидели, что карлики сидят на колотых репейниках и кормятся в самой её середине. Не может же быть, чтобы эта крошечная птичка расщепляла своим тонким клювом крепкие семена репейника! Но оказалось, что в средине семян репейника прячутся личинки насекомых. Нам удалось определить, что это личинки мушкетера.

Мы присмотрели и узнали, что такая личинка есть почти во всех колотых репейниках, а личинки мушкетера — во всех серёжках берёзы.

Так наблюдая в природе, мы могли узнать много нового и много птиц и насекомых.

Али Пиримов,
член орнитологического кружка школы № 38, г. Алма-Ата.

З и м а

Снежок кружится в воздухе,
Садится на пальто.
Морозными узорами
Покроет всё окно.

Сидит на подоконнике
Озябший воробей,
В окно он смотрит, думает,
Что в комнате теплой,

А в нём хотел по воздуху
Воробышком летать,
Зиму красу приветствовать,
С снежинками играть.

Лили Гольдберг,
ученик 4-го класса,
Литературный кружок
Красноярского
дома пионеров г. Москвы.

Пионерские посты

У нас в посёлке есть клуб. Там бывают концерты, лекции, концертинки. Ребята, конечно, всегда первыми приходят в клуб.

Но было у нас так: собрались ребята и начинают шуметь, кричать, ругаться, совсем кричать. Картина или лекция начнётся, а разговоры всё не смолкают. Тётя Нюра, заведующая клубом, выполняет хулиганов на сцене, а они сопротивляются, ещё больше шумят и всем мешают.

Зашёл у нас как-то об этом разговор на собрании. И мы придумали организовать пионерские посты-дружества на досках скамеек.

Мы договорились первыми. Помогали всем найти свой ряд и место. Но все пришёл самый большой озорник. Он посмотрел на нас с презрением, сел на чужое место и начал щёлкать семечками. Мы сделали ему замечание — он не послушался. Пришлось доложить тётю Нюре. Она принесла ведро и сказала: «Колё, вымыть за собой мусор». Колё не хотелась подметать, но принялась.

В другой раз он всё себя уже лучше. Делушные замечания, что Колё сделал замечание перескочившим, которые слишком расшалились. Потом он остановил мальчика, который чертил карандашом на спинке стула. Мы были очень довольны и попросили тётю Нюру назначить Колё делушным.

Людя Иванов, Юра Осипов,
ученики Горько-Павловской школы,
Московская область.

Настоящие товарищи

Валя Расуллина, ученица 5-го класса нашей школы, стала пропускать уроки, получила двойку по арифметике, потом по русскому языку. Ребята замечают: что случилось? Оказалось, что у Вали болела мать и ей сейчас приходится выполнять всю домашнюю работу.

Пионеры решили помочь Вале. Каждое утро она стала приходить к подруге и помогать ей по необходимости. А один раз — это было

осенью — на остров к Расуллинам принёз гризу весь остров. Работали дружно, и через несколько часов вся картонка была выкопана и убрана.

Теперь Валя уже не пропускает уроков и много читает.

В. Курдюкова,
старшая пионервожатая
Подольской средней школы,
Хомутовский район, Курская область.

На Малом полуострове, за Полярным кругом, у северной-полюс горной озера Белой Вуджар, стоит северный город Нарвик. Там зимой совсем не встаёт солнце, а в летнюю пору оно и днём и ночью кружит по небу.

Юра Кузнецов и Вера Баранова — жители этого города. Они учатся в школе, а вечером ходят в Дом пионеров и занимаются художественной резьбой по дереву.

Видите, как хорошо вырезал Юра оленя упряжку. И олень и оленёнок такие, который поворачивает на, совсем как живые. Юра, конечно, не раз видел быстрых оленей упряжки нарвцев (аляков), давних обитателей Малого полуострова. Сейчас и сейчас живут в Кольском пудре по берегам озер и рек.

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

Была ли Атлантида?

Здравствуйте, дорогая редакция!

Совсем недавно прочитали мы «Амиту» Толстого. Очень интересная книга! В «Амиту» упоминается об Атлантиде. Мы этим заинтересовались и решили спросить вас ответить на наш вопрос: правда ли, что раньше существовала материя Атлантида? Или это красивая выдумка, легенда?

*Сергей Новельский, Игорь Орлов, Дана Софиа,
ученики 7-го класса, г. Tallinn.*

Древнегреческий учёный и философ Платон много путешествовал, и обо всем, что он увидел и услышал, он написал в своих многочисленных книгах. В одном из своих сочинений учёный пересказал древнюю легенду об Атлантиде — огромном острове или даже материке, который однажды, очень давно, после землетрясения опустился в море. Атлантида, по преданию, была населена могущественными и высокими людьми — атлантами.

Что же могло послужить поводом для этой легенды?

На память человечеству не раз приходили катастрофы и стихийные бедствия: опустошалась суша в море, рондилось новые острова, возникали вулканы. Платону можно предположить, что и Атлантида, о которой рассказывается в древней легенде, тоже могла исчезнуть.

Платон так подробно описал остров Атлантиду, что многие поверили в её существование и стали

искать затонувшую Атлантиду. Одни искали Атлантиду в Средиземном море и острове Сицилия и Нептр приехали за её обломки, другие считали, что Атлантида была в Атлантическом океане, а кое-кто утверждал, что Америка и есть Атлантида.

Пока что Атлантиду не удалось найти.

Но поиски Атлантиды продолжаются. Некоторые советские географы и геологи считают думать, что в очень давнее геологическое время действительно существовала огромная материя в северном Атлантическом океане, прерывавший тёплым течением, стремившемся к югу на север. После того, как этот материк опустился на дно океана, началось потепление, которое и заставило растаять весь лёд на вершинах, материке. Так они объясняют конец великого оледенения.

*В. Веклович,
действительный член
Географического общества СССР.*

Знатные гуси

Дорогая редакция!

Я много раз слышала поговору: «Наши гуси Рим спасали». Объясните, пожалуйста: откуда взялась эта поговорка?

*Наталья Герман,
г. Киев.*

Поведению, ты, Наталья, слышала в виду поговору: «Наши предки Рим спасали». Эту поговору ты действительно могла часто слышать. Потому что от басин Крылова «Гуси», а Крылов для этой басин использовал предание, по которому гуси, жившие в дельте Рима, своим тревожным криком предупреждали римлян о приближении полчищ, голого и злого спуска город от вторжения врага.

Крылов в басин пишет о гуси, которые спасли себя потопками прославленных заслуженных римских гусей и наказать на то, что крестьянки из них будто бы простых гусей гонимы.

Услышав жалобы гусей, римлянин обрадовался и был с вопросом.

«А вы хотели быть за что отпущены?»

Спросил проселок их: «Да наши предки...»

«Знаю,

И все читал: не ведать в милой,
Вы сколько помолы привели!»

«Да наши предки Рим спасали» —
«Вот так, да вы что сделали гуси?» —
«Мы! Нептр!» — «Ам что ж и доброго в вас есть?»
Оставил предков вы в покое.

Их поделом была и часть.

А вы, друзья, лишь гуси на маршом.

Крылов написал басин, которые являются

своими знатными предками.

Фразе из крыловской басин превратилась в поговору и живёт до сего дня. Но сейчас люди уже арестованы и дворня, слышавшие ты. Да, не гуси есть. Не приходилось им тебе встретить ребят, которые являются заслуженными своим родителями — героями, изобретателями, учёными, поэты — и замечают, как будто они стали от него лучше друзья! Как ты думаешь, не поговорили ли такие замечания на гусей из басин Крылова?

Е. Владимировна

Работа остановлена у нарушенного станка.

ДРУЖБА

Игорь Голоцкий

Первое знакомство

На экскурсию на электромеханический завод пришел почти весь седьмой «А» класс. В цехе было шумно. Пронзительно визжали резы, гудели моторы станков, то и дело раздавались резкие сигналы подъемного крана, который скользил по рельсам высоко над потолком.

Сперва ребята робко жались друг к другу, потом немного освоились. С любопытством осматривали они большие и непонятные машины.

Эльдар Сулейманов и Рамис Казимов остановились возле тисков, где работали слесари.

Девочка маленького роста со светлыми косичками, Рая Незабыкина, отстав от под-

руг, долго стояла возле электромонтера, неслого выхристого паренька. Открыв крышку станка, он что-то отыскивал и перекручивал в сложном лабиринте разноцветных проводов.

— Отойди, а то замыкание будет! — нехота изгннув из Рая, сказал паренек.

Рая поняла, что он шутит, и немного обиделась:

— Что я, маленький? Я в электричество тоже разбираюсь!

Валерик Павленко уже в третий раз со всех сторон осматривал токарный станок.

— За сколько минут вы обработаете деталь? А эта рукоятка как называется? — расспрашивал он девушку в комбинезоне. — А пока станок сам работает, отойти можно? Ручки очень острые!

Вдруг загудел гудок. Потом сразу стало тихо.

— Работа, идите сюда! — послышалось голос Бориса Федоровича.

Рядом с учителем стояли незнакомые люди в синих халатах. Один из них, пожилой, с добрыми, окруженными морщинками глазами, сказал:

— Давайте познакомимся. Я главный инженер завода. Зовут меня Владимир Наумович Ефремов. Сегодня вы пришли к нам в первый раз. Вот, наверное, кажется вам необычным: цехи, станки, шум... А нам хотелось бы, чтобы вы знали и любили наш завод так же, как свою школу, чтобы вы могли не только отличить токарный станок от фрезерного, но и работать на них умели. Мы хотим организовать в нашей школе механический кружок. Попросим наших лучших токарей, слесарей и столяров приходить к нам в школу и вести занятия в кружках. Кто-нибудь из вас, может быть, уже решил, какую специальность ему хотелось бы изучать в кружке?

— Я слесарем хочу быть, — сказал Эльдар.

— А токарный станок нам тоже нравится? — спросил Валерик.

— Можно мне учиться на электромонтера? — спросила Рая.

— Электротехнику тебе, пожалуй, еще рано будет изучать! — сказал главный инженер. — Вот подрастешь немного — тогда!

— Ну, а познакомиться можно? — настаивала Рая.

Инженер улыбнулся.

— Но я уже кое-что умею! — уверенно продолжала девочка. — Могу выточить платку или ушко... Можно мне приходить на завод, в электроцех?

— Ну, раз ты такая упрямая, приходи. Обратись к инженеру Ивану Азиеву. Он найдёт для тебя какое-нибудь дело.

«Я рабочий»

В одном из классов сделали цементный пол, вдоль стен поставили маленькие шкафчики и столы, обитые жестью. С завода привезли десять новых, сверкающих станков, верстаки для слесарей, тиски для слесарей, моток медной проволоки, несколько стальных балканов, коробку с клеем, гвозди. Школьники с любопытством заглядывали в мастерскую, осторожно трогали руками станки. Валерик Павленко со знакомым видом объяснял:

— Это вот токарный, а это — шлифовальный, а там...

В кружок сразу записался почти весь седьмой «А».

Организовали три группы: токарную, слесарную и слесарную. Раньше всех приступила к занятиям слесарная группа. Ребята работали с увлечением, несмотря на то, что инструктор по слесарному делу Василий Иванович Кириллов оказался на редкость придирчивым человеком. И самое удивительное, что главным он, казалось, считал не то, как ребята работали у тисков, а то, как они одеваются, как вытирают пыль и подметают пол.

«Застегни пуговицу!», «Положи валик на место!», «Протри станок тряпкой!», «Не бросай стружку на пол!» — то и дело говорил он.

Почти у всех, кто занимался в кружке, руки покрылись царапинами, а кожа была чёрной от въевшейся в неё металлической пыли. Эта грязь на руках, которая плохо отмывалась, стала как бы отличительным признаком будущих слесарей. Ребята даже стали гордиться своими грязными руками и, выходя из мастерской, нарочно не мыли их.

Однажды на уроке математики Борис Фёдорович обратил внимание на то, что тетрадка у Валерия вся в пятнах, а его руки совершенно чёрные от грязи.

— Ты что, не умиваешься, что ли? — удивился учитель.

— Не смывается. Это от металла! — с явной гордостью ответил Павленко.

— Надо отмыть!

— Мы работаем, — упрямое возразил Валерий. — У нас и руки стали, как у настоящих рабочих. Мы же не парикмахеры какие-нибудь, а слесари и токари!

— Попробуй! — сказал Борис Фёдо-

вич. — Что ж, будем пока продолжать урок. А руки ты всё-таки пойдёшь помыть.

Прошло несколько дней.

Войдя в мастерскую, Василий Иванович сказал:

— Сегодня идём на завод.

Кириллов привёл своих учеников в раздевалку. Только что окончилась смена. В раздевалке у каждого рабочего был свой шкафчик, куда он вешал одежду, в которой пришёл из дому. Окончив смену, рабочие мылись под душем и снова переодевались.

Потом ребята прошли в инструментальный цех. Рабочие готовились к началу смены.

Каждый из слесарей надевал нарукавники, потом аккуратно раскладывал на столе свои инструменты, протирал тряпкой тиски.

Ребята переглядывались, Валерий слегка покраснел. Все уже догадывались, зачем Василий Иванович привёл их сюда.

Мастер показал ребятам и электросвечи. Пол там блестящий, на столах не было ни пылинок, и монтеры работали в балахах, как лаборанты.

— Грязные руки — не асста «рабочие руки», — сказал Василий Иванович. — Не в этом гордость рабочего человека.

Так начинается дружба

Эльдар Сулейманов и Рамис Кязимов сидели на одной парте, но они не были друзьями. Каждый асста хотел быть первым. Из-за этого они часто ссорились. Случилось так, что и в мастерской Эльдар и Рамис оказались соседями.

Но друзьями мальчики не стали в асста. Стоило Рамису хорошо отточить угольник или планку, как у Эльдара портилось настроение. Для физического кабинета понадобился паровой котёл. Алексей Михайлович Тарновский, руководитель межклассного кружка, поручил эту работу Эльдару и Рамису.

Задание было довольно сложное. Нужно было взять лист жести, перенести на него с эскиза чертёж и вырезать по линиям. Эльдар быстро сделал расчёты и взялся за ножницы. А Рамис стоял, потупившись. Он не любил черчение и сейчас никак не мог сообразить, как это делается и с чего надо начать.

— Сулейманов, помоги Рамису, — сказал Тарновский.

— Вот ещё! — фыркнул Эльдар, а Рамис с обидой крикнул:

— Не больше надо, я не нуждаюсь!

Алексей Михайлович внимательно посмотрел на них, но промолчал.

А через несколько дней, когда ребята осматривали на заводе карусельные станки, Тарновский спросил у одного из рабочих:

— Расскажите о нашем соревновании с карусельщиком Эйбатом Асмановым.

— Обогнал меня Эйбат! — улыбнулся станочник. — Несколько дней назад я ему рассказал о своём новом приспособлении. Это приспособление позволяет упростить обработку деталей. Дал ему чертёж, все расчёты... Теперь Асманов норму на двести процентов выполняет!

— Так зачем же вы ему рассказывали? — не утерпел Рамис.

— Чужой человек, мы же соревновались! Ты вообще-то понимаешь, что такое социалистическое соревнование? — удивился карусельщик. — Я ему помогаю, а он мне! И мы оба работаем лучше. А разве ты на моём месте только бы о себе заботился? Нет, брат, рабочие люди так не поступают!

Рамис хмуро посмотрел на Эльдара. Оба вдруг покраснели.

Когда ребята вернулись в мастерскую, Алексей Михайлович сказал Сулейманову:

— Я советую тебе вызвать Рамиса на со-

циалистическое соревнование. Кстати, мы все посмотрим, кто из нас лучший слесарь.

— Пожалуйте! — сказал Эльдар. — Я готов. Всё равно никакого слесаря из Казимовки не выйдет!

— Это мы ещё посмотрим! — всматривался Рамис.

Тарновский дал ребятам сложное задание: Рамису поручил вырезать металлическую пятиконечную звезду, а Эльдару — смонтировать переключательный рубильник для школьных футбольных команд. Мальчики с азартом принялись за дело. Но через несколько дней работа у них застопорилась. Рамис никак не мог добиться, чтобы грани у звезды были ровными. У Эльдара не получалась крышка рубильника; напильником он владел хуже, чем Рамис...

— Ну что же, Эльдар, — сказал Тарновский. — Рамис ты не поможешь Рамису сделать рубильник?

— Я сам справлюсь! — буркнул Рамис. — А рубильник, если он может, я могу выточить. Давай, я выточу рубильник! — обратился он к Эльдару.

Через несколько минут они дружно салютовали над тисками. В этом соревновании победителями оказались оба!

Настойчивость

Рая Незайкина воспользовалась разрешением главного инженера и пришла на завод. Инженер Алексей поручил ей сделать обмотку якоря для электромотора. Это была однообразная и скучная работа. Рая наматывала провод на катушку, стараясь, чтобы витки ложились ровно и тесно друг к другу. Прошёл час, другой. У девочки заболели пальцы. Не вытерпев, она обратилась к инженеру:

— Можно, я буду делать что-нибудь другое?

— Не закончила этого? — удивился Инженер. — Нет, так нельзя.

Рая стало стыдно; пересилив себя, она взялась за провод. Три вечера работала она. Ей уже смотреть не хотелось на этот якорь! Но инженер, подёрган провод, с сожалением сказал:

— Знаешь, придётся переделывать. Брак!

Рая чуть не заплакала. «Это он нарочно!» — подумала она и ушла из цеха. Но на другой день снова взялась за работу...

В механическом цехе испортился подъёмный кран. Инженер взял чемоданчик с инструментами и сказал:

— Рая, хочешь пойти со мной?

Задание выполнить довольно сложным.

— Дай и помощи тебе выточить крышку, — сказал Рамес.

Они залезли под крышу. Сверху станки казались небольшими коробочками. Надев резиновые перчатки, Алиев стал осматривать провод, тянувшийся вдоль стены. Закончился обеденный перерыв, стемнело, а он всё продолжал поиски.

Случайно подняв голову и увидев девочку, он испуганно сказал:

— Ты ещё тут? Ида, ида скорей домой, я сам управлюсь!

Но разве Рая могла уйти, бросив товарища?!

— Я не устала, — сказала она.

У Рая затекли руки и ноги. «Вот это упорство!» — с уважением думала она об инженерере. Она пробывала на крыше до позднего вечера. Неисправность была устранена. И когда мотор заработал, Рая почувствовала себя счастливой.

Выставка

Недавно, придя в 157-ю школу города Баку, я увидел в коридоре большой витр, обтянутый красной материей. К нему были прикреплены красивый кубок, большая металлическая звезда, якорь для электромотора и много разных мелких вещей: дверные петли, оконные задвижки, ведро, совок для мусора, ключи, лопатка. Под каждым предметом была табличка. Из этих табличек узнаешь, что звезду и кубок сделали вместе

Рамес Кязимов и Эльдар Сулейманов, якорь собрал Рая Немайкина, а дверные петли и оконные задвижки выточила Юля Алавердова.

Мне захотелось узнать, как научились всему этому ребята. И я зашёл в механическую мастерскую. Первое, что бросалось в глаза, была чистота. Тщательно вымытый пол блестел, на верстаках не было ни пылинки! Ребята сосредоточенно трудились у станков и тисков. Во всей обстановке чувствовалась стиль настоящего производства.

Здесь я познакомился с Алексеем Михайловичем Тарновским и Василием Ивановичем Кирилловым. Стал расспрашивать о работе кружка, о ребятах.

— В двух словах об этом не расскажешь! — сказал Алексей Михайлович. — Выставку нашу видели? Забор вокруг школы тоже ребята сделали. Всё школьное имущество: парты, классные доски, наглядные пособия — сама ремонтируют. Игрушки маленьким подшефного детского сада делают... А вы поживите в нашем городе, познакомьтесь с ребятами, с инструкторами, приходите на наш завод... Тогда вам, может быть, всё станет ясно!

Я послушался этого совета. И вот теперь записал всё, что увидел, о чём мне рассказывали ребята и их старшие друзья — рабочие электромеханического завода.

Город Баку.

Книга о большой жизни

Жил на свете любознательный, изумительный мальчик Алина Крылов. Много лет назад в Севастополе он увидел море и навсегда полюбил его. Когда пришла пора серьёзной учёбы, он так же горячо полюбил математику, померил в её силу и весну, где мог, пробовал приложить знания математики к другим наукам и к жизни.

Потом Крылов стал морским офицером. Командовать кораблями ему не пришлось, но зато в Чёрном море и на Тихом океане, на Баларном кругом и в тропиках изучался, проделывал курс, с благодарностью вспоминали матросы Крылова, который составил для них таблицы поправки к показаниям компаса.

А так Крылов уже работал на верфи — учился строить корабли. И, как всегда, принимался за по-

вое дело, он принимался: не поможет ли математика лучше сделать порученную ему работу?

В то время уже умели строить большие стальные корабли. Но заранее предсказать, как корабль будет вести себя в плавании, не мог ни один самый опытный инженер. Особенно трудно было рассчитать качку корабля, а, сколько ни бьются инженеры и учёные, и этот деле они не достигли успеха.

Крылов взялся за эту трудную задачу. Он прочитал много книг, сделал много опытов, провёл много сложных расчётов, и задачи были решены. С тех пор по всей мире, рассчитывая новый корабль, инженеры с благодарностью вспоминали капитана Крылова и созданную им теорию качки.

А Крылов уже снова сидел над книгами и над расчётами, делал новые опыты и измерения, стараясь решить задачу о том, что сделать, чтобы большой корабль, получивший пробоину, не опрокидывался, не шел на дно, а продолжал жить, плавать и сражаться.

Вместе с адмиралом Макаровым решил он и эту трудную задачу. С тех пор на боевых кораблях появились таблицы непотопляемости, и моряки и боем, спасая свои корабли от неизбежной гибели, не раз с благодарностью вспоминали профессора Крылова, отдавшего годы упорной работы созданию этих таблиц.

Когда пришла Великая Октябрьская революция, ушёл с военной службы, генерал, профессор, академик, Крылов без колебаний отдал советскому народу все свои силы и знания. Он стал начальником морской артиллерии и много труда вложил на воспитание специалистов для советского флота. На этот пост хватало ему и любви и работы, но неутомимый учёный стоял перед собой и раздумал всё новое и новое задачи. Были из другой категории задач его пера замечательные работы, и каждая из них увеличивала боевую мощь флота.

Он создал приборы для меткой стрельбы при качке, он тщательно изучил путь снарядов, выходящего на пушках, он исследовал прочность оружейного ствола и создал свой замечательный приборный и открытый, которые навсегда вошли в военно-морскую науку.

А. Н. Крылов с адмиралом С. О. Макаровым.
Рисунок художника
Д. Н. Коростовицкого.

Большое подвигами трудился он для Родины, и Родина высоко оценила его заслуги; академик Крылов трудился был наравне с орлом Ленина, он был удостоен Сталинской премии и высокого звания Героя Социалистического Труда.

Во своей большой награде была для него любовь и память людей, продолжавших его дела, людей, которых он передал своим знаниям, которых он научил работать так, как работал сам,— честно, горючо, с любовью и терпением.

Об этом большом человеке писательница Нина-Юлия написала книгу «Академик корабельной науки».

Прочти эту книгу. Она поможет тебе лучше познать и чудесную силу знания и силу человека, достойного нашего времени. А когда подрастешь, обязательно прочти воспоминания Алексея Николаевича Крылова, в которых он сам рассказывает о своей большой, интересной жизни.

Н. Андреев

О верных и любящих сердцах

Нет у человека лучшего друга, чем мать. Радуетя сын — радуется и мать, у сына горе — горе и у матери, какой его утешит — это ей riesce, а если сын попал в беду, никогда мать его не оставит.

Но и сын, если у него верное, любящее сердце, всегда разделит с матерью и горе и радость, скажет для неё всё, что может.

Так поступил в тринадцатилетней Марко, сын итальянского рабочего. Его мать уехала в Милане Америке, чтобы заработать для семьи хоть немного денег.

Сперва всё шло хорошо, а потом случилось, что мать перестала приходить.

Набавила, умерла? Насте этого не знал.

И вот Марко решил отправиться на Гоуэн в Буэнос-Айрес на поиски матери, которую он любил больше всех на свете.

Опасная работа ждала Марко, любил трюмманов сидеть над его головой, ему приходилось идти в по выжженной беспощадным солдаты равнине и пробираться одному сквозь таинственный и опасный тропический лес.

Злые люди встречались на пути Марко. Они обижали его, заставляли жестоко работать. Но хороших людей мальчик встречал чаще: они помогали ему во всём, чем могли.

Однако никогда не любил бы Марко де Анчи, если бы не было в его груди мужественное, преданное и любящее сердце, которое помогло ему идти всё вперед и вперед.

Такое же чуткое, любящее сердце было и у другого мальчика — Джулио. Его отец тоже был очень беден и едва мог прокормить большую семью. Для того, чтобы заработать хоть немного денег, он не потерял надежды идти на контракты.

Джулио очень хотел, помочь отцу, но тот не разрешал.

Рисунок художника А. Кошаров и рисунок «От Антонио де Анчи».

— Нет, тебе надо учиться,— говорил он.

И тогда Джулио придумал...

Вотчина, мы не скажем тебе, что придумал Джулио, не скажем тебе и о том, какой подвиг совершил другой мальчик, но имени Чинчале: ты сам прочти о них в книге Эдуардо де Анчича, которая называется «От Антонио де Анчи».

Эдуардо де Анчича — итальянский писатель XIX века. Он был борцом за освобождение Италии от австрийского владычества, хорошо знал жизнь итальянских бедняков, горючо на любовь, восставшая из трудолобии, мужеством, благородством, умением помочь друг другу в беде. Об из детей, таких же благородных и мужественных, рассказывает Эдуардо де Анчича в своей книге.

В. Ермаков

ВОЛШЕБНАЯ Луна

Робота, ам, контора, по записи Антона Антоновича Букчина, чуждого философа, с которым он познакомился в прошлом году. Он являл был и робота, и остопа заняту в волшебный лес.

— Антон Антонович, почему горюет? Прочитай от доски до доски! При чем тут доска, ампло-мама!

С этим словом амплома не мне соседки мои соседи — дозвона Рета из третьей квартиры.

В своем лобике, когда работа обращается ко мне с вопросами, называюсь конг и конго. Отмечаю им, а обычно оставляю все другие дела. Но сегодня я никак не мог оторваться от работы — нужно было срочно привести в порядок одну редкую книгу. И вот я попытался доискаться для дела: работу над книгой я бросил с Ретой.

Высказывая еще доски до доски! Берет свои пальцы в гурбавей доросности, — начал я и в то же время подвиг в своем лобике, чтобы рассмотреть картину на странице. — Даво я том, что в старую книгу не попалась в телефоны, а переписывал от дурки, и вот... Ах, что же ты!

Пытаясь рассмотреть относи-лось не к Рете, а к тулу, вернее, к тому, что я увидел через тулу. Наде вам сказать, что книга, над которой я работал, называлась «Возвращение за три моря», был написана известным ученым Африка-ским Николаем — первым русским путешественником по Индии и Ирану — почти полтысячи лет назад. Разумеется, гораздо мной ранее на сам оригинал написан — также драгоценные материалы культуры древности или современности, а воспроизведенный текст, переписанный значительно по более обыкновенным типографским бумагам на обыкновенной бумаге.

Но под тулой всё изменилось. Страница «Возвращения» сразу выросла и чуть-чуть пожелтела, буквы стали крупнее и наклоннее, а заголовки заголовки, заголовки словословный стиль.

— Смотри, смотри, Рета. Вот она — старая книга, написанная оригинальным чернилами на пергаменте! — закричал я, и мы оба склонились над крупным словослов-ным тулу.

— Видишь, как красиво и причудливо изукрашена первая буква! Так называемый «Инициал», — восклицала я. — Краски почти не выцвели за пятьсот лет. Старинные русские художники, иллюстрировавшие «Степановича Гаврилова», «Илиарина Саломею» и другие рукописные книги, всегда казались удивительно свободными, красочными. А видишь отдельные слова, приписанные в конце? С этого же слова начинается следующая страница. Это курьезы, курьезы-старые, они относятся к порядку в книге... В те времена страницы не нумеровались и курьезы — был как бы шифр, номером страниц для параллельных или, как говорили в старину, «исполнителей книг».

Даже в переводной же слово, под тулой слова всё изменилось. Рукописная книга, которую до сих пор мы видели, как говорил в кино, крупным лавном, стала вдруг-то дельнее, и перед нами предстала каноника, старинная русская светлая лампада. Над пергаментным словом было написано, бледный, истонченный, очень бедно одетый... Пальтошкой выходя из на пергаменте крупнее, красивые буквы, и на устах, как еще его сказались что-то вроде адононовича.

— Что же ты! — спросила

Рета шепотом, видимо, боясь помешать работе человека.

Я всматривался и прочитал: — «Радуете книгу, прежде всего творца, и автора, а также при-каз, и книгу, а отсюда своей книжки, также радуете и книж-ный остопа, дошедший изначаль-но... Писавший, он замечает свой труд и обращается к читателю от себя. По принаде-льному роду и ученым мы кон-чить об этих старинных, но редких-ных трудниках на более русской культуры, красочная работа автором, чтобы сказать, чтобы-ваться всеми людьми...»

И, точно подтверждая мои сло-ва, «исполнитель» отсюда сразу по-менял и, горло упинаясь, сказа-вал самому себе:

— Вот и закончил свой труд, раб божий... Ох, слова великого богатыря привнес он тебе мир, глаза на тебя, может удивиться от знания! Все деньги, что есть у нас, возму я при себе, всё платье мой на мне надею...

И всё же я потрудились на пользу людям, — добавил он, и горло упинаясь на его лице слы-шалось светлой и радостной. — Великая польза бывает от ученых книжников. Мы приобретаем муд-рость и воспитываем от этих книжников...

Говоря это, он взял две десят-ки, видимо, заранее приготовлен-ные. Одну из них он положил под пергаментные листы, а другую повернул, и книга оказалась точно в деревенском пергаменте. И тут мы снова услышали его такой голос:

— Ступай в мир, мудрец, стра-важивая и познавая книги. И пусть люди познают добрым сло-вом то, что потрудились над до-бром, и прочитают тебя от доски до доски!

А. Букчина

СПОРТ

Городок Кортина д'Ампеццо, где будут проходить в этом году зимние олимпийские игры.

ЗИМНИЕ ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

В. Кречетова

СОРЕВНОВАНИЯ В КОРТИНА Д'АМПЕЦЦО

Вышедший 1956 год, как и всякий высочайший год, спортсмены называют «олимпийским», потому что раз в четыре года проводятся самые крупные международные спортивные соревнования — олимпийские игры. Они называются так не зря: именно в этот раз проводятся праздники, устраиваемые когда-то в древней Греции у подножия горы Олимп.

Первые современные олимпийские игры (их часто называют просто олимпиадами) состоялись в 1896 году в Афинах. В программу тогда входили только летние виды спорта. Потом в программу олимпиады включили фигурное катание, а несколько позже и хоккей. Соревнования фигуристов и хоккеистов проводились на искусственных катках и были как бы дополнением к основной летней программе.

Но желающих состязаться по зимним видам спорта становилось всё больше и больше, и в конце концов решено было устраивать зимние олимпийские игры самостоятельно, отдельно от летних.

Первая зимняя олимпиада состоялась в 1924 году во Франции. Затем зимние олимпийские игры устраивались в Швейцарии, Германии, Соединённых Штатах Америки и Норвегии.

В этом году VII зимние олимпийские игры — «Белая олимпиада» — разыгрываются в Италии, в Кортина д'Ампеццо с 26 января по 5 февраля.

Кортина д'Ампеццо — небольшой курортный городок, расположенный на южных склонах Восточных Альп, на высоте 1224 метра над уровнем моря. Горы, окружающие местечко, покрыты снегом, на вершинах их, сложенных из красных доломитов, обвешены и чётко выделены на безоблачном голубом небе. Эти характерные зубчатые скалы изображены на эмблеме олимпиады. Пять перекрещивающихся колец означают пять частей света, так как представители пяти частей света будут участвовать в соревнованиях.

Кортина д'Ампеццо не случайно избрали местом для олимпийских состязаний. Здесь тут стоит прекрасная солнечная погода с лёгким морозцем. Здесь оборудованы хорошие катки, проложены специальные трассы для лыжников, построены трамваи. Личнослесные подъёмники могут в несколько минут доставить спортсменов и зрителей на горы, где будут проходить большинство соревнований.

НА «СНЕЖНОМ СТАДИОНЕ»

Лыжники будут соревноваться в беге на лыжах, спусках с гор и прыжках с трамплина.

Когда-то бег на лыжах называли «скаковой гонкой». Буть лыжника пролетал обычно по равнине, где не было ни колеи затаивших лыжников, ни стремительных спусков. Сейчас лыжнику гонку гладкой нежизни не имеем.

На всех крупных соревнованиях роковые участки составляют теперь только треть трассы. Остальное занимает спуски и подъемы.

Чтобы уменьшить тряску, устроились алюминизированные площадки сбросов: сначала, к примеру, после ровный участок, потом подъем. После него опять ровный участок. Затем спуск — и снова ровный участок. Потом может быть опять спуск и так далее. Эти спуски и подъемы не накатные, проложены, а лыжи всё время лежат по горе. Но зато мало: лыжнику на пути на в дело встречаются то бугор, то канавка, то крутой поворот. Гонщик на алюминизованных соревнованиях должен быть ещё и хорошим гимнастом, чтобы добиться успеха.

В олимпийскую программу бег на лыжах входит: гонка на 15, 30 и 50 километров для мужчин и эстафета. В эстафете участвуют по четыре лыжника от каждой страны. Каждый лыжник должен пройти по 10 километров. Выигрывает та команда, которая в сумме получает лучшее время.

Женщины соревнуются в гонке на 10 километров, а в эстафете участвуют по три женщины от каждой страны. Они должны выиграть через 5 километров.

Трассы для лыжных гонок проложены в западной части колоссальных Доломитовых Альп. Старт и финиш образует большую долину. Они находятся в одной долине, на «Снежном стадионе». Здесь проложены широкие, ровные, удобные длинные лыжни, устроены средние канавы, и вышки, и большие трубы, на которых может разместиться десять тысяч зрителей.

О том, какое время показывают лыжники на де-

тавции, кто кого обгоняет, будет сообщаться по радио. А после окончания гонки на большом экране у финиша будут вывешены результаты десяти лучших гонщиков.

СО СКОРОСТЬЮ 120 КИЛОМЕТРОВ В ЧАС

Горнолыжники соревнуются в трёх видах спусков с горы: слаломе, слаломе-гиганте и скоростном спуске. Они отличаются друг от друга длиной дистанции, количеством препятствий и перепадами высот (расстоянием от старта до финиша по вертикали). Трасса обычного слаломе — 400—600 метров, гигантского слаломе — 1 500—3 000 метров, а скоростного спуска — 3 000—4 000 метров. На дистанции слаломе устанавливаются препятствия — вештаки висят на флажках, которые надо объехать. В гигантском слаломе порог меньше — до тридцати, а в скоростном спуске и вовсе мало — пять — десять. Каждый порог — это поворот, который автоматизм должен преодолеть. Основную скорость в обыкновенном слаломе выигрывают, а в скоростном спуске очень большая — до 120 километров в час.

Трасса горного спуска на олимпийских играх очень сложная. Все решения лыжник должен принимать самостоятельно и точно их выполнять. Только здесь тренировочные спортсмены, а соревнованиям участвуют горнолыжники-любители.

Возле горы на плоскогорье Доломитовых Альп. В восточной части, на горе Тофан, проложена трасса скоростного спуска. Она начинается под отвесными стенами крутых долин. Первые 200 метров

Вот вид, как панорама гор, окружающих Карово д'Антонцо. Известные лыжи, спускающиеся с горы Тофан, показывают, как будет проходить трасса скоростного спуска (1). В. Цифрой 3 обозначено место, где будет состояться по слалому, а цифрой 4 — трасса слаломе-гиганта на горе Тофан. В старом слаломе и скоростном спуске идут гонимые, Буна А показывает, где расположен «Снежный стадион», В — место старта и финиша лыжных гонок, В — трассу бобслея, Г — лыжные трассы, а Д — вершину Меларина.

лыжник спускается довольно спокойно. Но потом попадает в «ябеду»: так спускаются лыжники сто-метровый участок среди скал, где сильный ветер дуетлет крутинами в 30 градусов. Со страшной скоростью спортсмен летит вниз, а сам всё время нагибается: как бы не упасть в скальную ямку! Но вот «страда» прошла, и после открытого участка лыжник попадает в лес. Бывает процесс то таинственный, то кокетливый на бугор, подпрыгивая лыжника так, что он прыгает по воздуху между двадцатью. Только приближается — и вдруг крутой поворот. Задерживаясь на долю секунды — можно падать на землю...

В лыжном соревновании лыжники выданы ещё два вида соревнований: прыжки на лыжах с трамплина — такое состязание, в котором спортсмен в первый день прыгает на лыжах, а во второй участвует в гонке на 15 километров. Выпрыгивает тот, кто дальше всех прыгнет и попадет лучше всего в гонке. Женщины в этих видах соревнований не участвуют.

Для прыжков построен трамплин в двух с половиной километрах от Кортини д'Ампеццо. Лыжник берёт старт на высоте 50 метров от земли. На трамплине лыжники достигают специальной ямы. Инструкторы рассчитали трамплин так, что с него можно будет прыгать на 72 метра. Однако лыжники, которые уже пробовали прыгать с трамплина, говорят, что можно достичь длину прыжка и до 80 метров.

БОССЛЕР

Есть на нас, ребята, не любят зимой кататься с гор на санях? Забрелись на гору и несёшься оттуда вниз по весь дуг. Если гора длинная, крутая да ещё с поворотами, то спуститься с ней и не уметь — дело не такое простое...

А известно ли вам, что есть специальные спортивные соревнования в спуске на санях? Называются эти сани босслей. Ими управляют с помощью руля, крутого, как автомобильная баранка. Спускаются на боссле по специально устроенным снежным дорожкам, крутым и очень извилистым. Здесь можно развить скорость до 100 километров в час.

Но имени самого и самый над этого спорта называют босслера. Он особенно распространён на Скандинавском полуострове и в Альпах.

Цель соревнований — как можно скорее спуститься с горы. Занимают самый чаще всего состоит из двух человек. Но бывает четырёх- и даже шестичеловечный босслей. Стремясь развить наибольшую

скорость, участники спуска на поворотах перекидывают тяжесть тела то на правый, то на левый бок, подбегая тому, как это делают мотоциклисты и автомобилисты. Чтобы спускаться на предельной скорости, нужны большая ловкость, зоркий глазок, точный расчёт и очень согласованные действия с партнёром.

На боссле несколько раз разыгрывались первенство мира. В этом году босслей выданы в программу VII зимних олимпийских игр в Кортини д'Ампеццо. Трасса установлена в 1 700 метров с шестидесятью поворотами.

«ЖЕМЧУЖИНА ДОЛОМИТОВ» И «ЛЕДЯНОЙ СТАДИОН»

Место для соревнований и скоростной бего на лыжах находится на высоте 1 385 метров над уровнем моря. Здесь на краю озера Мазурин, которое назвали «Жемчужиной Доломитов», оборудована 400-метровая бетонная дорожка. В программу соревнований входит так называемое «классическое многоборье»: бег на 500, 1 500, 5 000 и 10 000 метров. По новым олимпийским правилам, в комбинированных соревнованиях участвуют только мужчины.

Здесь на озере Мазурин такой ровный и блестящий, что в прошлом году итальянские коммюнисты, соревнуясь на первенство своей страны, установили почти все рекорды. Очень высокие результаты показали и спортсмены других стран, представленные в них в гости. Спортсмены были так удивлены необычайно высоким результатами, что позвали подорожника, не верится ли дорожка. Но после тщательного измерения была установлена, что длина дорожки соответствует правилам.

Однако, как ни хорош здесь лёд, для фигуристов и хоккеистов оборудован другой лёд, почти в самом центре Кортини д'Ампеццо. Он называется «Ледяной стадион». Здесь устроены большие крытые трюумы на 12 тысяч зрителей. Трюумы оборудованы сверхрасширенными ледяными.

На «Ледяном стадионе» проведёт торжественное открытие и закрытие олимпиады. Высота над трюумами и специальной лавочке все для соревнований будет гореть олимпийский огонь.

Каток на «Ледяном стадионе» очень большой. На нём размещается для ледяных игр и хоккей с шайбой, на ещё между ними остаются дорожки шириной в 10 метров.

Совсемно спортсмены впервые участвуют в зимних олимпийских играх. Они принимают участие во всех видах состязаний, кроме босслера.

В часы ДОСУГА

НОВОГОДНИЕ ПРИЗЫ ДЕДА МОРОЗА

На новогодней ёлке победителям в играх и олимпиадах поставили дед Мороз новогодние призы. Пять слов в этих праздничных олимпиадах были самыми разнообразными и интересными.

Пришли получать призы Боря, Пята и Нада.

— Можете мне не говорить, кто какой приз выиграл, — сказал им дед Мороз, — я и сам узнаю. Пусть только каждый из вас скажет, на каком столе выданы им призы.

Обыски ребята все столы, осмотрели расположенные на них игрушки.

— Мой приз есть на первом, на втором и на четвертом столе, — сказал Боря.

— Мой на втором, четвертом и пятом, — объявила Пята.

— А мой только на первом и на третьем, — сказала Нада.

Дед Мороз маленьким загадку в олимпиаду-отгадочку.

— Всё ясно, — сказал им. — По-

лучай, Нада, нулеу. Таба, Боря, шахматы, а Пята футбольный мяч.
— Верно! — удивились ребята.
Но как вы угадали!

— А это секрет, — улыбнулся дед Мороз. — Догадаться сами! Попробуйте и вы, ребята, разгадать секрет деду Мороза.

П О С Л О В И Ц А

КТО ГДЕ УЧИТСЯ

Ката, Ана, Оля, Васа, Кала и Пята живут в одном доме, но учатся в разных школах — в 17-й, 32-й и 65-й. Установите, кто из них в какой школе учится, если известно, что:

1. На вечеру в 65-й школе в числе приглашённых гостей были Ана, Пята и Оля.

2. Ката и Пята — лучшие игроки в своей школьной олимпиаде.

3. В чемпионате Урноре между 17-й и 65-й школами Васа занял первое место.

4. Ката и Ана учатся в разных школах.

5. Когда Ката заболела, Васа навещал её и развлекал её, что происходило в классе.

6. Оля была раньше в 32-й школе, а сейчас она учится вместе с Петей.

ЗАГАДКИ-ШУТКИ

1. В одном месте меньше всего едят?
2. Какие буквы состоят всего лишь из шести букв?
3. Какой день недели самый короткий?
4. Что у цапли спереди, а у зайца позади?

П	И	А	О	У	З	А	И
И	Ы	А	В	И	Д	З	И
И	Ц	Б	А	Е	К	К	А
К	С	В	В	М	Б	Т	И
И	С	Д	И	И	А	К	
У	О	У	О	И	Ч	И	
Т	А	А	И	П	О	В	
К	А	О	С	А	Д	С	О

Вот так история! Озорница Жучка утащила решётку, которая служила ключом к решению этой головоломки. Придётся вам изобрести такое такое же по размерам фигуру из букв или превратить ключик. Тогда в определённом порядке, накрывая фигуру решёткой, вы легко прочтёте через проделанные в ней отверстия знакомые строки верного решения вам басни И. А. Крылова.

ПРОЧИТАЙТЕ

Разгадав эти ребусы, поставьте их в таком порядке, чтобы можно было прочитать известную поговорку.

ОТ СЛОВА К СЛОВУ

Существует немало таких слов, в которых достаточно переменить одну букву, чтобы получилось другое слово, а это можно не способом превратить в против и т. д. Во всех случаях это должны быть только существительные единственного числа.

Так на «кошке» легко сделать «кошачку», достаточно поставить между ними всего лишь одно промежуточное слово: кошка — кошачья — мышка.

Пользуясь этим приёмом превращения слов, попытайтесь добраться от слова «рука» до слова «нога», используя для этого не более шести промежуточных существительных.

А от «ноги» до «кошки» маршрут ещё короче. Найдите его.

Названия каких рек можно составить из букв, которые входят в короткую фразу, изображённую художником на рисунке?

Редакция: Ильина Н. В. (редактор), Канарин В. А., Кисель Л. А., Маркова С. Е., Остроумова В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. Н., Падубина В. А. (заместитель редактора), Приказкина М. П., Соколов Ю. В., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Пролетары», 34, комната 333, тел. Д 3-35-73.

Технический редактор А. Ефимова.

Рукописи не возвращаются.

А 02980. Подписано в печать 23/08 1955 года. Тираж 300-000 экз. Форм. 64 x 168 мм. Бум. листов 2-62. Печ. л. 8-81. Цена № 3198.

Орден Ленина типография газеты «Пролетары» имени Н. В. Сталина.

Ребята!

Радио появилось почти во все отрасли промышленности, науки и техники, и в какой бы области вам не пришлось работать, когда вы вырастаете, вам, наверняка, придется иметь радио.

Со сборкой простейших радиоприемников вам поможет познакомиться технический набор «Юный радиоинженер». Он поможет вам самостоятельно сконструировать более сложные приемники и радиотехнические конструкции, поможет понять, как работает радиоприем.

Набор состоит из большого количества деталей, позволяющих собрать практически все типы различных действующих моделей и радиотехнические схемы:

простой детекторный приемник,
сложный детекторный приемник,
детекторный приемник с усилителем на одной лампе,
детекторный приемник с усилителем на двух лампах,
одноламповый приемник для приема местных станций,
одноламповый приемник для приема дальних станций,
двухламповый приемник для приема местных станций,
двухламповый приемник для приема дальних станций.

Все монтажные работы можно выполнять только с помощью отвертки и паяльного железа, не применяя пайки.

Собранный из деталей конструктора двухламповый приемник обеспечивает прием на коротковолновую антенну не только местных, но и дальних радиостанций в диапазоне средних и длинных волн.

Юные друзья! Самостоятельная работа с радиоинженером поможет вам лучше узнать физику, электротехнику и радиотехнику.

«Юный радиоинженер» — лучший подарок для любителей техники.

Набор «Юный радиоинженер» продается во всех магазинах, торгующих культурными и игрушечными.

Если хотите о наборе «Юный радиоинженер» присылать по адресу: Москва, Новокузнецкая ул., дом 4/12, Главлитторг.

Министерство торговли СССР, Главлитторг.

1

2

3

4

5

6

7

8

1. Татарец, Монголцууд, я —
Якутларуучуу дүүдэл.
Хай нийслэлээ, хай нийслэлээ,
— Якутскай гэрэл.

2. Забегала на мие фигурку
— Врушечка, Андрюшка, дружок.

Загсра я дундгай с олоонхой,
Притом, монголский, с трамплина!

3. Я, конечно, очень рад:
— Ладно, вырвуу ребят!

4. Внизу я себя самодят...
Шарф далой!.. Простите старца!

5. Простое сделал дело,
Я летел... Прощай, земля!
6. Прощай!.. Прощай!.. Прощай!
Шарф на чаше райского,
7. Внизу таял!.. Простите старца!
8. Пожелалось и с трамплина,
Я своей любимой под —
Мировой рекорд рекорд.